
СБОРНИК «ВЫСОКИЕ СУЖДЕНИЯ У ДВОРЦОВЫХ ВОРОТ»

Как известно, одной из главных единиц бытования текста в традиционном обществе выступает сборник. Старый Китай в этом смысле не был исключением — сборники того или иного рода, той или иной направленности известны в Поднебесной начиная с древности. По мере развития культуры их число множилось, тематика становилась разнообразнее, и одной из важнейших вех на этом пути стало появление так называемых сборников бицзи 筆記. Возникнув в эпоху Тан (618—907) и окончательно сформировавшись как самостоятельное явление к началу правления династии Северная Сун (960—1127), сборники этого рода к XII в. чрезвычайно распространились в обществе — не в последнюю очередь в связи с широким распространением книгопечатания. Кажется, каждый крупный сунский книжник оставил после себя такой сборник (а некоторые и по два ¹).

В рамках настоящей работы нет места подробному анализу этого явления ², а потому я ограничусь лишь определением бицзи как особой формы авторского сборника, не связанного какими-либо жанровыми рамками или объемом, не ограниченного ни в плане формы, ни в плане содержания, и оттого включающего как сюжетные, так и бессюжетные, а равно и поэтические фрагмен-

¹ Например, Су Ши (蘇軾 1036—1101) — «Чоу чи би цзи» (仇池筆記 «Заметки из Чоу-чи») и «Дун-по чжи линь» (東坡志林 «Лес записей Дун-по»).

² Подробнее о бицзи см. мои работы: *Алимов И. А.* Вслед за кистью; *Алимов И. А., Серебряков Е. А.* Вслед за кистью; а также итоговое исследование: *Алимов И. А.* Лес записей: Сунские авторские сборники X—XIII в. в очерках и переводах (в печати). Последнее издание материалов о Лю Фу не включает.

ты¹ — главным образом, рассуждения о поэзии. В качестве главного конструирующего принципа организации конкретного сборника бици выступала личность автора — круг его интересов, воззрений, ученых пристрастий, стремлений, наконец, жизненный опыт, которым автор считал необходимым поделиться с потомками; говоря иначе, автор соответственно уровню своей учености мог преследовать самые разные цели, при этом ничем совершенно себя не стесняя. Ценность сборников бици для современного исследователя состоит как раз в этой авторской свободе — когда книжник, не будучи на официальной службе и, следовательно, не находясь в ипостаси чиновника, государственного человека, конфуцианца во власти, описывал современную ему жизнь непредвзято и наиболее полно². В результате в сборниках бици мы находим подчас уникальную информацию о самых разных сторонах жизни традиционного китайского общества — информацию, выгодно дополняющую официальные исторические сочинения, потому что некоторым темам место в официальной историографии было заказано.

Сборник «Цин со гао и» (青瑣高議 «Высокие суждения у дворцовых ворот») Лю Фу в ряду прочих сунских бици ценен как степенью сохранности, так и жанровым своеобразием³. Б. Л. Рифтин предлагает другой перевод названия сборника — «Высокие суждения у зеленых дворцовых ворот»⁴, К. И. Голыгина — «Вы-

¹ Под фрагментами применительно к бици я понимаю законченные в смысловом отношении отрывки текста, из которых складывается текст сборника, вне зависимости от того, имеют ли эти отрывки заголовки, сюжетны ли они бессюжетны.

² Об этом очень хорошо сказал А. С. Мартынов: «Кисть, рабочий инструмент конфуцианской личности, оказавшись в состоянии "праздности", освобождалась от строгих доктринальных ограничений, осознавала свои способности и стремилась отразить окружающий мир по всей его полноте» (Мартынов А. С. Кисть и досуг «совершенного мужа». С. 568).

³ Это единственный известный нам раннесунский сборник, содержащий в своем составе новеллы *чуаньци*, и именно из него Лу Синь почерпнул ряд новелл для своего знаменитого «Тансун чуаньци цзи» (唐宋傳奇集 «Сборник новелл чуаньци эпох Тан и Сун»).

⁴ Рифтин Б. Л. Китайская проза. С. 30.

сокие суждения у зеленых ворот»¹ и «Суждения о нравственном у зеленых ворот»². Все эти переводы в разной степени отражают содержание названия, но, как мне кажется, в данном случае нет необходимости переводить 青 как «зеленый», ибо сочетание 青瑣 с древности используется в переносном смысле для обозначения любых ворот, ведущих в дворцовые покои. Уже в 98-й цзюани «Истории [династии] Хань» есть упоминание о том, что ворота дворца цюйянского хоу были покрыты таким узором, и Янь Шигу (顏師古 581—645) прокомментировал *цин со* 青瑣 следующим образом: «резной непрерывный как лента узор, выкрашенный в цвет *цин*»³. С течением времени это иносказание стало употребляться не только применительно к воротам жилищ высшей знати, но и к любым воротам, ведущим в покои типа дворцовых. Возможно, предполагает современный китайский исследователь Оуян Цзянь 歐陽健 (автор единственного на сегодняшний день монографического исследования, специально посвященного «Цин со гао и»), Лю Фу, употребив в названии своего сборника *цин со*, хотел подчеркнуть изрядные литературные достоинства своего собрания⁴. Что же до «высоких суждений», то это очевидная отсылка к морализаторским резюме *и* 議, добавленным Лю Фу к некоторым, главным образом, заимствованным у других авторов текстам⁵. Таким образом, «Цин со гао и» по названию претендует быть собранием выдающихся произведений, годных предстать даже пред самые высокопоставленные очи; высокий ранг, на который претендует сборник, состоит также в том, что его материалы прямо (посредством резюме) и косвенно (собственно, содержанием) внушают читателю возвышающие идеалы. В общем и

¹ Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая. С. 65.

² Рассказы у светильника. С. 11.

³ Бань Гу. Хань шу. Т. 12. С. 4025. Нужно помнить, что палитра цвета, обозначаемого в старых китайских текстах иероглифом 青, достаточно широка — от темно-голубого, ярко-зеленого и до просто темного, даже черного; впрочем, у зеленого (естественного цвета зеленых листьев) было тут явное преимущество.

⁴ Оуян Цзянь. Цин со гао и. С. 14. Подробнее об истории текста сборника и о самом Лю Фу см. в настоящей книге, в Приложении 2.

⁵ Фрагментов с резюме, начинающегося со слов 議曰 «[Я] рассужу так», в «Цин со гао и» двадцать один; еще четыре резюме начинаются со слов 評曰, что я перевожу так же. Тем не менее наличие такого резюме не следует рассматривать в качестве непереносимого маркера заимствования.

целом, как сможет убедиться в дальнейшем и мой читатель, так оно и есть.

Лю Фу, будучи классическим китайским книжником-собирателем, доступными ему средствами создал книгу, в рамках которой варьируются (а с помощью морализаторских резюме и усиливаются) интересующие его темы и мотивы. Их регулярная повторяемость позволяет нам сделать важные замечания касательно оценки личности самого Лю Фу, а равно и изучения некоторых важных сторон жизни традиционного китайского общества XI века, в том числе элементов традиционного китайского мировоззрения. Сборник «Высокие суждения у дворцовых ворот» — не только собрание основных популярных прозаических жанров своего времени, но — как явная компиляция, включающая так или иначе обработанные составителем многочисленные произведения иных авторов, — это еще и миниэнциклопедия эпохи, куда вошли умонастроения бытовой повседневности, верования и суеверия всего китайского общества в целом. Здесь нашли отражение многие важные темы, о которых я говорил выше: элементы представлений о душах умерших, а также о лисах-оборотнях и, кроме того, о духах. Но если в случае с «Тай-пин гуан цзи» мы с известными уточнениями можем говорить о материале, практически исчерпывающем расхожие мотивы, связанные с душами умерших, то в «Высоких суждениях...» мы имеем дело с более узким кругом мотивов, близким в первую очередь автору и повседневным умонастроениям его эпохи.

Уже в предисловии к сборнику отмечена самая, пожалуй, важная затронутая Лю Фу тема, которая его весьма занимала и к которой он вновь и вновь обращался на страницах своего сборника. «Всегда в мире существовало обычное и всегда существовало необычайное, — так начинается предисловие. — Обычное — это люди, а необычайное — души умерших». Собственно, речь о них заходит буквально с первых страниц «Цин со гао и», когда в рассказе «Записки о погребенных костях» 葬骨記 главный герой сталкивается с душой умершей девушки, которая просит его захоронить брошенные без погребения останки. Непосредственно за этим следуют две истории — о том, как министр Фу Би (富弼

1004—1083) организовал массовые захоронения для тех, кто погиб в результате наводнений и голода¹. (Это, кстати, один из весьма немногочисленных примеров подобного рода из «Высоких суждений...» — когда в роли главного героя выступает хорошо известное историческое лицо; да и сам эпизод исторически вполне достоверен; в подавляющем же большинстве историй фигурируют лица совершенно безвестные, скорее всего — вымышленные².) Как было сказано, возвращение в мир живых души умершего, обеспокоенной состоянием своего захоронения — один из основных интересующих нас в рамках настоящей работы мотивов «Цин со гао и». Ибо душа находит успокоение, попадает благополучно в загробный мир и рождается в новом обличье только в том случае, когда тело, в коем она обитала, похоронено по всем правилам и в полной целости. Особенно важны место захоронения и наличие могилы. Душа того, кто по тем или иным причинам остался без погребения, может надеяться исключительно на милость живых — и как раз за этим она является к людям, выбирая среди них тех, кто обладает совершенными моральными качествами, а значит, может понять важность дела умершего и отнестись к просьбе со всей ответственностью.

В том случае, если человек, к которому душа умершего приходит с просьбой позаботиться о захоронении, не оправдывает надежд или даже проявляет вероломство, обманывает, душа умершего мстит за обиду, как в рассказе «История Цзян Дао» 蔣道傳 из третьей части сборника Лю Фу; главный герой этой истории присваивает деньги души умершего полководца, данные ему для расходов по перезахоронению. Завязка рассказа в том, что

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 11—13.

² Вообще среди героев «Цин со гао и» достаточно громких исторических имен — Ли Фан (李防 924—996), Чжан Юн (張詠 946—1015), Фань Чжун-янь (范仲淹 989—1052), Фу Би (富弼 1004—1083), Ван Ань-ши (王安石 1021—1086), и др., — и любопытной особенностью сборника (видимо, лишней раз подчеркивающей его компилятивность) является то обстоятельство, что эти исторические северосунские деятели в «Высоких суждениях...» представлены вне контекста довольно острой политической придворной борьбы, имевшей место в то время, и того, какая именно группировка находилась у власти — а ее соперники, соответственно, подвергались гонениям и официально не могли быть примерами высоких человеческих качеств; в сборнике Лю Фу это деление отсутствует, здесь, для иллюстрации того, как должен вести себя истинный чиновник, благородный муж, просвещенный конфуцианец, привлечены эпизоды из жизни участников самых разных, в том числе противоборствовавших группировок и течений.

ученый по имени Цзян Дао некогда, заночевав на постоялом дворе, повстречал душу танского полководца, и последний, обратившись к Цзяну, как к человеку достойному («Я знаю, что ваша милость, как конфуцианец-книжник непременно обладает полным чувством долга. Ваш покорный слуга умоляет выслушать его!»), поведал историю своей гибели — он командовал авангардом войска и погиб в сражении как раз в этих местах; полководец попросил перезахоронить его брошенные без погребения останки: «Мои останки покоятся как раз к западу от этого зала, лежат безвестно несколько сотен лет, беспомощные против темного плена. Вы можете спасти мои останки, извлечь их и захоронить на равнине, дав мне тем возможность обрести перерождение! Я щедро отблагодарю вас!» В качестве аванса полководец щедро одарил Цзяна серебром, и Цзян прямо среди ночи взялся за поиски, но так и не обнаружил останков, решив, что на их месте нынче стоит казенное строение. Некоторое время спустя, уже в столице, душа полководца разыскала Цзян Дао и упрекнула его в том, что он не исполнил своего слова: «Что же вы, господин, не сделали подкоп и не достали их?! <...> ¹ нельзя поручить, вы, человек, не знающий добра, воспользовались моим серебром! Я непременно отберу его у вас!» Так, собственно, и вышло: вскоре Цзян Дао заболел и все серебро ушло на врачей и лекарства ². Нельзя сказать, что Цзян Дао изначально не хотел помочь душе умершего полководца, однако же отнесся к поручению без должного, по мнению покойного, рвения, за что в итоге и поплатился.

Другой важный мотив сборника — мотив воздаяния за дурные поступки — вошел в китайскую культуру вместе с буддизмом. Прежде всего обращают на себя внимание три однотипные рассказа, в которых главный герой с корыстной целью обманывает девушку, а когда надобность в ней отпадает — убивает или способствует убийству. Мораль Лю Фу: «Если нельзя безнаказанно присвоить состояние человека, то что говорить о том, чтобы тайно нанести вред его жизни?!»; «Нельзя наносить обиду — вот ведь каково загробное возмездие! Прочитавшие должны остерегаться вести себя так!» ³ Непосредственно к этим исто-

¹ В китайском тексте утрачены три иероглифа.

² Лю Фу. Указ. соч. С. 231—233.

³ Лю Фу. Указ. соч. С. 140—145.

риям примыкает ряд коротких рассказов сугубо буддийского характера, повествующих о воздаянии за принесение вреда живым существам — как умышленно, так и по профессиональной необходимости. Суровое возмездие настигает как Юй Юаня, кормившего своих охотничьих соколов внутренностями зайцев, так и коновала Чэнь Гуя, хотя первый поступал подобным образом по собственной прихоти, а второй занимался забоем коней, зарабатывая себе на пропитание¹. Чаще всего преступника настигает смерть, и в агонии он сам испытывает все те муки, что он причинил живым существам. Впрочем, загробное возмездие отнюдь не безусловно, как может показаться. Из рассказа «Записки о чжэньжэне Цзы-фу» 紫府真人 мы узнаем, как Сунь Мянью, будучи призван к ответу за убийство черепахи, не получил наказания из-за того, что совершил это преступление, находясь при исполнении служебных обязанностей по охране плотины, которую та черепаха подрывала². Для разбирательства Сунь Мянью препровождают в загробный мир, описанный, как это присуще сюжетной прозе, весьма фрагментарно. В другом рассказе из «Высоких суждений...» дается более подробная, но все равно неполная картина загробного судилища. Названы три адских отделения: ад, где поджаривают («Слева и справа простирались высокие строения. У них — тысячи лежанок. Под лежанками мерцали огоньки — то совсем погаснут, то снова разгораются. На лежанках сидели и лежали люди, стонали, громко кричали. Тела у них были обгорелыми, причем до такой степени, что разобрать, где мужчина, а где женщина, было невозможно»); ад огня и кипятка («Я посмотрел вперед и увидел то и дело вздымающиеся высоко вверх языки бушующего пламени, услышал неистовые крики многих десятков тысяч людей. От всего этого я почувствовал стеснение в груди и боль в сердце. Чиновник вывел меня из ада, и тут у меня из носа и горла потекла кровь»); ад, где пилят («Перед большими домами находилось бесчисленное множество людей, их тела были пронзены остриями, и сотни, тысячи змей ползали среди этих преступников и задевали эти острия хвостами или же хватали их па-

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 145. Возмездие разнообразно: так, за причинение вреда обезьянам человек сам становится обезьяной (с. 135).

² Лю Фу. Указ. соч. С. 14—15

стью. Люди вопили так, что их криков нельзя было вынести»). Есть и специальные наказания, которым подвергаются избранные грешники: «Потом мы прошли мимо холма, из которого торчала человеческая рука. "А это кто?" — спросил я. "Это циньский генерал Бай Ци¹. Пребывает здесь за свои злодеяния". "Но ведь Бай Ци умер тысячу лет назад, неужели он все еще здесь?!" "Некогда он казнил четыреста тысяч пленных, и нет преступления тяжелей! А этот холм — человеческие кости"». Мораль Лю Фу: «Ци казнил чжаоских пленных — от этого действительно сердце холодеет! — но вот как воздалось ему в загробном судилище! Так как же можно творить плохие дела?»²

В подземном мире царит строгий порядок: бегают чиновники, отдаются приказы, работает канцелярия, смоделированная по образцу чиновничьего аппарата в мире людей. Вновь поступающая душа подвергается допросу, ее дело тщательно разбирают. Определяется мера вины и степень строгости наказания, после чего душа может получить перерождение. Какое-то число душ некоторое время находится вне состояния перерождения (эти души называются «неприкаянными») то ли по причине неправильного захоронения, то ли по решению загробного владыки. Возможны в загробном разбирательстве и ошибки, которые, как правило, все же исправляются.

Интересные сведения сообщает Лю Фу из истории китайской древности. Так, легендарный герой Юй в процессе усмирения великого потопа, когда в бушующих водах погибло великое множество людей, во избежание столкновений душ умерших с живыми давным-давно повелел собрать первых в горных пещерах и переписать их поименно. Гораздо позднее, «на второй год под девизом правления Цин-ли (1042) на восточном склоне горы Цзулайшань камнетесы дробили камень. В один прекрасный день они оказались в удивительном месте, где было пронизывающе холодно, а в ущелье, усеянном нагромождениями камней, стоял сумрак. Только ударили по камню, как открылась пещера, и в той

¹ Бай Ци (白起 ?—257 до н. э.) — он же Гунсунь Ци 公孫起, циньский военачальник и стратег, который в 260 г. до н. э. одержал победу над войсками царства Чжао под Чанпином (в совр. пров. Шаньси) и, согласно историческим хроникам, приказал закопать в землю живьем 450 тыс. сдавшихся чжаоских воинов.

² Лю Фу. Указ. соч. С. 136—138.

пещере выли души умерших. Заухали филины и затрещали деревья — вдруг наружу выскочила целая толпа духов, они набросились на камнетесов, и те бежали десять ли, и лишь тогда нечисть отстала. Потом все те камнетесы умерли. После этого души умерших разбежались на несколько десятков ли кругом, и рыбаки уже не осмеливались ловить в реке рыбу, а люди опасались собирать хворост в горах». Положение спас даос: он зашел в пещеру, прочел высеченный на камне список имен, и духи вернулись обратно в пещеру, вход в которую снова завалили¹.

Непосредственно к рассказам о неупокоенных душах умерших примыкает блок сюжетов, повествующих о посмертной судьбе лиц, известных своими добродетелями, талантами и прижизненными заслугами: они находят место среди небожителей или, как минимум, духов-покровителей местности. Для китайского народного самосознания последнее вполне характерно: когда некий чиновник, прославившийся мудрым управлением вверенным ему народом, предпринимавший многообразные усилия для облегчения народной жизни и не тиранивший попусту простых людей, после смерти обожествлялся в качестве духа-покровителя тех земель, которыми управлял при жизни. Именно такая судьба, по изложенной Лю Фу версии, была уготована известному танскому литератору, одному из восьми великих авторов эпох Тан и Сун, Лю Цзун-юаню (柳宗元 773—819): «Лю Цзун-юань, второе имя Цзы-хоу, на склоне лет получил понижение в должности и был назначен в Лючжоу начальником области. Цзы-хоу не притеснял народ и управлял им с любовью, в высшей степени гуманно. Люди со своими тяжбами приходили в присутствие, а Цзы-хоу судил по справедливости, не всегда при разборе дел слепо следуя букве закона» — и вот после смерти Лю Цзун-юань стал духом-покровителем Лючжоу и люди построили там храм в его честь². Более высоких загробных назначений удостоились современники Лю Фу — например, сунский министр Хань Ци (韓琦 1008—1075), после смерти ставший чжэньжэнем, «совершенным человеком» (третий по значению титул в иерархии даосских бессмертных); или другой министр — Пан Цзи (龐籍 988—1063), получивший титул даоцзюня, «небесного государя». Из рассказа

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 237.

² Лю Фу. Указ. соч. С. 10.

«Списки бессмертных с горы Цюньюйфэн» 羣玉峰仙籍 мы узнаем, что посмертная судьба многих выдающихся деятелей известной Лю Фу современности давно predetermined — Ню И, герой этого любопытного рассказа, во сне попал в некое место, где «в зале на возвышении повсюду стояли большие стелы... Издали Ню увидел, что стелы сделаны из белого нефрита, и на них красными иероглифами нанесены надписи. Сверху — большими знаками: "Список бессмертных Чжунчжоу" (иносказательно о Китае. — И. А.). За этим заголовком шли имена и фамилии, и число их измерялось многими тысячами. Ню многих из них не знал, а знакомы ему были только покойный министр господин Люй И-цзянь (呂夷簡 979—1044), покойный первый министр господин Ли Ди (李迪 971—1047), покойный министр господин Юй Цзин (余靖 1000—1064) и покойный лунту (член придворной академии Хань-линьюань. — И. А.) господин Хэ Чжун-ли (何中立 1004—1057)». Из дальнейшей беседы с управителем этого места выясняется, что «в мире людей правители уездов и начальники областей, как правило, люди необыкновенные — что же тогда говорить о вельможах, которые, так сказать, каждый день поднимаются к золотым воротам, входят в яшмовые покои и ведут беседы с Сыном Неба?»¹

Есть в «Высоких суждениях...» и несколько рассказов, посвященных бессмертным китайской древности — точнее, самому популярному из «восьми бессмертных» 八仙, Люй Дун-биню 呂洞賓, но гораздо больший интерес может вызвать рассказ, повествующий о взаимоотношениях великого танского литератора и мыслителя Хань Юя (韓愈 768—824) с его ставшим впоследствии бессмертным племянником — Хань Сян-цзы 韓湘子. «Все дети Вэнь-гуна (то есть Хань Юя. — И. А.) были усердны в учении, и лишь один Хань Сян безо всякого удержу отдавался своим настроениям: как увидит книгу, тут же ее отбросит, а если попадетсся вино, так сразу напьется пьян, а как напьется — громко поет. Вэнь-гун ругал его и наставлял: "Неужели же ты не знаешь о тех страданиях, которые я претерпел в жизни? Ни поля, ни сада у меня не было своего! Но с тех пор, как я пересилил свои мечтания и добился чиновничьего поста, я постоянно бываю в книжных хра-

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 19—20.

нилищах с золотыми воротами, в доме моем достаток и изобилие! И если я и ныне читаю книги, то потому, что не забыл, как началась моя жизнь! Ты же высоченный — семь чи ростом! — а еще ни строчки в книгах не прочел! И никогда даже не задумался, как утвердиться в жизни!» Все эти увещания дяди, который был ортодоксальным конфуцианцем, на племянника вовсе не действовали: молодой человек посвятил себя даосизму, чего Хань Юй решительно не мог принять даже после того, как Хань Сянцзы продемонстрировал ему некоторые из своих достижений: «Вэнь-гун как раз устраивал пир, и Сян, заняв последнее по старшинству место, собрал в тарелочку немного земли и накрыл ее плетеной крышкой. Когда же гостей стали обносить вином, он сказал: "Цветы уже распустились!" — поднял крышку, и все увидели два горных цветка, похожие на пионы, только больше их и несравненно красивее». На одном из цветков маленькими золотыми иероглифами были написаны две стихотворные строки — предсказание Хань Юю будущей опалы и ссылки. Но и это не подействовало на стойкого в убеждениях Хань Юя. И лишь когда все предсказанное сбылось и он по пути к далекому месту службы повстречал племянника, Хань Юй был вынужден признать, что и в даосизме что-то есть: «Теперь я понял, что ты человек необычайный»¹.

Что же до лис-оборотней, то они в «Высоких суждениях...» представлены в первую очередь вполне классической новеллой «Записки о Сяо-лянь» 小蓮記, главный герой которой еще девочкой берет в дом лису-оборотня. Много, о чем было сказано выше в отношении «Удивительной встречи в Западном Шу», справедливо и в отношении этой новеллы: Сяо-лянь также блюдет чистоту и нравственность, стремится следовать заведенным между людьми правилам и обычаям, наставляет возлюбленного, заботится о его здоровье, предсказывает будущее и изо всех сил старается сделать так, чтобы любимый был счастлив. Иными словами, мы встречаем здесь еще одно подтверждение изменения представлений о лисах-оборотнях в сунское время: из несущего лишь зло оборотня лиса постепенно трансформировалась в идеальную возлюбленную, практически не доставляющую неприят-

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 85—87.

ностей человеку, с которым она связала свою судьбу. Это, конечно, не значит, что иных примеров применительно к XI в. мы не имеем, однако налицо — тенденция в переосмыслении образа.

В этой новелле есть еще один любопытный момент, лиш- ний раз подтверждающий, сколь тесно была связана лиса в на- родном китайском сознании с умершими. Сяо-лянь признается возлюбленному в том, что она лиса, следующими словами: «На самом-то деле я не человек, а лиса с городской стены. Когда-то в прошлом рождении я была второю женою одного человека, вме- шивалась во все домашние дела, клеветала на старшую жену, и моя клевета дошла до ушей мужа. С того времени он полюбил меня одну, а старшая жена затосковала и в конце концов умерла от горя. Она рассказала все чиновникам из мира мрака, и меня под- вергли такому вот наказанию (т. е. сделали лисой-оборотнем. — *И. А.*). Прошли годы и месяцы — и когда я приму свой истинный облик, меня тут же растерзают охотничьи собаки и соколы! Но если мои останки бросят в жертвенный треножник или жирное мое мясо станет усладой для людских желудков, то я не смогу возродиться снова. Поэтому вы, господин, в такой-то день выйдите за ворота столицы, там вы встретите охотника на лис. Дайте ему денег и скажите: "Хочу купить лису на лекарство". И та лиса, у которой в ухе вы увидите бордовый волосок в несколько цуней длиной, и будет ваша ничтожная наложница. Тогда вы сделайте платье из бумаги, гробик из коры дерева и похороните меня на высоком холме, за это я потом очень щедро вас отблагодарю!»¹ То есть лиса не менее душ умерших озабочена состоянием своего тела и обстоятельствами захоронения, потому что от этого зави- сит будущая жизнь.

Другая «лисыя» новелла сборника — «Весенняя прогулка по Западному пруду» 西池春游. Главный герой, Хоу Чэн-шу, гу- ляя по берегу озера, видит красавицу и вскоре она становится средоточием всех его помыслов; красавица позднее через слу- жанку посылает ему стихи; мало-помалу они знакомятся, Чэн-шу вне себя от страсти, наконец — прекрасная искусительница по- сылает служанку, чтобы та указала дорогу к ее дому. Просто так в дом прийти нельзя, нужно непременно дожидаться, чтобы стем- нело, зато потом — «вздыхают высоко ворота огромного дома,

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 129—130.

во все стороны расходятся галереи — прямо княжеские палаты!» Прелестница объясняет: «Я все время под надзором: у меня много родственников, и совсем рядом живут соседи. Трудно выбрать время для свидания. Но вот ныне отец с матерью уехали далеко и вернутся только через месяц, а братья отправились к родичам на свадебный пир, так что сегодняшняя встреча нам воистину дарована Небом!» Само собой, «этой ночью исполнилось все, о чем Чэн-шу мог только мечтать». Потом девушка пропадает — ни одной весточки, и Чэн-шу отправляется на розыски возлюбленной, зная лишь ее фамилию — Дугу (как потом выяснится, прекрасные хоромы, в которых был Чэн-шу, не что иное, как родовая могила семьи Дугу, в которой поселилась лиса). Встреченный старик раскрывает ему правду: «Да я еще тридцать лет назад слышал про этих оборотней! Много раз они становились женами людей, мужьям их было как раз по тридцать лет, и чувства меж ними были очень сильные! А тем из людей, кто сожалел о своем поступке, лисы мстили... Лисы эти обладают способностью обольщать молодых людей... Как-то раз лиса повстречалась с одним молодым крестьянином, ладным на фигуру и лицо. Прошел год, и у них родился сын. Лиса вернулась в поле, а ночью приходила кормить сына грудью. Когда же начинался день — пряталась. Потом домашние крестьянина, возненавидев лису, подстерегли удобный момент и напали на нее. Отрубили ей ногу, после чего она больше не появлялась».

Разговор Чэн-шу со стариком вообще во многом знаковый, поскольку содержит прямые указания на характерные повадки лис-оборотней, многие из которых мы уже описывали выше. «Если вы проявите великодушие, то и лиса будет вести себя как человек, а если изменитесь к ней, испугавшись, то она отомстит вам», — вот, пожалуй, одна из ключевых фраз этой беседы, важная как для представлений о лисе в сунское время, так и для данной конкретной истории.

Скоро Чэн-шу и лиса соединились и стали жить вместе: «Когда Чэн-шу отправился к месту службы, дева последовала за ним, строго вела домашнее хозяйство, не любила, когда ей мешали, со слугами обращалась как положено, родственников принимала с должным уважением». Позднее, по настоянию родственников и даоса-мага, Чэн-шу уехал в другое место, порвал с лисой

и женился. И вот тут лиса прислала ему письмо: «Ученый муж не должен забывать о долге. Нет более непостоянного человека, чем вы! Хоть и можно быть неблагодарным, но как же можно обманывать? Как будто и не было клятв в верности, будто вы и к богам относитесь пренебрежительно... Когда вы были несчастны и бедны, я дала вам деньги и согрела вас. Вы в досталь и вкусно ели, одевались в шелка, и я ничем вас не обидела, так почему же вы обижаете меня?! И если я увижу, что вы упали в зловонную канаву, не подам руки, чтобы вам помочь! Поскольку я ваша жена, то мой долг — воздать вам по справедливости!» То есть мало того, что лиса-оборотень оказывается не чужда чувства долга, она еще и наставляет возлюбленного, человека, избравшего карьеру конфуцианского чиновника, которому о долге известно не понаслышке.

Через некоторое время Чэн-шу потерял службу, жена его умерла, сам он вконец обнищал — все это устроила его бывшая возлюбленная, которая, однако не довела дела до конца и пощадила Чэн-шу, подав ему немного мелочи, когда они случайно встретились на улице. Словом, ничто человеческое лисе не чуждо. Она и внешне совершенно не отличается от человека, разве что «никто никогда не видел, чтобы она причесывалась или же шила себе платье. Еще не рассвело, а у нее волосы уже уложены в прическу».

Мораль Лю Фу: «В юности я был свидетелем того, как оборотень обольстил крестьянку. <...>¹ она одевалась как обычно, весело смеялась, а ночью спала не с мужем, а одна, — и будто с кем-то разговаривала. Когда ей запретили краситься и прихорашиваться, она хотела покончить жизнь самоубийством и безудержно рыдала от горя. Ее домашние позвали старую шаманку совладать со [злом], та пришла и объяснила: "Это лисье наваждение, <...>² сводней стала собака с соседнего двора". Взяла ивовый прут <...>³ побила им собаку, а потом устроила алтарь, чтобы излечить крестьянку. Вскоре за домом послышался лисий вой. Тогда шаманка нарисовала огненный круг и села в него, [круг] стал вращаться, крестьянка и собака испугались и бросились

¹ В китайском тексте утрачены два иероглифа.

² В китайском тексте утрачен один иероглиф.

³ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

прочь, но через сто шагов остановились... Думаю, что история [Чэн-шу] и госпожи тоже, несмотря ни на что, имела бы такой же конец!» Кстати, в этой новелле, в отличие от «Записок о Сяо-лянь», есть признаки того, что телесное общение с лисой-оборотнем накладывает определенный отпечаток на человека: «Увидев вас, я по одному только лицу вашему понял, что что-то пагубное вас точит, и сила инь побеждает ян. Тело ваше ослабло, и на губах выступили черные пятнышки, лицо бледное, нездоровое. У вас изнуренный и истощенный вид. Должно быть, вас завлек в сети оборотень», — говорит Чэн-шу даос. Но тема истощения от потери светлого начала никак дальше не раскрывается, возможно это всего лишь дань предшествующей традиции¹.

Повествует Лю Фу и о других живых существах, имеющих сверхъестественные возможности — например, о благодарности дракона за спасение его сына и др., но эти сюжеты не занимают такого значительного места, как перечисленные выше. В целом «Высокие суждения...» представляют читателю вполне законченный и непротиворечивый сверхъестественный мир средневековой китайской повседневности.

Ниже представлен перевод части сборника «Высокие суждения у дворцовых ворот»; при отборе фрагментов для перевода я исходил не только из их репрезентативности в рамках заявленной тематики книги, но старался представить сборник Лю Фу как можно шире, во всем его разнообразии, и поэтому переведенные фрагменты повествуют и о сверхъестественном, и об обыденном; кроме того, в переводах по вышеизложенным причинам почти не нашлось места объемным произведениям, в основном новеллам чуаньци и жизнеописаниям. Однако, как мне кажется, даже эти, не столь значительные фрагменты, а также и сопутствующие им примечания, позволят составить достаточно полное мнение о сборнике «Высокие суждения у дворцовых ворот».

¹ Лю Фу. Указ. соч. С. 203—211.

ЛЮ ФУ. ВЫСОКИЕ СУЖДЕНИЯ У ДВОРЦОВЫХ ВОРОТ

Предисловие

Всегда в мире существовало обычное и всегда существовало необычайное. Обычное — это люди, а необычайное — души умерших. И это предопределено силами инь и ян, и это — непреломный закон сущего. Когда во времена древнего императора Яо разлились воды, всё и вся погрузилось в пучину бедствия, и лишь людям посчастливилось спастись и не уподобиться рыбам — едва-едва! Люди, души умерших, необычайные твари — все перепуталось среди отмелей и островов. Тогда-то совершенномудрые и изготовили треножники с изображениями [нечисти], дабы люди береглись ее, а необычайных тварей [совершенномудрые] изгнали за пределы четырех морей, дабы люди их не видели. Но некоторые из тех тварей все же затаились в горах и в низинах, а разлетевшаяся пневма-ци превратилась в души умерших. Чему тут удивляться? Ведь те, кто мог распознать души умерших и духов, были совершенномудрые; а те, кто при виде их приходил в ужас, были обычные люди. Оттого-то наш совершенномудрый [учитель] и не говорил [об этом], беспокоясь, чтобы потомки не впали в помрачение.

Сючай Лю Фу приехал в Ханчжоу из столицы, специально чтобы нанести мне визит. Суждения он высказывал ясные, достойные похвалы. Еще показал он несколько сотен необычайных историй, мне понравился его слог и Лю попросил меня написать предисловие. Ваши сочинения — они вполне достойны и более, что называется, высоких глаз, к чему же поручать это мне и тем отдалять блестящую славу?

Разделяя помыслы Лю Фу, я с воодушевлением написал сто с лишним иероглифов, изложив, что хотел. Ведь, как говорится, и на узенькой тропке найдется достойное внимания, и только совершенномудрые не говорили об удивительном!

Предисловие писал дасюэши палаты Цзычжэндянь фушу Сунь.

Примеч. Когда во времена древнего императора Яо разлились воды... — Речь идет о китайском варианте великого потопа (видимо, сильном наводнении), который, согласно преданию, усмирил будущий мифический правитель Юй по распоряжению другого правителя, Шуня, а сам потоп начался еще при предшественнике последнего, императоре Яо и продолжался, согласно историческим хроникам, двадцать два года. С потопом регулярно боролись, но лишь Юю удалось обуздать стихию: в отличие от своих предшественников, он не только строил дамбы, но и рыл каналы, то есть стал первым китайским ирригатором. В «Мэнцзы» сказано: «В эпоху Яо (за 2357 лет до Р. Хр.), когда вселенная не была еще устроена, потоп в буйном течении разлился по всему лицу Земли, растительность отличалась безграничной роскошью, зверья и птиц была масса, хлеба не возделывались, звери и птицы теснили людей, дорожки от копыт первых и следов последних перекрещивались по Китаю, — только один Яо, скорбя об этом, выдвинул Шуня, который принялся за водворение порядка. <...> Юй прочистил девять рек и реки Цзи и Та, направив их в море; устранил преграды на реках Жу и Хань, а также на реках Хуай и Сы, направив их в Янцзыцзян. После этого Китай получил возможность кормиться» («Мэнцзы», III, А, 4, пер. П. С. Попова).

Треножники с изображениями [нечисти]... — В «Цзо чжуань» (3-й год правления Сюань-гуна) сказано: «Из меди, поднесенной в качестве дани, было отлито девять треножников с изображениями отдаленных областей и различных существ. Они были изображены, чтобы люди знали добрых божеств и злых духов. Поэтому, когда люди путешествовали по рекам, озерам, горам и лесам, они не сталкивались и не соприкасались с ними, привидения и злые духи не могли нанести им вреда» (пер. Б. Л. Рифтина).

[Учитель] не говорил [об этом] — то есть Конфуций. Известно, что Конфуций «не говорил о чудесах, физической силе, хаосе и духах» («Лунь юй», VII, 21).

И на узенькой тропке найдется достойное внимания. — Отсылка к «Хань шу» (漢書 «История [династии] Хань»), где про сюжетную прозу малых форм сказано: «Направление сяошо, видимо, берет истоки в байгуань. Это то, что складывалось из разговоров на улицах и пересудов в переулках, слухов и сплетен... Но даже на узенькой тропке есть вещи, достойные внимания» (*Бань Гу*. Хань шу. Т. 6. Цз. 30. С. 1745). То есть Бань Гу, признавая подобные сочинения низкими и противопоставляя их высокому пути благородного мужа, в то же время признает за сяошо определенную пользу, которой и благородному мужу пренебрегать не стоит.

Министр Ли
Первый министр Ли —
добрый человек и благородный муж

Покойный первый министр Ли [Фан] однажды сказал своим домочадцам:

— В первую луну первого года правления под девизом Цзянь-лун, в ночь полнолуния И-цзу осчастливил посещением ворота Сюаньдэмэнь. С наступлением темноты засияли огни фонарей и зажглись свечи, заиграли флейты, загремели барабаны, а юноши и девушки, собравшись вместе, вышли на запретную улицу. Владыка приблизился к перилам, оглядел людей и, переведя взор на меня, спросил: «Изменился ли народ — в сравнении с Пятью династиями?» «По сравнению с этой эпохой благосостояние народа в несколько раз увеличилось!» — отвечал я. Император очень обрадовался такому ответу, приказал переместить мою циновку ближе к августейшему трону и собственноручно одарил фруктами и лакомствами. А потом повернулся к свите: «Ли Фан служит Нам уже более десяти лет и полностью выказал преданность государю и сыновнюю почтительность — никогда ни одному человеку не причинил он зла! Таких как раз и называют: добрый человек, благородный муж».

Конфуций говорил: «Доброго человека мне не удалось встретить!» Я пятьдесят лет переходил с должности на должность и два раза был у кормила власти. И хотя у меня нет таких заслуг, что можно было бы записать, что называется, на бамбуке и шелке, я всегда выдвигал мудрых; если была в ком хоть малейшая доброта — я старался использовать его на службе. А вот: златые уста называли меня добрым человеком и благородным мужем, значит, я не опозорил предков! Вы же — настойчиво овладевайте ученостью и, если хотите достичь благополучия, как говорится, установите тело в сыновней почтительности и верности государю. Тогда и мне не будет стыдно, что я породил вас!

Примеч. М и н и с т р Л и — речь идет о сунском сановнике, литераторе и книжнике Ли Фане (李昉 924—996). Чиновничью карьеру Ли Фан начал при Пяти династиях: выдержал экзамен на степень цзиньши при Поздней Хань, в 949 г., а при дворе Поздней Чжоу, начиная с 955 г., занимал ряд крупных постов, в том числе работал над историческими хроника-

ми чжоуского правления и был членом придворной академии Ханьлиньюань. При Сун Ли Фан занимал разные высокие придворные должности, в 962 г. был выслан служить в провинцию, в 969 г. был призван обратно и получил назначение в императорский секретариат; должности министерского ранга («был у кормила власти») занимал два раза — в 983 и в 991 г. В 70—80-х гг. X в. был главой императорской коллегии по составлению фундаментальных, важнейших для китайской культуры собраний письменных текстов — «Тай-пин юй лань» (太平御覽 «Императорское обозрение годов Тай-пин») и «Тай-пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записки годов Тай-пин»), составил «Тай-цзу ши лу» (太祖實錄 «Правдивые записки о Тай-цзу»), хронику царствования первого сунского императора. Образованный человек и эрудит.

В первую луну первого года правления под девизом Цзянь-лун, в ночь полнолуния — то есть в 960 г., в день праздника «первой ночи» (*юаньсяо*), он же — праздник фонарей. Появился сравнительно поздно и, по мнению некоторых исследователей, носит следы влияния буддизма (см.: *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. С. 199). Непременными атрибутами праздника были масляные фонари, а также пышные народные гуляния, первоначально властями осуждаемые: «В последнее время в городах собираются толпы народа, гром барабанов оглушает небо, свет факелов ослепляет землю, люди носят маски зверей, мужчины наряжаются в женское платье, певички, шуты и актеры кривляются на все лады, потешают омерзительными выходками, смешат непристойной одеждой... Соперничая в щегольстве, люди проматывают все свои сбережения, разоряются дотла. Все семьи и дети, знатные и подлые, смешиваются вместе, монахи и миряне не различаются» (там же). С VI в. праздник стал государственным, наибольшего расцвета достиг в танское и сунское время: во время праздника при династии Сун, в частности, было разрешено ночное хождение по улицам в течение пяти дней, что в иные дни строгойше возбранялось. Каждая семья считала своим долгом обзавестись фонарем редкой, причудливой формы; во время праздника юаньсяо ночи напролет горели тысячи разнообразных фонарей.

И-цз у 藝祖 — имеется в виду первый сунский император Тай-цзу 太祖 (Чжао Куан-инь 趙匡胤, 927—976, на троне 960—975). Речь идет о том, что император лично поднялся на Сюаньдэмань, центральные ворота стены, окружавшей императорский (запретный) город, расположенный в центральной части сунской столицы г. Бяньцзин (ныне Кайфэн), и оттуда смотрел на народные гуляния.

Запретная улица — улица, ведущая в императорский дворцовый комплекс, по которой в обычные дни туда въезжал и оттуда выезжал только Сын Неба.

Пять Династий — смутный период китайской истории с 907 по 979 г., известный также как Пять Династий и Десять Царств, когда после падения династии Тан Китай распался на несколько независимых государств и на севере друг друга последовательно сменили пять династий (Поздняя Лян, 907—923; Поздняя Тан, 923—936; Поздняя Цзинь, 936—947; Поздняя Хань, 947—951; и Поздняя Чжоу, 951—960), а на юге и западе страны существовали так называемые десять царств, самыми крупными среди которых были Южная Тан (терр. совр. пров. Аньхой, Цзянсу и Цзянси), Чу (Хунань), Южная Хань (Гуандун и Гуанси) и У-Юэ (Чжэцзян).

Конфуций говорил: «Доброго человека мне не удалось встретить!» — На самом деле Конфуций сказал следующее: «Совершенномудрого человека мне не удалось встретить. Встретился бы благородный муж 君子, и этого было бы достаточно... Доброго человека 善人 мне не удалось встретить. Встретился бы человек, обладающий постоянством, и этого было бы достаточно» («Лунь юй». VII, 26).

Записать... на бамбуке и шелке — то есть занести в исторические анналы. Имеются в виду материалы, применявшиеся для письма в древнем Китае: скреплявшиеся между собой бамбуковые пластинки (на таких «носителях» были записаны древнейшие канонические сочинения), а также пришедшие на смену бамбуку куски шелка, наматывавшиеся на деревянный стержень.

Поездка на восток

Чжэнь-цзун осчастлививляет посещением Тайшань и дикие звери бегут прочь

Чжэнь-цзун совершал поездку по восточным землям. Собирался совершить восхождение на Тайшань и для выезда уже был назначен день.

Однажды тайшаньские крестьяне увидели медведей и тигров, леопардов и волков — великое множество! — понуро бредущих прочь от горы. Следом шли люди, сотня или больше: они гнали зверей прочь.

— Куда это идут дикие звери? — спросил один крестьянин тех людей.

— Мудрый владыка совершает объезд восточных земель, — был ответ, — и все твари скрываются в укромных уголках. Змеи — и те прячутся. Дух горы приказал даже таким мелким ядовитым гадам, как скорпионы и пчелы, живущим в пределах пятисот ли окрест, не показываться на глаза!

Так очищались земли в ожидании прибытия совершенно-мудрого!

Примеч. Чжэнь-цзун 真宗 — третий сунский император Чжао Хэн (趙恒 968—1022), бывший на троне с 998 по 1022 г. В начале 1008 г. императору Чжэнь-цзуну Небо даровало знамение, следствием чего стало изменение девиза правления и поездки императора по святым местам Поднебесной с целью совершения жертвоприношений и вознесения молитв. Кроме Тайшани император посетил храм Конфуция в Цюйфу, даосский храм Тайцингун в Хаочжоу и Фэньинь (совр. пров. Шаньси).

Дух горы — то есть дух горы Тайшань, одной из пяти священных гор Китая, главной среди них. Расположена в средней части пров. Шаньдун. На Тайшани расположено множество храмов, а сама гора издревле считается одной из самых красивых в Поднебесной. С древности являлась объектом поклонения: все китайские императоры совершали восхождение на гору для жертвоприношений Небу, в том числе все семьдесят два правителя китайской древности.

Справедливое управление Управляя Юнь, господин Чжан изгоняет лютого тигра

В казенной резиденции юньчжоуского правителя была каменная стела, [изображающая] бегущего тигра. Однажды случилась буря, стела раскололась, и осколки рассыпались по земле — восстановить было уже нельзя. Узнав об этом, старики рассказали:

— Раньше Юньчжоу управлял покойный *шилан* Чжан. Получив назначение, Чжан выехал из столицы в область, но на пути жил такой опасный тигр, что никто из путников не осмеливался ездить той дорогой. Господин кликнул чиновника и спросил его: «Можешь ли ты выполнить мое поручение?» «Могу», — отвечал чиновник. Тогда правитель пожаловал ему чашу вина и сказал: «Возьми верительную бирку и приведи ко мне того тигра! А коли не пойдешь — казню тебя!» Чиновник стал прощаться с семьей: «Считайте, что я уже у тигра в пасти!» — потом напился допьяна и отправился... Пройдя около двадцати ли, чиновник и в самом деле увидел громадного тигра, который приближался к нему, бросая жадные взоры. Чиновник положил бирку на землю, а сам ото-

шел подальше и стал наблюдать, что будет. Тигр передними лапами поднял бирку, внимательно осмотрел, взял ее в пасть и последовал за чиновником. Когда они приблизились к городу, жители заперли двери домов, влезли на крыши, на деревья и оттуда наблюдали за тигром. А тот остановился перед присутствием. Правитель занял свое место в зале. Увидав правителя, тигр в страхе закрыл глаза и пал ниц — совсем как жаждущий наказания за преступление! А правитель гневно на него крикнул: «Ты, тварь, самовольно посмел захватить дорогу, да еще и проезжих путников пожираешь!» — и приказал чиновникам: «Наказать его за преступления!» Тигр пал ниц и замер. Чиновники встали по бокам. Судебное разбирательство тут же было закрыто, и правитель приказал в соответствии с законом бить тигра палками. Когда же с этим было покончено, правитель велел тигру в три дня покинуть область, наказав в противном случае отрубить послушнику голову. Тигр отошел прочь, свалился замертво и превратился в камень, а другие тигры удрали в далекие горы. Этот камень и доныне зовется Шиху — Каменный тигр!

А я руссужу так. Вот как свирепый тигр подчинился справедливому управлению! Но в древности прогоняли прочь не только тигров — и поэтому, когда узнаешь о том, как Вэнь-гун изгнал крокодила, то становится ясно, что это совсем не пустые слова. Да и в какую династию при просвещенном правлении не случилось подобного?

Примеч. Юньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Шаньдун.

Шилан Чжан — речь идет о сунском сановнике Чжан Юне (張詠 946—1015), одно время выполнявшем обязанности *шилана* (помощник начальника департамента) в Шаншушэне (Управлении департаментов). Чжан Юн сдал экзамены на степень цзиньши в годы под девизом правления Тайпин син-го (976—984) и стал служить — начал с должности начальника уезда, а вскоре стал провинциальным налоговым эмиссаром. Император Тайцзун, прознав о его исключительной честности и принципиальности, призвал Чжана ко двору и назначил в императорское книгохранилище, а также в цензорат. Позднее Чжан Юн был послан служить в область Ичжоу (на территории совр. пров. Сычуань), принял там решающее участие в подавлении солдатского мятежа и во время всего срока службы осуществлял управление, в первую очередь учитывающее нужды и трудности местного населения, за что пользовался широкой народной любовью. Среди совре-

менников он пользовался большим уважением, а в народе был символом бескорыстной справедливости. Чжан Юн — неоднократный персонаж сунских бицзи.

Верительная бирка — изготавливалась из бамбука или металла; символ того, что ее обладатель действует от лица того, кто такую бирку ему выдал.

Вэнь-гун — имеется в виду знаменитый танский литератор, теоретик литературы и чиновник, один из «восьми великих авторов эпох Тан и Сун» (*Тан Сун ба дацзя*) Хань Юй (韓愈 768—824), посмертное имя которого было Вэнь-гун 文公. Человек широких талантов и непростой судьбы: когда Хань Юю было три года, далеко на юге умер его отец, в результате чего мальчик на некоторое время переселился в семью Хань Хуэя, старшего брата отца. Надеяться Хань Юю было особенно не на кого — и потому всего в жизни он достиг сам. Упорно учась, он к тридцати пяти годам, посевев и заработав прогрессирующую болезнь глаз, выдержал экзамен на право занятия вакантного чиновничьего поста — стал цзиньши (высшая степень в системе государственных экзаменов). Это однако же не дало ему искомой должности, и некоторое время великий литератор провел в мучительных поисках протекции. Наконец ему удается занять невысокий пост при дворе, но из-за отсутствия необходимой царедворцу гибкости и излишнюю прямооту (нашедшую отражение в «Памятной записке трону с предложениями относительно засухи и голода в Поднебесной») уже в 805 г. Хань Юй оказывается выслан из столицы в Яншань (Гуандун). Ссылка продолжалась недолго: в 806 г. Хань Юй был возвращен ко двору, а в 819 г. назначен цензором. Он однако остался верен себе: за сочинение «Лунь фо гу бяо» (論佛骨表 «Доклад, порицающий встречу кости Будды») впавший в ярость император сначала хотел его казнить, но потом заменил казнь на ссылку в отдаленные южные районы, пользующиеся дурной репутацией из-за непривычного обитателям срединных равнин климата и оттого традиционно считавшиеся гибельными, а именно в Чаочжоу (совр. Гуандун). Этот период жизни Хань Юя отмечен успешной борьбой с местными крокодилами (о чем и говорит Лю Фу в своем резюме). Хань Юй вступился за местных жителей и сложил молитвенное обращение к этим крокодилам, в котором предупредил, что вынужден будет применить к ним силу, если те не оставят своей злой деятельности. Крокодилы послушались Хань Юя и покинули пределы вверенной ему области. Совсем больной, Хань Юй пишет покаянное письмо на высочайшее имя, и его переводят на должность в Цзянси. Один из идеологов так называемого движения «за возврат к стилю древности» (復古 или 古文運動). «Сторонникам движения за древний стиль было важно отвергнуть манеру *пяньли* 駢麗 — ритмической параллельной прозы. Они полагали, что наилучшую возможность для воплощения высокого строя мыслей и эмоций, рожденных приобщением к дао, дают не проза *пяньли* и не поэзия, а нерит-

мизованная проза на древнем литературном языке *вэньянь*» (Серебряков Е. А. Свидетельства ума, таланта и знаний. С. 66). Хань Юй полагал, что в веках его прославят поэтические творения, однако в историю китайской словесности он вошел в первую очередь как автор произведений прозаических.

Описанная выше ситуация с изгнанием тигра вполне типична, ибо назначенный императорским двором чиновник был полновластным начальником не только всего населения вверенной его управлению местности, но и всех прочих проживающих на этой территории живых существ, которые были обязаны его беспрекословно слушаться. Другое дело, что такой чиновник мог не обладать нужными моральными качествами для того, чтобы заниматься делами управления вообще — и тогда начиналось брожение не только в народных головах, но и среди, например, опасных хищников, как и бывает обычно при слабой, неуверенной в себе власти. И наоборот: обладающий соответствующими качествами чиновник заставлял слушаться не только народ, но и животных и птиц.

Прозорливое управление

Чжан Гуай-йй справедливо разделяет наследство

Покойный *шаншу* господин Чжан управлял Ханчжоу. Некий Шэнь Чжан 沈章¹ подал жалобу на своего старшего брата Яня 沈彦, так как, по его словам, раздел наследственного имущества был совершен несправедливо, и попросил господина решить это дело.

— Ты уже три года живешь своим домом, отчего же не донес об этом прежнему властителю? — спросил господин.

— Я докладывал прежнему начальнику области, но тот наказал меня! — отвечал Чжан.

— Раз так, ясно, что ты и виноват!

Господин велел дать Чжану палок и гнать прочь.

Прошло полгода. Господин как раз отправился в храм.

По пути, обернувшись к свите, спросил:

— А где живет этот Шэнь Чжан, что некогда судился с братом?

— Да как раз вот в этом переулке! А напротив — ворота дома его брата, — ответили свитские.

¹ Здесь и далее прямо в тексте я даю оригинальное написание имен тех лиц, о которых мне не удалось найти никаких сведений.

Господин спешился и приказал домашним Чжана и Яня предстать перед ним.

Спросил Яня:

— Твой младший брат подал на тебя жалобу: говорит, ты давно уже прибрал к рукам дом и все состояние вашей семьи, а он был тогда мал и не знал, велико ли семейное состояние, и ты совершил раздел несправедливо. Ну а на самом-то деле ты разделил поровну или нет?

— Поровну! — отвечал Янь.

Тогда господин спросил Чжана, и тот отвечал:

— Не поровну!

— Никак мне не унять твоего брата! — обратился тогда к Яню господин. — Члены семьи старшего брата пусть все перейдут в дом младшего, а семья младшего — в дом старшего. И коли всем места не хватит, тут же совершите обратный обмен!

Люди как один говорили, что господин вынес прозорливое решение.

Примеч. Чж а н Гу а й - я й — то есть уже упоминавшийся Чжан Юн, второе имя которого было Гуай-яй 乖崖. В чиновничьей карьере Чжан Юна было много взлетов — в частности, в 1010 г. он был назначен на пост *гунбу шаншу* (то есть начальник Департамента работ, здесь данный в сокращении *ш а н ш у*); а управлять Ханчжоу Чжан Юна назначили при императоре Чжэнь-цзуне, т. е. в 998—1022 г.

Дополнение о Лю Цзы-хоу Лю Цзы-хоу в Лючжоу основывает храм

Лю Цзун-юань, второе имя Цзы-хоу, на склоне лет получил понижение в должности и был назначен в Лючжоу начальником области. Цзы-хоу не притеснял народ и управлял им с любовью, в высшей степени гуманно. Люди со своими тяжбами приходили в присутствие, а Цзы-хоу судил по справедливости, не всегда при разборе дел слепо следуя букве закона. Поэтому в народе про него говорили:

— Правитель области не ведает страха — значит, он любит нас по-настоящему!

И тогда [люди] дали обет воздерживаться от тяжб.

Впоследствии [Лю Цзы-хоу] ввел правила для посадки деревьев, возвращивания злаков и разведения кур и рыб. Народ день ото дня богател. Даже песенку сложили:

В Лючжоу начальником области Лю
Насажены ивы по берегам Люцзяна.
Краса этих ив — не увянет вовек,
Тысячи зеленых крон небо метут.

Покойный господин [Лю] заранее знал срок своей смерти. Он призвал к себе Вэй Вана 魏望, Се Нина 謝寧 и Оуян И 歐陽翼, и сказал им:

— В такой-то день такой-то луны я должен покинуть этот мир. А вы, пожалуйста, повидайте господина Ханя — его таланты литератора общеизвестны! — и попросите сделать надпись для храмовой стелы. Пройдет три года, и я буду кормиться с этого.

Он умер именно в предсказанный день.

Прошло три года и однажды Оуян И увидел, как у задней стены присутственного места появился дух Лю Цзы-хоу. [Оуян И] поклонился духу, и тот сказал:

— На солнечном берегу озера Лочи надо заложить храм!

Построили храм. Принесением жертвы освятили место, вознесением вина почтили покойного — собрались все люди из области.

Однажды военачальник из Биньчжоу Ли И 李儀 возвращался в столицу и, зайдя в храм, с бранью на устах поднялся в зал. Тут же с громким воплем он кубарем выкатился вон, и у него пошла носом кровь. Еле выбрался на улицу — и умер. С этих пор народ в области стал еще более почтительно относиться [к храму].

Се Нин поехал в столицу — просить господина Ханя сделать памятную надпись на стеле.

— Цзы-хоу при жизни очень любил свой народ, а после смерти непременно принесет ему счастье! — сказал господин Хань.

— О да, его дух обладает очень большим могуществом! — отвечал Се.

Хань поинтересовался, почему он так говорит.

— Стоит кому-нибудь, проезжая мимо храма, не спешиться, а, принося жертвы, не выказать достаточной почтительно-

сти — из храма выползает змея или какое-либо другое удивительное живое существо, и невежа, увидав их, тут же умирает! — объяснил Се.

— Сожги молитвенное обращение, которое я напишу, и никому не давай его читать! — наказал ему Хань.

Се, в соответствии с наказом господина, сжег бумагу, и больше из храма змеи не появлялись. Но люди все же тайком передавали из уст в уста слова Ханя, и вот сегодня я привожу их здесь.

Примеч. Лю Цзун-юань, второе имя Цзы-хоу (柳宗元, 子厚 773—819) — знаменитый танский поэт и мастер прозы старого стиля, один из «восьми великих авторов эпох Тан и Сун». В юности писал весьма вычурно и прославился как автор выдающихся произведений, обладающий широкой эрудицией. Экзамен на степень цзиньши выдержал семнадцать лет от роду, но служба его проходила в провинции, от чего литература только выиграла: именно на службе в далеких от столичного центра областях Лю Цзун-юань и создал те самые прозаические миниатюры, которые сделали его широко известным и которые по праву вошли в золотой фонд классической китайской литературы. Был последователем и одним из идеологов провозглашенного Хань Юем литературного движения «за возврат к стилю древних», хотя их и многое разнило с Хань Юем: например, Лю Цзун-юань всю жизнь был буддистом (да и вообще обо всех религиозно-философских школах отзывался вполне терпимо: «Все они в чем-то полезны»), тогда как Хань Юй ревностно выступал против распространения учения Шакьямуни. В 815 г. Лю Цзун-юань был послан служить начальником области Лючжоу (Гуанси), и это стало его последним назначением. За время службы Лю Цзун-юань успел сделать многое для блага области, и когда он умер, подчиненные Лю Цзун-юаня и местные жители воздвигли в честь начальника области храм на берегу озера Лочи, а давний друг Лю Цзун-юаня Хань Юй написал текст для стелы — «Мемориальную надпись для храма у Лочи, что в Лючжоу». Определение же подлинности приводимого Лю Фу ниже «Молитвенного обращения» Хань Юя выходит за рамки данного исследования.

В Лючжоу начальником области Лю... — На самом деле приведенное в тексте четверостишие вовсе не «народная» песенка, а стихотворение, принадлежащее танскому поэту Люй Вэню (呂溫 771—811), оно содержится в антологии «Цюань тан ши» (全唐詩 «Все танские стихотворения», цз. 870).

Господин Хань — Хань Юй, близкий друг и единомышленник Лю Цзун-юаня.

Построили храм... — То есть фактически Лю Цзун-юань стал богом-покровителем (土地神 *туддишэнь*) области Лючжоу, низшим божест-

вом китайского пантеона, одним из самых почитаемых в старом Китае. По традиционным китайским представлениям, любая местность имела своего *туди*, назначаемого «загробной администрацией» и ведавшего всеми духами и волшебными существами данной местности; однако сам туди, помимо подчинения своему непосредственному загробному начальству, подчинялся также и главному чиновнику, назначенному в данную местность императорским двором. Первоначально духи местности имели четкую персонификацию и связывались с прославленными историческими лицами, занявшими пост туди после смерти, — эти люди, как и в нашем случае, при жизни сделали что-то существенное для населения той местности, где их обожествили и коей после смерти они были призваны покровительствовать. Для взаимоотношений с туди сооружались храмы и кумирни, как это явствует из данного фрагмента. Кстати, храм в честь Лю Цзун-юаня был сооружен не только в Лючжоу. В 805 г. ученого назначили служить в область Юнчжоу (Хунань), где Лю Цзун-юань провел целых десять лет и где потом местные власти построили кумирню Люцзымяо (柳子廟 то есть «Кумирня мудреца Лю»), сохранившуюся до наших дней (правда, нынешняя кумирня — основательная цинская реконструкция, сделанная в 1877 г.).

Молитвенное обращение Хань Вэнь-гуна Хань Вэнь-гун обращается с молитвой к Лю Цзы-хоу

«При жизни Вы, господин, любили этот народ, а после смерти должны сделать его счастливым. К чему страшными змеями и другими чудовищами так запугивать людей! При жизни Вы, господин, не достигли желаемого и теперь в удручении не можете выразить негодования; ныне же Вы хотите отыграться на людях, но они-то чем виноваты? То, о чем мне рассказал Се Нин — очень пугает. К чему такие жестокости? Не насылайте страшилищ и чудовищ, Вы ведь пятнаете свою прекрасную славу!

Я был очень дружен с Цзы-хоу, он послушается моих слов!»

Примеч. Молитвенное обращение — имеется в виду основной способ, принятый в старом Китае для коммуникации с духами и душами умерших: написанный на бумаге текст, который после проведения соответствующих церемоний сжигался или у домашнего алтаря или в кумирне (храме), выстроенном в честь того, к кому следует обращение, — и таким образом попадал в потусторонний мир, доходил до адресата.

Записки о погребенных костях Господин Вэй хоронит брошенные кости

На четвертый год под девизом правления Син-нин *ланчжун* Пи отправился за назначением на службу. Он приехал в северную столицу и остановился на постоялом дворе.

Внезапно Пи занедужил и слег. Слуга начал готовить ему лекарственный отвар из трав, как вдруг из печки вырвались языки пламени и треножник с лекарством опрокинулся. Лежавший здесь же Пи, увидев это, сильно испугался. Неожиданно появилась какая-то девушка — по виду служанка: она, стелая и плача, пала ниц на пол в галерее.

— Я такая-то из рода вашей жены, господин! — воскликнула она.

Тут вбежал сын господина Пи — с мечом в руке — и крикнул на нее:

— Ты еще что за нечисть? Как смеешь пугать людей?!

Тогда девушка-служанка призналась:

— Я не из рода вашей жены. Я солгала, думая, что тогда вы точно меня выслушаете. Меня зовут Се Хун-лянь 謝紅蓮. Некогда была я наложницей, но к великому горю хозяйка дома убила меня, а кости мои укрыла здесь и я не могу получить перерождения! Узнав, что вы, господин, оказались тут проездом, я прошу вас решить, где можно перезахоронить мои останки.

Она умолкла и стало тихо. При этом служанка сделала так, что Пи мгновенно выздоровел и стал себя превосходно чувствовать.

На следующий день [Пи] явился к Вэй-гуну и рассказал ему эту историю.

— Да, из-за того, что труп лежит где-то незахороненный, часто случаются удивительные вещи! — сказал господин и послал людей найти останки.

Прошло несколько дней, но поиски результатов не дали.

Однажды вечером слуга [Вэй-гуна] увидел во сне женщину, которая сказала:

— Мои кости лежат между кухней и умывальной!

Слуга тут же сообщил хозяину, и останки девушки действительно нашлись. Не было только головы. Вэй-гун с горечью

отметил, что [девушка] и впрямь погибла гораздо раньше отпущенного ей срока и была поспешно зарыта: он обернул останки ватой и укрыл одеждой из расшитого шелка. Но без головы скелет по-прежнему оставался неполным.

Тут как раз к Вэй-гуну явился засвидетельствовать свое почтение совершавший инспекционную поездку военный чиновник из Эньчжоу, и Вэй-гун велел ему заночевать в управлении и ждать там знака.

После полуночи, когда на небе засияла луна, военный чиновник увидел безголовую женщину, которая танцевала во дворе. Наутро чиновник доложил об этом [Вэй-гуну]. Тот приказал искать, и во дворе был откопан череп. Тогда Вэй-гун выбрал благоприятный день, чтобы, как полагается, похоронить кости на равнине.

Однажды вечером чиновник из числа подчиненных Вэй-гуна, некто Ли (забыл его имя) во сне увидел женщину — ошеломляюще прекрасную, облаченную в роскошные, ослепительные одежды. Женщина почтительно обратилась к Ли:

— Я та, чьи останки Вэй-гун удостоил своей милости и переместил в достойное место. Теперь я наконец обрела покойную обитель и могу получить перерождение! Но как умершая может отблагодарить господина по справедливости? Я прошу вас высказать Вэй-гуну мою глубокую признательность!

— А почему ты сама не пойдешь отблагодарить его, но меня посылаешь? — спросил ее Ли. — Тебе не кажется, что это непочтительно?

— Как смею я быть непочтительной! — отвечала женщина. — Ведь господин Вэй-гун — выдающийся человек нашего времени, он очень знатен и занимает высокий пост. Его жилище окружают стражники и солдаты, поэтому-то я и не осмеливаюсь предстать перед ним. Но — к счастью! — я могу просить вас оказать мне эту милость.

Ли на следующий день обо всем этом донес Вэй-гуну.

Примечания. Четвертый год... Си-нин — 1071.

Ланчжун — чиновничья должность, начальник отдела в департаменте.

Северная столица — современный город Дамин в провинции Хэбэй. В сунское время было три столичных города — Дамин, Лоян (запад-

ная столица) и Бяньцзин (совр. Кайфэн), где собственно располагался императорский двор. В остальные две столицы назначались императорские наместники *люйшоу*.

Вэй-гун — очевидно, имеется в виду Хань Ци (韓琦 1008—1075), сунский сановник и министр, который в 1064 г. был пожалован титулом Вэйго-гуна 魏國公, здесь сокращенным до Вэй-гуна. Если это так, то в шанхайском издании «Высоких суждений...» 1983 г. с большой долей вероятности имеет место опечатка: там вместо 魏 написано 衛, но ни один из сунских чиновников, про которого известно, что он был удостоен титула Вэйго-гуна 衛國公, на роль Вэй-гуна из данного фрагмента не подходит — в первую очередь в силу хронологических причин. Хань Ци же был назначен управлять Дамином в 1068 г.

Эньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Гуандун.

Похоронить кости на равнине — то есть сделать захоронение в благоприятном месте, к числу которых первоочередным образом относилась равнинная местность, где можно было совершить захоронение, даже не имея необходимых сведений для индивидуальных геомантических вычислений.

Записки о Цунчжуне Господин Фу пишет поминальное слово о Цунчжуне

В годы под девизом правления Хуан-ю Река прорвала плотину, и вода стала разливаться к востоку от гор. Она грозно ревела в канавах, и на тысячу ли окрест все было покрыто бурой грязью.

А в то время в Шаньдуне случился большой неурожай, люди там сильно бедствовали и бежали оттуда прочь. Господин Фу был как раз назначен главнокомандующим в Цин[чжоу] — он разослал конных курьеров во все подчиненные ему уезды с приказом помогать бедствующим. Но беженцев становилось все больше, и запасы в закромах истощались — трупы умерших от голода покрыли землю! Особенно их много было в Сюйчжоу. Повсюду были разбросаны белые кости — никто не знал, сколько их... Господин Фу приказал собрать и захоронить все останки. Собрав несколько десятков полных скелетов, выбирали место и погребали, а господин самлично писал им поминальное слово. То место теперь называют Цунчжун — «Скопище могил».

Примечания. Господин Фу — в виду имеется сунский сановник Фу Би (富弼 1004—1083), неоднократно занимавший при дворе посты министерского ранга. До 1055 г. служил в провинциях — был, в частности, начальником ряда областей и генерал-губернатором с особыми полномочиями (*аньфуши*) в Цинчжоу (Шаньдун); видимо, в данном фрагменте речь идет именно об этом периоде жизни Фу Би. Когда случилось наводнение, о котором идет речь выше, Фу Би бросил все силы на борьбу с последствиями бедствия и всячески заботился о потерпевших (открыл казенные амбары с зерном, поселил лишившихся крова в казенных домах, а также в буддийских храмах и даосских скитах и пр.; на другой год случился богатый урожай, и Фу Би отправил пострадавших на родину, выдав им достаточно зерна для посевов; согласно статистике того времени, усилиями Фу Би было спасено около полумиллиона человек). Справедливость, с которой Фу Би относился к вверенному его управлению народу, нашла неоднократные отражения в сборниках бицзи того времени.

Г о д ы... Х у а н - ю — 1049—1054.

Р е к а — Янцзыцзян.

С ю й ч ж о у — область, располагавшаяся на территориях южной части совр. пров. Шаньдун и северной части Цзянсу.

Продолжение и дополнение записок о Цунчжуне

Души умерших благодарят господина Фу за то,
что он основал Цунчжун

Книжник Ван Ци 王企 однажды ночью проезжал через Сюйчжоу. Ночь выдалась темная, и он потерял дорогу. Видит — впереди огонь фонаря дрожит-мерцает. В поисках ночлега Ван поехал на свет и обнаружил некое поселение. В доме одного старца Ци нашел приют на ночь.

— Я живу бедно и не могу выставить ни вина, ни еды, чтобы угостить вас, как подобает хозяину! — посетовал старец.

— Мне бы только одну ночь скоротать. Это все, о чем я прошу, — отвечал Ци. — А как называется это место? — спросил он затем.

— Цунсян. Это та деревня, которую построил господин Фу.

«Никогда не слышал о Цунсяне», — подумал про себя Ци, а вслух спросил:

— А почему господин Фу ее построил?

— Такие как я, не имели крова, а господин Фу с чиновниками собрал нас здесь, и мы нашли спокойное пристанище. Благодаря этому половина из нас обрела новую жизнь. За такие добродетели господина Фу занесли в списки святых! — отвечал старец.

Назавтра Ци, отъехав несколько ли, спросил работавшего в поле пахаря:

— В четырех-пяти ли к северу отсюда есть что-то вроде большой деревни. Что это за место?

— Да там только скопище могил (*цунчжун*), и нет больше ничего! — был ответ.

Тут только Ци понял, в каком Цунсяне он ночевал.

А я рассужу так. Для обитателей загробного мира нет более добродетельного поступка, чем захоронение костей и помощь неприкаянным душам. Из истории с Цунчжуном совершенно определено ясно, что одинокие души воздают благодарностью, растроганные добротой по отношению к ним. Лишь великие мужи и благородные люди могут творить такие прекрасные дела!

Записки о ланчжуне Пэне

Пэн Цзе видит духа очага, наказывающего души умерших

Ланчжун Пэн Цзе 彭介 — он был из Сянъяня, что в Таньчжоу. [Пэн] имел талант к учению и был в числе первых в списках выдержавших экзамен на степень цзиньши. Переходя с должности на должность, он прославился; чиновники и народ внимали ему с любовью.

На склоне лет [Пэн] получил назначение на должность начальника области Чэньчжоу.

Прошло более года. Однажды ночью [Пэн] отправился в отхожее место. Видит — в кухонном коридоре мерцает лампа. Господин решил, что это не спит какая-то из служанок. Вдруг до него донеслись стоны: будто кого-то наказывают! Господин устремился на звук.

Посреди кухни сидел, [неприлично] растопырив ноги, некто в черных одеждах и красной чиновничьей шапке; палкой он бил человека. Не разобравшись, дух это или же бес, господин толкнул дверь и вошел.

Все бывшие в кухне бросились врассыпную, и лишь человек в черном [остался]; встал и почтительно склонился перед господином. Пэн глянул ему в лицо — а оно все черно-синее, совсем не человеческое! Поняв, что перед ним существо необычайное, Пэн прошел с ним в домашнюю молельню.

— Кто вы? — спросил [он]. — И что тут делаете?

— Я из числа ваших подчиненных, господин, а вы — мой хозяин. Я дух очага, — отвечал человек в черном.

— А тот, кого вы только что так наказывали, — он кто?

— Это голодная неприкаянная душа умершего человека, она повадилась на вашу кухню воровать пищу.

— Если ворует пищу от голода, к чему же так жестоко наказывать?

— Я управляю внутренними и внешними делами и в час «ю» выхожу с дозором. Когда мне встречаются злые духи, я преследую их. Это ведь мои должностные обязанности!

И еще дух сказал:

— Неприкаянные души умерших на моей территории страдают от голода и холода. Если бы вы, господин, сочли возможным весной и осенью приносить им в жертву побольше мяса и вина где-нибудь неподалеку от воды, ваша заслуга была бы велика! А уж если брошенные кости нашли бы с вашей помощью уют в земле, души одарили бы вас очень щедро! Они ведь, случись какая-то беда, могут серьезно выручить.

И добавил:

— Хоть должность моя и ничтожна, но могущество велико. От того, что вы, господин, меня увидели, у вас будет легкое недомогание. Поэтому как вернетесь к себе, немедленно примите порошок из рога носорога. Тогда вреда не будет.

Пэн поднялся и вышел, но едва переступил порог, как упал без сил. Слуги его подняли и уложили на кушетку. Вскоре [Пэн] пришел в себя, принял лекарство, о котором говорил дух, и все прошло.

После господин, как и было ему сказано, совершил жертвоприношение голодным душам близ воды, а кости собрал и похоронил на возвышенности.

Когда же Пэн скончался, гроб с его телом повезли в Чанша. Близ гроба вдруг послышались рыдания сотен людей.

— Это неприкаянные души, растроганные добродетелью господина Пэна, оплакивают его, — говорили люди.

Через некоторое время все стихло.

Примечания. Таньчжоу, Чэньчжоу — области, располагавшиеся на территории совр. пров. Хунань. Административным центром Таньчжоу при Сун был город Чанша.

Дух очага — *цзаошэнь* 灶神 или *цзаован* 灶王, божество, в обязанности которого входило наблюдать за происходящим в доме и наводить порядок. Наряду с богом-покровителем местности (*тудишэнь*), одно из самых популярных божеств простонародного пантеона, которому поклонялись и простые жители Поднебесной и члены императорской фамилии. Упоминания о цзаошэне появляются еще в «Ли цзи» («Заметки о ритуале»), а позднее и во многих других сочинениях. Известно, что вера в цзаошэня как в духа, ответственного в первую очередь за достаток в доме, была широко распространена уже при Хань (206 до н. э.—220 н. э.). В «Тай-пин юй лань» (太平御覽, «Императорское обозрение годов Тай-пин», цз. 186) говорится: «Цзаошэнь в последний день каждого месяца возвращается на небо, правдиво [докладывает] о людских проступках». В «Баопу-цзы» Гэ Хуна (葛洪 284?—363?) сказано: «...В ночь последнего дня каждого месяца цзаошэнь поднимается на небо, чтобы рассказать о дурных деяниях людей. Если проступок велик, то из срока жизни человека вычитается триста дней, если проступок мал, то три дня. Я, конечно, не могу точно сказать, есть ли такое на самом деле или нет» (цит. по: Гэ Хун. Мудрец, объемлющий первоизданную простоту. С. 103). Эти сведения так или иначе варьируются в более поздних сочинениях — например, в «Ю ян цза цзу» (酉陽雜俎 «Пестрое собрание с южного [склона горы] Ю[шань]») Дуань Чэн-ши (段成式 803—863) сказано, что за малый проступок из срока жизни вычитаются не три, а целых сто дней. Позднее в Китае укрепилась вера в то, что дух очага не каждый месяц, но лишь в конце года отправляется на небо с докладом к Нефритовому императору и сообщает ему обо всех делах, которые за год произошли в доме; отсюда возник обычай задабривать цзаошэня, дабы он не сказал чего лишнего, а само божество превратилось в объект просьб не столько о достатке, сколько о счастье и отвращении потенциальной беды. В сунском Кайфэне в двадцать четвертый день двенадцатой луны жители совершали массовые поклонения цзаошэню, поднося ему фрукты и вино, сжигая бумажные деньги и ароматические курения — чтобы дух был пьян и доволен, собираясь на доклад к небесным властям (Ван Цзэн-юй. Сун Ляо Цзиньдайдэ тяньди шаньчуань гуйшэньдэн чунбай. С. 80). Сведения о собственно цзаошэне весьма противоречивы: так, некоторые классические источники говорят, что зовут духа Чань 禪, а второе имя ему Цзы-го 子郭, дух носит желтые одежды, обитает в домашнем очаге, а если позвать его по имени, то будет беда; дру-

гие указывают, что цзаошэня зовут Су Цзи-ли 蘇吉利; третьи — что цзаошэнь имеет облик красивой женщины и у нее есть шесть дочерей, и так далее. Культ *цзаошэня* окончательно сложился в I тыс. н. э. и вошел в качестве составной части в комплекс новогодних праздников под названием «проводы бога очага». Подробнее основательную подборку сведений о цзаошэне см., например, в кн.: Чжунго миньцзянь чжушэнь. Т. 1. С. 287—306.

В час «ю» — то есть с 17 до 19 часов. Традиционно сутки в Китае делились на двенадцать часовых периодов, по два часа каждый.

Записки о чжэньжэне Цзы-фу Из-за убийства черепахи вызывают давать показания в загробном управлении

Юдайцзинь Сунь Мянью 孫勉 был назначен надзирателем в Юаньчэн. Под городом одну плотину постоянно прорывало, и приходилось все время тратиться на ее ремонт. Мянью был очень этим озабочен.

— Почему так происходит? — стал он расспрашивать охранявших плотину солдат.

— Да просто огромная черепаха вырыла тут нору, — отвечал один. — Из-за этого плотина и разрушается.

— А можно ли увидеть ту черепаху?

— Обычно черепаха все время проводит в омуте под плотиной, — был ответ, — и тогда ее никто не видит. Но когда небо ясное, то, бывает, черепаха вылезает из воды на отмель погреть спину. Там все время остаются ее следы.

— Проследи, когда она вылезет, и доложи мне! — приказал Мянью. — Я застрелю ее и пресеку вред, наносимый плотине.

На другой день солдат доложил:

— Вылезла!

Мянью поспешно отправился посмотреть. Небо как раз прояснилось после дождя, выглянуло солнце, стало тепло, и черепаха, выбравшись на песок, подставила спину горячим лучам. Она то открывала, то закрывала глаза, испытывая большое удовольствие.

Укрывшись в тени ив, Мянью наблюдал, как [черепаха] нежится, а потом натянул лук и пустил стрелу. Попал черепахе как раз в самую шею. Черепаха тут же скрылась в воде. А через три

дня она издохла и всплыла, вонь от этого разнеслась далеко окрест.

Однажды Мянью днем заснул в своем кабинете — вдруг входит какой-то чиновник с бумагой, где [Мянью] дан приказ явиться [туда-то].

— Но я же при исполнении служебных обязанностей! — удивился Мянью. — Куда же ты зовешь меня!

— Вы убили черепаху, а теперь она подала жалобу, и вас вызывают дать показания по этому делу, — был ответ.

Волей-неволей Мянью последовал за чиновником.

Примерно через сто ли у дороги возникли очень величественные дворцовые палаты. Их охраняли солдаты, одетые в золотые панцири.

— Что это за место? — спросил Мянью чиновника.

— Это дворцы *чжэньжэня* Цзы-фу, — отвечал тот.

— А как фамилия *чжэньжэня*?

— Хань Вэй-гун! — отвечал чиновник.

«Некогда я удостоился, что называется, держать при господине Вэе мухогонку, значит, я — его бывший подчиненный. Пойду к нему просить о помощи!» — подумал Мянью.

Он упросил охранявших ворота привратников доложить о нем. Через мгновение Мянью уже ввели во дворец. Мянью издали увидел Вэй-гуна, сидящего в зале: шапка и одежда совсем такие, как на картинах, изображающих бессмертных, что рисуют в миру людей. Вокруг стоят отроки в бирюзовых одеждах.

Мянью дважды поклонился, и Вэй-гун в ответ удостоил его легким кивком.

— Ты покинул мир людей и должен прибыть в загробное судилище, чтобы дать показания по какому-то делу? — спросил господин.

— Я вызван из-за того, что убил черепаху, — отвечал Мянью, потом еще раз поклонился и продолжал. — Некогда я удостоился, как говорится, держать вашу мухогонку, ныне же иду в загробный суд. Боюсь, что не удастся мне вернуться, да еще — боюсь, что припишут мне преступление! На вашу могущественную защиту, господин, только и уповаю!

И Мянью снова стал с мольбою кланяться.

Вэй-гун оглянулся на свиту, и подчиненные поднесли ему синий кошель. Из кошеля извлекли желтого цвета указ. Господин лично просмотрел его и передал стоявшему рядом отроку.

— Черепаха человеку не ровня! Ей перевалило за сто лет и еще было суждено прожить пять сотен. Поэтому она драгоценнее человека! — громко прочел отрок.

— Но черепашья нора вредила плотине! А это уже входит в круг моих служебных обязанностей! — возразил Мянью.

Вэй-гун показал указ Мянью, а затем позволил уйти. Мянью вышел за ворота, и там сопровождавший его чиновник сказал:

— Чжэньжэнь отпустил вас, не смею и я более вас задерживать.

Повернулся и ушел.

Отрок в синей одежде проводил Мянью до дома, окликнул по имени — и тот очнулся.

Впоследствии Мянью был повышен в должности и стал надзирать за девятью плотинами.

Примечания. *Чжэньжэнь* 真人 — «совершенный человек», один из титулов в иерархии даосских бессмертных, третий по значению (мир бессмертных в сознании китайского народа мыслился организованным по образу и подобию традиционной китайской империи с присущей ей ранжированной чиновничьей бюрократией). Термин берет начало в «Чжуан-цзы» (гл. «Тянь ся»), где употреблен в отношении Лао-цзы; в «Тай пин цзин» (太平經 «Канон великого равновесия») разъясняется, что чжэньжэни исполняют должность управителей различных земель. Начиная с династии Тан (т. е. с 618 г.) императорский двор стал даровать этот титул особо выдающимся историческим лицам и прославленным даосским подвижникам: например, знаменитый император Сюань-цзун (玄宗 на троне 712—755) удостоил этого титула легендарного даосского мудреца Чжуан Чжоу (庄周 369?—286? до н. э.), автора трактата «Чжуан-цзы»; а при династии Сун титул чжэньжэня был пожалован известному даосу и алхимику Чжан Бо-дуаню (張伯端 984—1082), которому принадлежат «У чжэнь пянь» (悟真篇 «Главы о прозрении истины»), знаковое даосское сочинение сунского времени.

Ю дай цзинь — мелкая военная должность в дворцовой гвардии, была учреждена в 991 г. и существовала до 1112 г.

Юаньчэнь — уезд Юаньчэньсянь, располагавшийся неподалеку от совр. г. Дамин (Хэбэй).

Хань Вэй-гун — видимо, в виду опять имеется Хань Ци.

Удостоился, что называется, держать при господине Вэе мухогонку — то есть входил в число его подчиненных, служил под его началом.

Окликнул Мянню по имени — и тот очнулся. — Описанный случай восходит к древнему ритуалу «призывания души» 招魂復魄, упоминания о котором есть в таких сочинениях, как «Чжоу ли» и «Ли цзи». Ритуал включал в себя набор определенных магических действий в отношении только что умершего человека, главным среди которых был призыв к душе умершего вернуться назад, а конечной целью «призывания» являлось оживление покойного, для чего в частности ближайший родственник покойного три раза громко окликал его по имени (подробнее см.: *Yu Ying-shih*. «O Soul, Come Back!»; *Юй Ин-ши*. Чжунго гудай сыхоу шицзе гуаньдэ яньбянь; и др.).

Любопытный рассказ о «призывании души» содержится в сборнике «Тун ю лу» (通幽錄 «Записи о проникновении во тьму»): «В четвертый год Да-ли (769) ученый-отшельник Лу Чжун-хай вместе со своим двоюродным дядей Цзуанем гостил в У. Вечером они отправились на пир к начальнику области. Было очень весело, и все напились пьяные. Когда же чиновники понемногу разошлись, Цзуаню сделалось очень дурно и его стало сильно рвать.<...> Чжун-хай достал из короба лекарство и дал Цзуаню, но в полночь тот все равно умер. Чжун-хай стал горько плакать. Потом приложил руку к груди Цзуаня — как будто тот еще теплый. Чжун-хай не знал, что делать. Вдруг он вспомнил, что в "Ли цзи" описывается способ, с помощью которого душу можно заставить вернуться из загробного мира. К тому же один воин рассказывал как-то Чжун-хаю, что пользовался таким способом и способ — действенный. Чжун-хай стал без устали громко звать Цзуаня по имени. Он долго кричал и вдруг Цзуань ожил: "Ты спас меня своими криками!" Чжун-хай стал его расспрашивать и вот что рассказал Цзуань: "Меня схватили несколько чиновников и повели с собой, говоря, что ланчжун приказал доставить меня в гости. Я спросил, как зовут ланчжуна, оказалось — Инь. Скоро мы подошли к его резиденции — ворота огромные, как горы, кругом так и снуют бесчисленные повозки и всадники. "Ну, что вы скажете о вине? — приветствовал меня Инь. — Я часто вспоминаю о том, как в былые дни, отдаваясь безудержному желанию, также очень много пил, но потом вдруг решительно остановился. Сегодня решил вспомнить прошлое, потому и осмелился пригласить вас!" И он предложил мне пройти в дом. Мы оказались в беседке, стоявшей в бамбуковой роще. Там были и другие гости — все в красных или пурпурных одеяниях. Совершив приветственные поклоны, все сели. Слуги внесли вино, засверкали кубки; певички и музыкантши, что называется, клубились, как тучи. Мне это до того понравилось, что я обо всем позабыл, и лишь в середине пира услышал, как ты меня зовешь. Но музыка играла так прекрасно, что в душе моей все перемешалось, мы еще много раз подняли кубки, и я снова обо всем позабыл, но вскоре

опять услышал звуки твоего голоса и загрустил — на сердце стало печально. Так повторялось четыре раза, и я решил распрощаться. Хозяин стал уговаривать остаться, я сослался на то, что дома у меня есть весьма неотложные дела, и только тогда он отпустил меня, попросив, правда, чтобы я поскорее возвратился, он тогда назначит меня на должность, и я притворно ему обещал. Очнувшись, я понял, что это была смерть. И если бы ты не звал меня, то я бы и думать забыл о своем теле, которое осталось тут. Когда меня вводили, я был как во сне, а сейчас — будто заново родился...» (цит. по: Тай-пин гуан цзи. Т. 2. С. 2680. Далее — ТПГЦ).

Даоцзюнь Юй-юань **Перерождение даоцзюня с горы Лофушань**

Первый министр господин Лю был родом из Цзичжоу. Отправившись в столицу на экзамены, по пути [господин] проезжал через городок Думучжэнь.

Стояла ясная погода. Слева у дороги сидел какой-то старец.
— Я знаю, что вы, господин, направляетесь на экзамены. Что вы скажете, если я подарю вам пару параллельных строк? — обратился старец к Лю.

— Хотелось бы услышать! — радостно отвечал тот.

— Уезжаете вы на убогом осле,
А вернетесь на лихом скакуне!

Господину строки понравились.

— А откуда вам, почтенный, известно, что я добьюсь исполнения желаний?

— Вы будете обладать не только громкой славой и богатством, но еще сделаетесь очень знатны — вы ведь, господин, не кто иной, как даоцзюнь Юй-юань с горы Лофушань!

Господин Лю поблагодарил старца, и тот ушел.

Примеч. *Даоцзюнь* — «небесный государь», почетный титул высших сановников в даосской иерархии бессмертных. В «Тай-пин юй лань» (цз. 662) со ссылкой на Тао Хун-цзина (陶弘景 456—536) говорится о том, что даоцзюни — следующие на иерархической лестнице после высших божеств: *тайхуан* («великий император»), *цзыхуан* («пурпурный император»), *юйхуан* («нефритовый император»), а следом за ними идут *чжэнь-жэнь* («совершенный человек»), *чжэньгун* («совершенный господин») и так далее.

Л о ф у ш а н ь — знаменитая и священная для даосов гора в пров. Гуандун, недалеко от Гуанчжоу. Одна из десяти наиболее почитаемых гор Китая, ее называли «первейшей среди гор к югу от хребтов». Здесь в частности с 326 по 334 жил и работал знаменитый философ и алхимик Гэ Хун (葛洪 283/284—343), автор трактата «Баопу-цзы» 抱朴子. До сих пор на Лофушани можно видеть очаг, в котором Гэ Хун выплавлял пилюли бессмертия. В даосской «горной» иерархии Лофушань числится как «тридцать вторая счастливая земля», на ней также находятся «седьмые пещерные небеса» (большие извилистые пещеры с двумя входами, в которых, по преданию, продвинутым адептам являются даосские божества), а всего подобных пещер на горе восемнадцать (самые известные — Чжуминдун, Хуашоудун, Байхэдун, Хуанлундун), не считая более мелких, которых насчитывается сотня с лишним. На Лофушани сохранилось множество старых сооружений — храмов, беседок, пещер («каменных обиталищ»), кумирен, павильонов, всего более сотни. Самая высокая точка Лофушани — пик Фэйюньдин (1296 метров над уровнем моря). Гора славится многочисленными ключами и живописными видами, неоднократно воспетыми в стихах старых китайских поэтов: «Под горою Лофушань круглый год весна. Яблони, абрикосы, сливы — непрерывно друг за другом цветут», — писал Су Ши. На Лофушани есть и буддийские храмы, всего пять.

Г о с п о д и н Л ю — по всей вероятности, речь идет о сунском сановнике Лю Хане (劉沆 995—1060). Служил в должности ю чжэньяня (старший советник-наставник императора), занимал пост начальника Департамента работ, нес службу также и в провинциях. Сведения о том, что Лю был первым министром, до нас не дошли. Известен как тонкий знаток истории.

Ц з и ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Цзянси.

Д у м у ч ж э н ь — сокращенное название уездного города Думухэчжэнь, располагавшегося в северо-восточной части совр. уезда Хулиньсянь пров. Цзилинь.

Даоцзюнь с горы Ваньшань Сюй Цзи встречает даоцзюня, который изгоняет тигра

Сюй Цзи 許吉 и Сунь Жун 孫榮, чиновники из Хэяна, что в Мэнчжоу, путешествовали по судебным делам и проезжали мимо западной вершины горы Ваньшань.

Вдруг видят — идет облаченный в даосское платье покойный министр господин Пан в сопровождении трех-четырёх отроков.

Цзи сказал Жуну:

— Да ведь это министр! Когда-то [он] управлял Хэяном, а я тогда был мелким служащим в его управлении и часто с ним встречался!

И Цзи потихоньку спросил сопровождавшего министра отрока.

— Ведь это министр Пан?

— Да, это он, — отвечал отрок.

— А что делает тут господин Пан?

— Господин получил титул даоцзюня Ванъушани и управляет этой горой.

Тогда Цзи велел отроку доложить господину Пану его имя и фамилию и подошел с поклоном. Господин приветствовал Цзи легким кивком и заговорил с ним.

Вдруг появились два воина в латах — они тащили тигра. Цзи в ужасе отбежал в сторону. [А воины бросили] тигра перед Паном, и [тигр] распростерся на земле, зажмурившись, словно преступник, убоявшийся справедливого гнева.

— Вчера этот тигр накинулся на дровосека такого-то, — доложил воин.

— [Дровосек] умер? — спросил Пан.

— До этого не дошло.

Тогда господин [Пан] обернулся к отроку, тот достал из кошелья кисть и приготовился писать.

— Препроводить к духу местности для определения наказания, — продиктовал Пан, и воины уволокли тигра.

Цзи попрощался с господином.

[Они с Жуном] прошли шагов, может, сто, оглянулись на то место, где только что был Пан, но там лишь бирюзовая дымка клубится да радуга играет, а господин — пропал.

Когда чиновники вернулись в Хэян, они рассказали эту историю во всех подробностях.

Примеч. Мэнчжоу — область, располагалась в районе совр. уезда Мэнсянь пров. Хэнань, а Хэян — уезд в этой области. Именно здесь расположены горы Ванъушань. На Ванъушани, помимо естественных, природных красот — причудливых камней, ручьев, живописных зарос-

лей — много даосских и буддийских храмов и кумирен; там же располагаются так называемые «первые в Поднебесной пещерные небеса» — почитаемая даосами пещера, где, по преданию, адептам являются бессмертные. На главном пике сохранился до наших дней алтарь для молений Небу о ниспослании дождя; передают, что этому алтарю более четырех тысяч лет. С Ваньшанью связано имя легендарного, описанного еще Ле-цзы, Юй-гуна, который «двигал горы»: тут есть Юйгунцунь («Деревня Юй-гуна»), Юйгундун («Пещера Юй-гуна») и Юйгунцзин («Колодец Юй-гуна»), а к югу от Юйгунцуня расположен горный пролом и говорят, что именно здесь Юйгун двигал те самые горы.

Господин Пан — очевидно, имеется в виду сунский министр Пан Цзи (龐籍 988—1063). Второе имя Чунь-чжи 醇之. Стал цзиньши в годы под девизом правления Да-чжун сянь-фу (1008—1016). В 1032—1033 г. служил при дворе по исторической части, позднее несколько раз получал назначения на должность главнокомандующего войсками против Си Ся. В 1044 г. стал заместителем начальника императорской канцелярии, а позднее и ее начальником. Неоднократно (в частности, в 1051 г.) занимал посты министерского ранга.

История Шу-сянь **Госпожа Цао Вэнь на самом деле** **Святая Дева-каллиграф**

Госпожа Цао Вэнь 曹文 была певичкой в Чанъани.

Лет четырех-пяти от роду [она] уже с легкостью решала иероглифические шарады и с одного раза могла постичь смысл каждой прочитанной цзюани. Люди дивились ее прилежанию. Когда [Цао] достигла возраста взрослой прически, в свете не было равной ей по красоте, а кистью [она] стала владеть еще искуснее.

[Цао] писала везде, где только можно было писать — от писчей бумаги и белого шелка до тюлевых занавесей — и так в день у нее выходило по тысяче знаков; люди прозвали ее Шу-сянь — Святая-каллиграф. Ну а сила кисти ее, как говорится, была первой в пределах застав. Служившие в то время в Департаменте общественных работ ланчжун Чжоу Юэ 周越 и *гуаньча* Ма Дуань 馬端, однажды увидев написанное ее рукой, не уставали восхищаться.

Домашние учили Цао музыке, но та отвечала:

— Неужели я буду рада этому ничтожному занятию?! С меня довольно будет прожить до старости, как говорится, у пруда туши и холма кистей!

Вскоре имя [ее] было у всех на устах, могущественные и знатные мужи не жалели золота и драгоценностей, желая сойтись с Цао, но все терпели неудачу в своих замыслах.

— Все это мне не подходит! — говорила девушка. — Если хотите свидания, то прошу преподнести мне стихотворение. Но сочинить его вы должны лично.

После этого каждый день Цао начала получать по несколько сотен самых разных стихов изысканного слога и стиля, но ни одно не пришлось ей по сердцу.

Книжник Жэнь с Миньцзяна, гостивший в Чанъане, обладал поэтическим даром и острым умом. Узнав об этом [условии], он радостно воскликнул:

— Я добьюсь свидания!

Его стали расспрашивать, и Жэнь отвечал:

— Феникс садится на ветви утуна, а рыба резвится в ручье — у каждого существа есть присущее ему место! — И вскоре сложил такое стихотворение:

Близ дворца Нефритового императора ожидают Шу-сянь:
Отрешившись от мира, спешит на девятое небо —
Столь прекрасна, изысканна, в облаке терпкого дыма —
Благовонным куреньем одежды пропитаны девы.

Получив его стихи, дева обрадованно сказала:

— Вот это действительно супруг мне — иначе откуда бы ему понять мои поступки? Я хочу стать его женой. К счастью, и он хочет того же!

Домашние не могли помешать Цао, и вскоре [они с Жэнем] соединились. И с тех пор супруги — и весенним утром и осенним вечером — стали неразлучны. За молодым вином они тихонько напевали стихи и наслаждались мимолетными пейзажами. И так продолжалось пять лет, пока наконец не настал последний день третьей луны.

Супруги пили за здоровье друг друга, провожая весну. И Цао сложила стихи:

В бессмертных обители нет ни весны и ни лета —
Лишь красное солнце и зелень террас изумрудных.
Дорога назад в небесах растворяется где-то,
Взойдем ли на облако мы в этом мире подлунном?

Продекламировав стихотворение, дева зарыдала-заплакала:
— Я ведь на самом деле — святая-писарь в небесной канцелярии. За любовные чувства была сослана на двадцать четыре года в этот грешный мир.

Потом спросила Жэня:

— Я должна возвращаться, последуете ли вы за мною? Небесная музыка заглушает все в мире людей, но вы не должны бояться.

И вдруг они услышали доносящиеся из пустоты звуки музыки бессмертных, и тут же удивительный аромат заполнил всю комнату. Испуганные домашние Цао бросились подсматривать — и увидели чиновника в красном: он держал нефритовую пластинку, а на пластинке краснели выведенные чжуанью письма. Вот что там было сказано: «Ли Чан-цзи, благополучно завершивший сочинение "Записок о яшмовом тереме", Небесный Император призывает тебя сделать надпись на стеле. Надлежит явиться немедленно, не мешкая!»

— Ли Чан-цзи — танский поэт! — вскричали домашние. — С той поры минуло три сотни лет! Да это оборотень!

— Ничего-то вы не знаете! — рассмеялась Цао. — В мире людей проходят три сотни лет, а в чертогах бессмертных всего несколько мгновений.

Цао и Жэнь — оба в простой одежде — с поклоном приняли приказ и, шагая [прямо] по воздуху, устремились ввысь. В сверкающих розовых облаках мелькали луани и журавли, и это видели очень многие. Оттого-то место, где жила Шу-сянь, назвали Шусяньли — Деревня Святой-каллиграфа.

Чаньяньский отшельник из скита Юнюань[гуань по имени] Шань Дань-цин 善丹青 изобразил [Цао] на картине и уговорил меня записать эту историю. И в пятнадцатый день первой луны года *цзя-шэнь* под девизом правления Цин-ли я ее записал.

Примеч. Ч а н ь а н ь — ныне Сиань, древний город в северо-западном Китае, столица при нескольких династиях. Стоит на реке Вэйхэ, в уезде

Чанъаньсянь пров. Шэньси. Город был основан в 202 г. ханьским императором Гао-цзю и славится своими достопримечательностями.

Возраст взрослой прически — то есть совершеннолетие, по достижении которого девушка меняла детскую прическу на взрослую; пятнадцатилетие.

Пределы застав — иносказательно о Китае.

Гуаньча — сокр. от *гуаньчаши*. Чиновничья должность, появившаяся в танское время. В начале правления Тан такой чиновник посылался центральным правительством в области и уезды с инспекционной целью; после 758 г. власть таких чиновников распространялась уже на несколько областей или даже целую провинцию — это были крупные чиновники, находившиеся в непосредственном подчинении у военных генерал-губернаторов (*цзедуши*), хотя и одного с цзедуши ранга. В сунское же время в ведении таких чиновников находились судебные решения, дела наказаний и вопросы транспортировки налоговых сборов в столицу в масштабах округа (области).

Миньцзян — река на границе пров. Сычуань.

Нефритовый император — верховное божество китайского простонародного пантеона, ему подчинена вся вселенная, в том числе и все духи. Смысл же всего стихотворения сводится к тому, что книжник Жэнь понял: Шу-сянь — земное воплощение горней обитательницы, лишь временно нашедшей пристанище в образе простой певички; это следовало и из ее необычайной учености, и из явно завышенных для певички требований, и из нежелания обучаться необходимому певичке ремеслу; тем самым Жэнь показал, что и он — существо необычайное, поскольку понимает подобные вещи. Так в конце концов и оказалось.

Чжуань — архаический почерк китайской древности, по настоящее время используется — например, при резке личных печатей.

Ли Чан-цзи — танский поэт Ли Хэ (李賀 790—816), второе имя Чан-цзи 長吉. Дальний родственник танского императорского рода. Выдающиеся способности проявил уже в раннем возрасте. Всю жизнь страдал из-за несоответствия своего высокого происхождения и того скромного общественного положения, которое занимал: Ли Хэ довелось послужить при дворе всего лишь на мелких, незначительных постах, тогда как поэт считал себя способным на гораздо большее. В 807 г. он принял участие в экзаменах, но не прошел их из-за козней завистников, несмотря на заступничество самого Хань Юя; в 810 г. он снова приехал в столицу на экзамены и именно тогда получил незначительную придворную должность, пользуясь правом «тени» (за заслуги отца). В столице Ли Хэ свел знакомство с многими знаменитостями того времени. В 812 г. по болезни отказался от службы и, покинув Чанъань, вернулся на родину, в Хэнань. В течение последующих трех лет путешествовал по центральному Китаю и именно в это время создал значительное число стихотворений, основной темой которых было воспевание красот природы. Однако одиночество, непризнанность и физическая немощь

сыграли трагическую роль в его судьбе: Ли Хэ умер в возрасте двадцати семи лет, сразу по возвращении в Хэнань. С его смертью связана изложенная выше легенда: к Ли Хэ якобы явился небесный посланец и вручил ему бумагу с вызовом от Нефритового императора. Тут Ли Хэ и умер — вознесся, согласно приказу, в небесные чертоги.

Г о д ц з я - ш э н ь... Ц и н - л и — 1044.

Гао Янь

Убив друга, бежит в иные страны

Гао Янь 高言, второе имя Мин-дао 明道, был столичным жителем. Прилежно учился и выделялся среди [окружающих] как человек незаурядный, но тактом достаточным не обладающий, к вину равнодушный и духом буйный — жизнь [Гао] ценил не больше человеческого волоса. Потому никто из современников с ним серьезной дружбы не водил.

Однажды вечером — прелестный ветерок, изящная луна! — [Гао] созвал приятелей на пирушку. Завели песню и Гао, растроганный мелодией, воскликнул со слезами на глазах:

— Ах, если бы я родился, как говорится, в высоком сиянии, неужели же мне не было бы довольно удела в десять тысяч дворов!

Высокомерно относясь к людям, Гао в речах своих отличался дерзостной прямоотой и откровенностью, осуждал чужие ошибки, невзирая на имена [и звания].

Промотав начисто все состояние своей семьи, Гао отправился в Чжунмоу, навестил там приятеля и написал стихи:

Вчерашней ночью ветер ледяной
Наполнил душу трепетом и тьмой,
Ворвался в дом и загасил очаг —
Взметнулся огонек и враз зачах.
И дружеской беседы жар угас,
Едва тот огонек совсем погас.
Но лампе стоило мелькнуть в ночи —
Приятели схватились за мечи.

На другой день тот прислал Гао в подарок пару связок монет. Гао в гневе швырнул монеты наземь и плюнул в слугу:

— И это цена нашей дружбы?!

На другой день Гао вышел прогуляться и, столкнувшись с приятелем, принялся его бранить:

— Когда ты раньше гостил в столице, я встречал тебя со всем почтением, провожал на родину и щедро давал тебе деньги! А теперь, когда я приехал к тебе, ты вот как мною пренебрегаешь! Как же я могу на тебя положиться?! Нет тебе прощения!

Тут Гао выхватил из подвешной сумки нож и убил того человека и двух слуг, его сопровождавших, — тоже.

Подумав о строгости законов и поразмыслив, что бежать ему некуда, Гао помчался в столицу к своему земляку Лю Фу 柳敷 и обо всем правдиво рассказал.

— Надо мне уехать подальше, и поскорее, сегодня же! — заключил Янь.

Лю подарил ему на прощание отрез шелка.

Когда же опочил император Жэнь-цзун, и на престол вступил новый государь, все преступники получили помилование.

[Гао] тоже вернулся. Явился к Лю и сказал:

— Я получил возможность вернуться — будто родился заново! О, как раскаиваюсь я в своем поступке!.. После того, как мы расстались, я направился на север в хуские земли. Но через несколько дней меня схватил хуский конный разъезд. Привязали меня между двух коней и повезли к вану. «Какие науки ты превозмог?» — спросил меня ван. «Могу писать, считать, слагать стихи, прекрасно владею искусством охоты с соколами и собаками!» — отвечал я.

Ван очень обрадовался, и я у него долго пробыл. Потом [ван] отправился на север Великой пустыни и приказал мне сопровождать его. Через двадцать с лишним дней мы прибыли на место: на тысячу ли кругом желтый песок, пять злаков не растут, погода свирепо-холодная, трава начинает зеленеть только в пятую луну, кора на деревьях толщиной в два цуня, а лед — толщиной в шесть чи! Едят там сердцевину растений, а пьют молоко коров и овец.

Ван женил меня. Жена, хоть и молодая, была настолько грязна и вонюча — близко не подойти! Ночью мы спали в землянке, носили звериные шкуры... Моя хуская жена не понимала человеческого языка, и в те времена я мечтал стать хоть собакой, лишь бы — в Поднебесной, но это было невозможно.

В Великой пустыне не росли культурные злаки, и когда я хотел выпить вина или съесть мучного, Ван специально для меня посылал [за ними]. Я думал: да десять тысяч лет такой жизни не сравнятся с одним днем жизни в Поднебесной! Днем жена моя жала траву, росшую в пустыне, и раскапывала норы диких мышей, чтобы приготовить пищу. Однажды я случайно увидел свое отражение в близлежащем диком ручье и в ужасе бежал прочь — из воды словно злобный бес вынырнул: высохший, черный как тушь, на человека не похожий! Когда же в один прекрасный день мою жену похитили разбойники, я не выдержал и написал доклад вану, прося дозволения вернуться в родные места...

Позже, когда ван подошел к границе [Поднебесной], я ночью украл коня и поскакал на юг. Добрался до нашей страны, а коня отпустил назад. Стащив у пастушка одежду, я переоделся и, безо всяких помех пройдя на юг двадцать тысяч ли, добрался до морского берега, до Гуанчжоу. А там как раз большой корабль отплывал в Даши, и я решил присоединиться к плывущим на нем.

Корабль отошел от берега, заплескалась морская вода, заблестели фиолетовым волны, и кругом на все стороны осталось одно далекое небо. В воде показывались и вновь исчезали злые [поедающие друг друга] рыбы, волны дыбились удивительными громадами — только через два года мы достигли Даши.

Погода [в Даши] очень жаркая, и в год [там] снимают по два урожая. Правитель носит на голове золотую шапку, одежды его разукрашены подвесками с золотыми жемчужинами и самоцветами. А во дворце хранятся мощи Будды. Люди там искусные воины, сражаются, сидя на слонах. В земле там роятся сотни овец, и люди, узнав, что овцы должны родиться, строят вокруг этого места загородку. После рождения овцы связаны с землей пуповиной — люди садятся на коней, скачут и кричат, овцы пугаются и обрывают пуповину, после чего могут пасть.

К югу от Даши есть страна Линьминго 林明國, куда из Даши снарядили корабль. Я тоже сел на этот корабль, и через год мы приехали в Линьминго. По сравнению с Даши, климат там еще жарче, и в год там снимают несколько урожаев риса. Люди ходят совсем голые, прикрывшись лишь куском материи. В самый разгар жары они обмазывают стены домов известью, чтобы придать им прочность, и проводят на крышу воду: вода ниспада-

ет со стрех, как водопад, а брызги создают прохладу. Это говорит о хитроумии местных жителей.

Тамошний правитель объявляет наказания, восседая на золотой повозке: убийцу — казнить, нанесшему увечье — воздать тем же, а совершившие мелкие проступки платят в пользу казны штраф в одну штуку материи.

Дворцы правителя неописуемо роскошны, полы выложены золотыми плитами, [по стенам] висят, как спелые сливы, ясные жемчужины — никто не знает им числа! Деревья алоэ — как хворост, и их используют для растопки очага.

Из Линьминго шел корабль — мы проплавали десять лет, но так и не достигли южного берега и тогда повернули обратно. В пути мы были в стране, названия которой никто не знает. Люди там растут в несколько цуней, выходя из дома, они непременно привязываются веревкой друг к другу. Дикая птица там размером в несколько чи и временами они поедают тех людей — вот те и связываются веревкой, когда выходят.

Слышал я также, что на юго-востоке есть страна Нюйцзыго, и все ее обитатели — женщины. Каждую весну лунной ночью там распускаются «цветы естественности», и в них — пыльца новорожденных. Есть там «пруд жизни», колодцы «взгляда на новорожденного», и все женщины ходят к тем цветам, глотают пыльцу, пьют воду, смотрят в колодцы и после этого беременеют. Рождаются только девочки. Мы захватили с собой несколько маленьких человечков и повернули назад, но в пути они все перемерли.

В море нам встретилась огромная каменная гора, а на горе — несколько десятков огромных деревьев, на ветвях которых созревают маленькие мальчики, прикрепленные к веткам макушками. Увидев людей, [мальчики] начинают размахивать руками и смеяться. Но если срубить ветку, то мальчики тут же умирают. Мы срубили несколько ветвей и привезли с собой, и [местный] правитель спрятал их в своих дворцах...

Я пробыл в стране Линьминго шесть лет и узнал, что на юго-востоке есть страна Жицинго 日慶國. Из Линьминго туда шел корабль, и я сел на него.

Мы прибыли, и оказалось, что [жители Жицинго] завязывают волосы на голове на манер птичьих хохолков, а их правитель восседает на каменном ложе, и нет там ни церемоний, ни долга, а только разврат и распушенность, и больше всего там почитают

зло. [Они] искусные воины, однако сражаются и убивают друг друга все больше женщины. Уголовных законов нет, и если совершается преступление, то правитель вместе с людьми рушит жилище преступника и забирает его имущество. На юге — горы, издали сияющие в лучах солнца, точно золото. А подойдешь ближе — одна сера. Еще южнее серных гор — сплошь высокие вершины. Там днем и ночью полыхает огонь, а в огне живут мыши. Временами они выходят к кромке огня, тогда люди их ловят и из шкурок делают материю, а из нее уже шьют одежду. Если эта материя испачкается, то избавиться от грязи можно, прокалив ее на огне. Я привез с собой несколько чи [этой материи].

Мне наскучило в той стране, и я решил вернуться. А тут как раз в Линьминго отплыл корабль, и я поднялся на его борт, но в это время прибежала моя [тамошняя] жена с ребенком, которому только что исполнился год, и окликнула меня, но корабль уже отошел от берега. Увидав, что я не собираюсь возвращаться, она схватила сына и убила его.

Из Линьминго я вернулся в Даши, плавал два года по морям и добрался до Гуан[чжоу]. Не сгинув в желтых песках, избежав участи быть погребенным в рыбьем брюхе, я скитался двадцать лет и в странствиях своих достиг четырех стран. Бродил вдоль ручьев и ночевал в горах, пробирался через дремучие травы, мерз, страдал от жары и голода, но остался жив! Мне посчастливилось, избежав смерти, снова увидеть родину и обрести покой! Теперь я снова могу отправиться в столицу и взглянуть там на могилы предков! Снова буду я одеваться в шелк и есть сладкие, ароматные кушанья! И если кто-то плюнет мне в лицо и, что называется, схватит меня за горло и будет бить по спине, то я склоню голову и приму этот позор, но больше не посмею злодейски чинить вред человеческой жизни!..

Подивившись тому, что рассказывал Гао, — как он бежал, путешествовал по разным странам, что видел он в тех землях, где был, что за удивительные существа там живут, — я записал все это здесь, с радостью повествуя о человеке, который осознал свою ошибку и исправился.

А я рассужу так. Ма Фу-бо 馬伏波 говорил: «Быть человеком, осмотрительным в своих желаниях, все равно что вырезать лебедя: не получилось — и вышло что-то вроде утки. Быть необузданным в геройстве рыцарем, все равно что рисовать тигра:

не получилось — и вышло какое-то подобие собаки». Так Фу-бо наставлял своих учеников — он хотел, чтобы они стали усердными и порядочными учеными мужами, и не хотел, чтобы они были лихими сорвиголовами. А если вернуться к сказанному [о Гао] — он кичился талантами, погряз в беспробудном пьянстве, посягнув на жизнь человека, бежал туда, где живут только черти, страдал от голода и холода на безлюдной границе, искал среди диких трав глоток воды, ловил мышей и ел их — как можно его равнять с людьми?! Но, получив возможность вернуться, [Гао] счел это за великое благо, отправился в Восточную столицу, чтоб, как говорится, рыдать над телами умерших, и снова проявил человеческие добродетели! Таких из десяти тысяч всего один или два. Ученые и благородные мужи, узнав о [Гао Яне], ставят его в пример.

Примеч. Чжунмоу — уезд, был учрежден при Хань, при Суй (581—618) был переименован в Путяньсянь, а при Тан снова назван Чжунмоусянь. Располагался в средней части совр. пров. Хэнань, на южном берегу Хуанхэ.

Пара связок монет. — Как известно, медные монеты в старом Китае имели в центре четырехугольное отверстие для нанизывания на шнурок — в связку. Единицей счета и обращения выступала, как правило, связка в тысячу монет.

Когда же опочил император Жэнь-цзун... — Это случилось в 1063 г., когда на трон вступил Ин-цзун, по случаю воцарения которого была объявлена амнистия.

Хуские земли — собирательное название для территорий, расположенных к северу и северо-западу от исконных китайских земель; их обитателей традиционно называли хусцами, или варварами ху.

Великая пустыня — то есть пустыня Гоби.

Пять злаков — рис, просо, ячмень, пшеница и бобы; традиционно культивируемые в Китае зерновые.

Гуанчжоу — приморский южный город в совр. пров. Гуандун. Стоит на реке Чжуцзян. Был основан еще при династии Цинь (221—206 до н. э.) и тогда назывался Наньхай, а с 225 г. стал носить название Гуанчжоу. Важный портовый центр, из которого издревле осуществлялись морские связи китайцев с южными странами. С давних пор в Гуанчжоу существовал и так называемый «чужеземный квартал», где жили иностранцы, главным образом купцы из арабских стран; в квартале было свое самоуправление, обитателям квартала позволялось жить согласно привычному им укладу. Важным сунским источником по Гуанчжоу и его заморским обитателям является сборник бицзи Чжу Юя (朱彙 1075?—после 1119) «Пинчжоу кэтань» (萍洲可談 «Из бесед в Пинчжоу»). Мои переводы из него см.: *Алимов И. А.* Вслед за кистью. С. 155—215.

Даши — обычно обобщающее название стран арабо-мусульманского мира, но Оуян Цзянь считает, что в данном случае под Даши имеются в виду персидские владения (*Оуян Цзянь*. Указ. соч. С. 50). Каким образом во дворце «правителя Даши» могли храниться «мощи Будды» — вопрос загадочный; однако следует учитывать, что знания сунского китайца, пусть даже и достаточно образованного, об иных странах были отрывочны и средневековому причудливы, а значит, и особой достоверности от подобных рассказов ожидать не приходится (см., например, описание деревьев, на ветвях которых растут мальчики); логично предположить, что, не имея твердых представлений об исламе, наш автор устами явно вымышленного персонажа Гао Яня в рамках доступных ему сведений обрисовал некие исламские святыни как «мощи Будды».

Цунь, чи — традиционные китайские меры длины. Цунь — немногим более трех сантиметров, а чи — немногим более тридцати.

Нюйцзыго — Страна женщин. Сведения о полумифической стране с таким названием зафиксированы в китайских письменных памятниках еще в «Си юй цзи» (西域記 «Записки о западных окраинах») Сюань-цзана (玄奘 596?—664), затем у Ду Хуаня (杜環 VIII в.) в «Цзин син цзи» (經行記 «Записки о посещенных странах»), где сказано, что есть страна, где «женщины беременеют в результате воздействия воды». В. А. Вельгус полагает, что речь идет «об амазонках Северной Африки, представления о которых существовали у античных писателей и были, в свою очередь, повторены более поздним авторами» (подр. см.: *Вельгус В. А.* Известия о странах и народах Африки. С. 130—131). У Чжоу Цюй-фэя (周去非 ?—после 1178) в «Лин вай дай да» (嶼外代答 «Вместо ответа [на вопросы о землях юго-запада] за горными хребтами»: «Еще [далее] на юго-восток лежит Нюйго... Женщины этой страны "множатся", когда дует южный ветер. Обнажаются и "чувствуют ветер". Все рожают девочек» (цит. по: *Чжоу Цюй-фэй*. За хребтами. С. 150). М. Ю. Ульянов считает, что страна Нюй(цзы)го располагалась к востоку от острова Ява.

Ма Фу-бо — имеется в виду Ма Юань (馬援 14 до н. э.—49 н. э.), полководец начала правления восточноханьской династии. Происходил из зажиточной семьи. В 41 г. был назначен главнокомандующим в Фубо, откуда и прозвище. Прославился успешным усмирением «южных варваров».

Коу Лай-гун

**Клянется духам, втыкает бамбук,
показывая преданность государю**

Пониженный в должности Коу Лай-гун направлялся в Лэй-чжоу. Путь его лежал через Гунъань. [Коу] срезал бамбук, воткнул перед храмом духа местности и произнес молитву:

— Если в сердце своем я виноват перед императорским двором, этот бамбук не должен прорасти, но если я ни в чем не виновен, то он прорастет обязательно!

И бамбук пророс.

Да вот еще: Коу Лай-гун был отправлен в Лэйчжоу и умер там. Когда приказали перевезти его тело на родину, то гроб провозили через Гунъань, и весь народ вышел навстречу: люди срезали бамбук и втыкали в землю, сжигали жертвенные бумажные деньги. И вскоре пустившие корни молодые побеги бамбука образовали рощу. Соотечественники обожествили ее и назвали «Бамбуковая роща господина министра».

Примеч. Коу Лай-гун — сунский сановник, политик и крупный государственный деятель Коу Чжунь (寇準 961—1023), который в 1019 г. был пожалован титулом Лайго-гуна 萊國公. Входил в ближайшее окружение основателя сунской династии. В 980 г. успешно выдержал экзамен на степень цзиньши. Довольно быстро преуспел при дворе. Коу Чжуня высоко ценил император Тай-цзун (на троне 976—998). В 1004 г. Коу Чжунь стал первым министром. Когда в сунские пределы вторглись кидани, многие сановники в панике потребовали переезда двора в Нанкин или Чэнду, однако Коу Чжунь настоял на организации военного сопротивления и убедил императора Чжэнь-цзуна (998—1023) лично возглавить оборону. Позднее Коу стал жертвой клеветы и был отстранен от власти. В 1017 г. его вновь назначили первым министром. Коу Чжунь умер в ссылке в округе Лэйчжоу (совр. пров. Гуандун), о чем здесь и идет речь.

Гунъань — уездный город, ранее располагавшийся на территории совр. уезда Гунъаньсянь в пров. Хубэй.

Дочь Ли Даня

Дочь Ли Даня хитростью убивает змея

В Минь, что в Восточном Юэ, есть горы Юнлин, высотой в несколько десятков ли. У их подножия, с северной стороны, в болоте жил огромный змей — длиной в восемь чжанов и в один чжан в объёме. Местные жители были в постоянном страхе: не одного военного наместника и многих начальников областных городов в Дунье змей погубил! Однако беды можно было избежать, если принести в жертву [змею] быка или овцу.

И вот, являясь людям во сне или же через пророчества, ниспосланные шаманкам, [змея] заявил о желании брать в жены де-

вочек лет двенадцати-тринадцати. Военный наместник и начальники уездов были очень обеспокоены. Они стали искать дома, где родились служанки, или же брали дочерей из семей преступников. Когда наступала восьмая луна, девушку на рассвете оставляли у входа в нору змея. Змей тут же выползал и проглатывал жертву.

Так прошло несколько лет, и за это время было проглочено девять девушек.

В один год, собравшись принести жертву, искали-искали, но так и не смогли найти [подходящую девушку]. А у Ли Даня 李誕 из уезда Цзянлэ было шесть дочерей и ни одного сына. Меньшая его дочь — ее звали Цзи 奇 — сама согласилась стать жертвой для змея. Но отец и мать решительно воспротивились этому.

— Отец, матушка! Не останавливайте меня! Ведь у вас шесть дочерей и ни одного сына — зачем вам так много? Я не такая совершенная дочь, как Ти-ин, что спасла отца, да и обеспечить вас не смогу, так к чему вам зря тратиться на еду и одежду? Нет никакой пользы от того, что я жива, не лучше ли умереть юной? Продайте меня — хоть денег можно будет получить и немного, но все же я послужу вам, отец и матушка! Неужели это плохо?

Любя дочь, отец и мать жалели Цзи, не соглашались ее отпускать, но в конце концов удержать так и не смогли — согласились. Цзи попросила хороший меч и несколько натасканных на змей собак.

Настала восьмая луна. На рассвете [девушку] привели в храм и посадили там. [Она] спрятала меч за пазуху, а собак привязала. Достала заранее приготовленные несколько десятков медовых пампушек из рисовой муки и разложила их перед входом в нору. Ночью выполз змей — голова будто огромная житница, глаза словно зеркала в два чи! [Змей] учуял аромат лепешек и начал их пожирать. Цзи тут же спустила собак, те бросились к змею и начали на него кидаться. Цзи подкралась к змею сзади и принялась рубить его мечом. Змей рванулся прочь, выполз во двор и издох. Цзи пошла в нору — и нашла там черепа девяти девушек. Взяв их, Цзи вышла из норы.

— Вы были столь слабы, и змей вас пожрал! — печально вздохнула Цзи. — Очень мне жалко вас.

И, удрученная, Цзи медленно пошла домой.

Прослышав об этой [истории], князь Юэ посватался к Цзи, а отцу ее пожаловал чин начальника уезда Цзянлэ. Получили подарки также и мать [Цзи], и все ее сестры.

С тех пор в Дунье нет больше вредоносной нечисти.

Примеч. Восточное Юэ. — Древнее княжество с таким названием существовало на территории юго-восточной части совр. пров. Чжэцзян и захватывало север Фуцзяни. Минь — средневековое название совр. пров. Фуцзянь, а ниже упомянутое Дунье — главный город округа Миньчжун. Ныне это г. Фучжоу, административный центр пров. Фуцзянь. Горная же гряда Юнлин протянулась в центральной части Фуцзяни.

Ти-ин — Чуньюй Ти-ин (淳于緹縈 перв. пол. II в. до н. э.), образец почтительной дочери китайской древности. Самая младшая из пяти дочерей Чуньюй И 淳于翼, известного врача своего времени, брошенного в тюрьму по обвинению в ошибочном лечении жены одного крупного торговца. Ти-ин написала императору прошение освободить ее отца от наказания, предлагая взамен продать себя в служанки. Император был так растроган ее преданностью отцу, что освободил того из заточения безо всяких жертв со стороны дочери. Поступок Ти-ин считается высшим выражением любви к родителям.

Деву привели в храм — имеется в виду храм, сооруженный перед норой змея для принесения ему жертв.

Данный рассказ позаимствован Лю Фу из сборника «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записки о поисках духов») Гань Бао (干寶 III—IV вв.). Трудно с уверенностью сказать, прошел ли он через редакторскую правку Лю Фу, или же Лю Фу пользовался неизвестным нам списком «Соу шэнь цзи», или же вообще услышал где-то эту историю и записал по памяти, однако же в известном нам ныне тексте «Записок...» данный рассказ (разумеется, у Гань Бао он никак не озаглавлен) звучит (в переводе Л. Н. Меньшикова) так: «В округе Миньчжун, что в области Дунье, есть гряда Юнлин, протянувшаяся на несколько десятков ли. В топях на северо-запад от нее обитал большой змей длиной в семь или восемь чжанов и толщиной в десяток обхватов. В этих местах распространено было устрашающее предание, гласившее, что змей навлекал гибель на военных наместников в Дунье и подчиненных им высших чиновников. Чтобы избежать бед, ему приносили в жертву волов и баранов. Но вот змей то с помощью снов, то с помощью пророчеств, ниспосланных шаманкам, стал сообщать людям свое желание получать на съедение девочек лет двенадцати-тринадцати. И военный наместник и начальники приказов были этим опечалены. Они велели разыскивать девочек, рожденных служанками, и дочерей из домов преступников и кормили ими змея. Когда наступал день жертвоприношений в восьмую луну, очередную девочку отправляли к выходу из его логова, змей выползал оттуда и заглатывал ее. Так продолжалось несколько лет. Уже девять девочек были принесены в жертву. Пришла пора очередного жертвоприношения — не могли найти

подходящей девочки. В уезде Цзянлэ в семье Ли Даня было шесть дочерей и ни одного сына. Младшую из дочерей звали Цзи. Она объявила, что готова пойти к змею. Но отец и мать даже слышать об этом не хотели. "Прошу батюшку и матушку послушать мое суждение, — сказала им Цзи, — у вас шесть дочерей и ни одного сына. Одной дочерью больше, одной меньше — это все равно. Я, ваша дочь, не выказала такой преданности родителям, как Ти-ин. Если я не смогу принести себя в жертву, значит, вы меня зря кормили и одевали. Рождение мое не пошло вам на пользу — так лучше мне умереть пораньше. А теперь за брэнное тело вашей Цзи вы сможете получить малую толику денег. Что же тут плохого — так послужить родителям". Отец и мать, любя и жалея ее, никак не соглашались. Но Цзи тайно ускользнула из дому, задержать ее не сумели. Властям она заявила, что ей нужен хороший меч и собака-змееед. Настало утро жертвоприношений восьмой луны. Она отправилась в храм и села там, спрятав за пазухой меч. Собаку тоже взяла с собой. Еще раньше она приготовила несколько даней рисовых оладий, политых медовым соусом, и сложила их у входа в логово. Змей выполз наружу — голова как жбан для вина, глаза как зеркала, по два чи в поперечнике. Привлеченный запахом лепешек, змей принялся их пожирать. Тогда Цзи спустила собаку. Собака впиалась в змея, а Цзи из-за ее спины нанесла несколько ударов мечом. От острой боли змей кинулся прочь, выбрался во двор и там издох. Цзи вошла в логово, нашла в нем кости девяти девочек, вынесла их наружу и оплакала в таких словах: "Все вы трусливы-ми, слабыми были. Пищей для змея вы послужили. Сколь все это прискорбно!" Потом девочка медленным шагом вернулась домой. Весть о случившемся дошла до Юэского вана. Он посватался к Цзи, и она стала его супругой. Отца ее пожаловали начальником уезда Цзянлэ. Мать и старшие сестры — все получили награды. С той поры в Дунье не стало больше нечистых тварей. А песенку поют в народе до нашего времени» (*Гань Бао*. Записки о поисках духов. С. 441—443).

Дочь Чжэн Лу Дочь Чжэн Лу хитростью обманывает разбойника

Младший брат Чжэн Лу 鄭路 получил назначение чиновником в земли к югу от Янцзы. Лу поехал с ним, взяв с собой жену и дочь.

Однажды вечером, едва [они] привязали лодку у речной отмели, как на них внезапно напала толпа разбойников. Чжэн разложил на берегу все имевшееся у них золото и шелк, разбойники все и забрали. Лишь один [разбойник] грабить не стал — а зая-

вил, что с него будет достаточно и девушки. Дочь [Чжэна] была прекрасна лицом, и разбойник это разглядел. [Чжэн], памятуя, что это его, как говорится, плоть и кровь, не нашелся, как ответить. Тут вперед вышла сама девица и охотно согласилась. Главарь посадил ее в маленькую лодку и отчалил [от берега].

— Вы, сударь, хоть и вор, но ведь тоже имеете дом и родственников? Я же принадлежу к знатному роду. Разве можно обойтись без положенных церемоний, если уж я должна стать вашей женой! Поедем к вам домой и предстанем перед родными, получим их одобрение, и ладно, — сказала девушка разбойнику.

— Хорошо, — отвечал разбойник.

— Вы, сударь, давно носите имя вора, и вам не положено иметь прислугу, — сказала дева, указывая на своих служанок. — По моему разумению, лучше их отправить обратно в мою семью.

Разбойник, плененный ее красотой, с охотой согласился и сделал все, как она сказала. Он прогнал служанок, взял с собой только девушку, сел за весла — заплескалась вода, и они поплыли.

Тут дева бросилась в воду и утопилась.

Современники почитали ее.

Примеч. Данный рассказ практически дословно позаимствован Лю Фу из танского анонимного сборника «Юй цюань цзы цзянь вэнь чжэнь лу» (玉泉子見聞真錄 «Правдивые записи о том, что видел и слышал Юйцюань-цзы»), от пяти первоначальных цзюаней которого до наших дней дошла лишь одна цзюань. См. этот рассказ в 270-й цзюани ТПГЦ.

Жэнь Юань

Человек в черном платке спасает Жэнь Юаня от побоев

Жэнь Юань 任愿, второе имя Цзинь-шу 謹叔, был родом из столицы. В юные годы он постоянно сопровождал отца в путешествиях к местам чиновничьих назначений между реками [Ян-цзы]цзян и Хуай[хэ], немного поучился искусству каллиграфии и со временем стал весьма образованным и великодушным ученым мужем. Домашние рассчитывали, что он продолжит дело предков, но Жэнь, как говорится, затворил двери дома — и все тут. А к достижению славы и выгоды не проявлял никакого интереса.

В первую луну второго года под девизом правления Синин, в день праздника фонарей Юань засветло прогуливался по улицам. В это время [улицы] были переполнены паланкинами и всадниками, ученые мужи и прекрасные девы, как говорится, сошлись вместе. Юань, будучи уже сильно навеселе, нетвердо держался на ногах — он упал, головою боднув супругу какого-то важного господина.

Господин пришел в ярость и стал бить [Юаня] — все сильнее и сильнее, а Юань только [и мог, что] безмолвно защищать рукавом лицо. Это продолжалось долго, и их со всех сторон обступили зеваки — множество зевак! — как вдруг один из них, человек в черном платке, не выдержал, внезапным ударом свалил господина наземь, после чего схватил Юаня за руку и потащил прочь. Все так и застыли в удивлении.

— Раньше мы с вами, господин, и знакомы не были, — обратился Юань к спасителю. — А вот же, удостоился я того, что вы решительно вступились за меня!

Но незнакомец ушел, даже не оглянувшись.

На другой день Юань снова встретил того человека в черном платке, пригласил его выпить вина, и они вместе отправились на постоялый двор.

Сели за стол. Тут Юань внимательно рассмотрел незнакомца: пугающие глаза, величественный дух, решительный и твердый, даже страшно! Они долго пили, и Юань [наконец] с благодарностью сказал:

— Позавчера меня унижил глупец, и если бы не вы, храбрый человек долга, то кто пожелал бы помочь мне?

— Разве такой ничтожный повод стоит благодарности? — возразил незнакомец. — Послезавтра я буду ждать вас здесь же, не опаздывайте!

После этого каждый пошел своей дорогой.

Пришел назначенный срок, и Юань отправился [на постоялый двор] — а человек в черном платке уже там. Вместе вошли они в винную лавку. Подняли чаши уже раз десять, как незнакомец сказал:

— Я тайный мститель. У меня была глубокая обида, и я скрывал ее несколько лет, а сегодня понемногу начал действовать.

Тут он вынул черный кожаный мешок, а из мешка достал человеческую голову. Ножом настругал с нее мясо, и половину протянул Юаню. Юань очень перепугался и не знал, что делать. А человек в черном платке принялся за свою часть и съел все без остатка. Потом снова предложил Юаню, но тот отказался. Тогда человек в черном платке рассмеялся, протянул руку, взял мясо из тарелки Юаня и съел его тоже. Поднял череп и стал с легкостью строгать его коротким ножиком — словно трухлявое дерево! Бросил остатки на землю.

— Я могу передать вам одно умение... Будете учиться? — спросил он.

— А что это за умение? — поинтересовался Юань.

— Я умею, — отвечал человек, — побрызгав [моим] снадобьем на железо превратить его в золото, а, побрызгав на медь, — превратить в серебро!

— Здесь, за воротами, имение моих предков, в день мой доход — связка монет. В семье несколько человек, но в стужу все одеты в ватную одежду, в жару все носят полотно, а в весенние дни уже едят мясные блюда из свежей убоины. Но положение мое шатко, я постоянно боюсь накликать беду — так посмею ли учиться подобному! — всполошился Юань. — Надеюсь, вы, господин, поймете меня.

— О, вы поистине из тех, кто понимает веления Неба, и значит, вам суждено долголетие! — в восхищении вздохнул человек в черном платке. Достал пилюлю и продолжал. — Примите это и никакая нечисть не осмелится к вам приблизиться!

Юань запил пилюлю вином.

Расстались они поздней ночью.

Впоследствии [Юань] с тем человеком больше не встречался.

Примеч. Второй год... Си-нин — 1069.

Рассуждения о стихах знаменитых господ

Рассуждения о стихах знаменитых господ нынешней династии

Министру Люй И-цзяню ученый-конфуцианец Чжан Цю 張球 в один прекрасный день поднес стихи:

Нет еды ни крошки — не из чего стряпать.
 Горько плачут дети, но не стоит плакать.
 Мать шепнула сыну: я и не горюю —
 Наш отец понес стихи господину Люю.

Прочитав эти стихи, господин очень развеселился и подарил Чжану сто связок монет в награду, а еще приказал отвести его в гостиницу для знатных чиновников и поселить там в полном достатке. Тридцать лет находился господин у кормила власти, он обогривал и защищал бедных и слабых, помогал ученым мужам, назначая их начальниками округов за пределами столицы или же в управления министров при дворе. Это был мудрый первый министр, при котором царило великое спокойствие. О, сколь прекрасно!

Примеч. В этом шихуа десять фрагментов, здесь я привожу перевод четырех из них.

Люй И-цзянь (呂夷簡 979—1044) — сунский министр и реформатор. Стал цзиньши в годы под девизом правления Сянь-пин (998—1003) и был назначен провинциальным чиновником. Позднее занял пост в Департаменте наказаний и управлял Кайфэном, в деле чего достиг больших успехов, так что имя Люй И-цзяня стало известно при дворе: император Жэнь-цзун (на троне 1023—1063) назначил его своим секретарем, а в 1028 г. Люй И-цзянь впервые стал министром. Посты министерского ранга после этого он занимал неоднократно и находился у власти более двадцати лет. По свидетельствам современников, в Поднебесной более десяти лет царил мир — благодаря усилиям Люй И-цзяня. С другой стороны, те же современники отзывались о Люй И-цзяне как о человеке крайне властолюбивом, не гнушавшемся никаких методов для достижения своих целей.

Когда покойный господин Фань Вэнь-чжэн управлял Юэ, умер один *миньцао* по имени Сунь Цзюй-чжун 孫居中. Семья его была в большой нужде: остались два малолетних сына и жена. Старшему сыну только-только исполнилось три года. Господин Фань пожертвовал семье Суня сто связок монет, другие чиновники области последовали его примеру — количество пожертвованных увеличилось в несколько раз. Господин же купил лодку, выбрал одного старого чиновника и назначил заведовать ею, наказав:

— Когда будешь проезжать заставы, показывай мое стихотворение:

Паруса легкий листок скользит по речному потоку.
 Является в теплые дни, уплывает, едва холодает.

Спросят когда на заставе, чья это лодка такая,
Услышат в ответ: лодка вдовы и сирот.

Вот свидетельство того, как господин поддерживал сирот и бедных.

Примеч. Фань Вэнь-чжэн 范文正 — посмертное имя сунского сановника и реформатора Фань Чжун-яня (范仲淹 989—1052). Из родовитой, но обедневшей чиновничьей семьи. Осиротел в возрасте двух лет. Усердно учился и в 1012 г. стал цзиньши. По протекции Янь Шу (晏殊 991—1055) был назначен сверщиком текстов в императорскую библиотеку — так началась его карьера. Позднее Фань Чжун-янь стал членом придворной академии Ханьлиньюань и заместителем начальника Шумиюаня, Высшего военного совета страны. Активно боролся против Люй И-цзяня (吕夷简 979—1044), сосредоточившего к тому времени всю высшую власть в стране в своих руках: в частности, Фань Чжун-янь подал на высочайшее имя доклад «Сы лунь» (四論 «Четыре суждения»), где раскритиковал все-мощного министра и политику двора, за что и был выслан служить в Жаочжоу (Цзянси). Со временем Фань стал лидером оппозиции. В 1040 г. Фань Чжун-яня по его просьбе перевели служить в Яньчжоу, важнейший стратегический пункт в военном противостоянии с тангутами: там по его инициативе были возведены оборонительные сооружения; также большое внимание Фань Чжун-янь уделил обучению пограничных войск. В 1043 г. Фань стал помощником первого министра и подал императору доклад, в котором излагал свой план реформирования системы управления. Однако в 1044 г. Фань усилиями противников реформ был отправлен в отставку. Известен также как тонкий знаток конфуцианского канона.

Миньцао — мелкий чиновник, в обязанности которого входило наблюдение за малыми народами, так называемыми варварами, жившими на окраинных землях империи.

Когда покойный господин Хань Вэй-гун управлял Чжэньдином, у него был домашний учитель Пэн Чжи-фан 彭知方, большой любитель вина. Этот Пэн постоянно лазал через стену в женские покои. Привратник доложил господину, но тот не стал учинять разбирательство. Так продолжалось долго. Однажды, сажая бамбук, господин сочинил стихотворение:

Землю старательно я поливаю, о деревцах забочусь,
Развратно торчащих за стену ветвей вовсе не допускаю.

Учитель увидел эти стихи и пришел в большой восторг. Он прибавил к ним еще строки:

Если хозяин высоко так добродетель чистую ценит,
Чтоб не было веток развратных — пусть одну мне подарит.

Тогда господин специально отрядил в столицу чиновника с сотней связок монет, там была куплена рабыня и подарена учителю. И ко всем прочим ученым людям и гостям своим господин относился так же!

Примеч. Чжэньдин — уезд, располагавшийся на территории совр. пров. Хэбэй.

Отшельник Вэй из Шаочжоу был мужем возвышенных устремлений. Министр Чжан Ши-сюнь призвал его в столицу, но вскоре Вэй стал проситься домой, и министр на прощание сложил для него стихотворение:

Одинокое вольное облако прилетело в столицу Владыки.
А теперь возвращается, осеннего ветра ждать не желая.

Все восхищались этими строками.

Примеч. Шаочжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хунань.

Чжан Ши-сюнь (張士遜 964—1049) — сунский чиновник. Службу начинал с должности уездного секретаря. Потом был призван в столицу и в 1028 г. назначен *тунтин чжанши* (должность министерского ранга — проверяющий ведение дел в высших государственных учреждениях), в 1033 и в 1038 г. снова занимал министерскую должность; за заслуги был пожалован титулом Чжэнго-гуна 鄭國公.

Записки о далекой дымке

Дай Фу тайно везет тело госпожи Ван на родину

Дай Фу 戴敷 жил в уездном городке области Юньчжоу. Отец [его] был странствующим торговцем, вместе с ним и Фу немало попутешествовал. Позже Фу, так сказать, внес просо, стал учащимся в Тайсюэ и женился на дочери некоего Вана, державшего в столице винную лавку.

Прошли годы. Отец Фу умер где-то в дороге, а сам Фу повадился водить компанию с легкомысленными юношами и истратил все состояние своей семьи, так что иссякли одежды и в мешках у Фу стало пусто, а дома, как говорится, не было ни *даня*, ни

iii. А жену Фу силою вернул домой ее отец. Дни и ночи напролет Фу рыдал от горя, и жена его, госпожа Ван, тоже горевала.

— Раз вы не позволяете мне следовать моим чувствам, я никогда и ногою не ступлю на двор к другому! — поклялась Ван отцу. — Смертью докажу я преданность Фу!

Вскоре она занедужила и долго лежала, тяжело больная. Домашние уговаривали отца позволить Ван вернуться к Фу, но тот был человек в высшей степени непреклонный.

— Да я скорее дам себе голову срубить, а дочь снова к Фу не пущу! — отвечал он и сильно ругал дочь. — Ты такая же бес-толковая, как и этот Фу. [Вернешься к нему] — и встретишь смерть от голода и холода на обочине дороги!

Но госпожа Ван неотступно думала о Фу. Она становилась все слабее и, предчувствуя наихудшее, тайком шепнула мальчику-слуге:

— Поблагодари от меня молодого господина! Пусть потом возьмет мое тело и отвезет [на свою родину,] в Юнь[чжоу]. Таков всегда был долг супругов.

Через несколько дней она умерла.

Мальчик, повстречав Фу, подробно рассказал ему о смерти своей госпожи и об ее последнем желании. Фу очень горевал.

В ту же ночь он потихоньку выбрался за городские стены: сняв одежду, отдал ее кладбищенскому сторожу, забрал тело [жены], взвалил на спину и отправился в Юньчжоу.

После этого Фу окончательно впал в нищету — у него не осталось ни одежды, ни еды. Тогда он нанялся к лодочнику перегнать лодку вниз по Бяньхэ за пределы Янцзы. Так Фу оказался в Юэяне, где выучился ловить рыбу и тем кормился. Думы о покойной жене постоянно мучили Фу, причиняя ему боль и вгоняя в тоску. Часто в одиночестве напевал он строки:

Кто может прозреть далекие волны тумана?
Кто может увидеть в них давнее счастье былого?

Уж кончилась осень, листья с деревьев облетели, вода спала, и ровная многоводная гладь озера расстилалась необозримо, словно бесконечный ледяной нефрит. [Как обычно] Фу, выйдя за город, проплыл на лодке несколько ли, и тут вдали, в пелене тумана показался на воде человек, будто всматривающийся в Фу.

Прошло несколько дней — Фу не мог поймать ни рыбешки, но неоднократно видел того человека в туманных волнах. Минул год с лишним, и человек как будто приблизился, а еще через полгода оказался еще ближе. Через месяц они с Фу сошлись так близко, что их разделяло всего шагов пятьдесят. Тут Фу взгляделся — а это его жена, госпожа Ван!

Фу зарыдал, и жена тоже заплакала — стали говорить друг другу о тоске разлуки. А еще через несколько дней Фу, не сделав и нескольких шагов, вдруг написал на [ближайшей] стене стихи:

Заткано озеро в туман, высоко спокойное небо.
На волнах красавица — горе ее безутешно.
Встретились здесь наконец две неразлучницы-утки,
Лунною осенью им время домой отправляться.

Однажды утром Фу, прощаясь с хозяином, рассказал ему всю эту историю, но хозяин не очень-то поверил и послал на другой день вместе с Фу своего сына. Фу вывел лодку на озерные воды, и тут вдруг появилась женщина. Она приблизилась к лодке, взяла Фу за руку и произнесла:

— Когда вы сопровождали мое тело в Юнь[чжоу], в пути я все время находилась рядом с вами, но светлое начало в вас так было сильно, что я не осмеливалась и на глаза показаться. Два года уже вы рыбачите здесь, на озере, и мы глядим друг на друга издали. Долгими месяцами мы не могли соединиться, нельзя было даже приблизиться друг к другу. Но сегодня время пришло!

И женщина утащила Фу под воду, а сын хозяина в испуге поспешил домой.

Несколько дней спустя тело [Фу] всплыло. Начальник Юэяна освидетельствовал труп: лицо было как живое!..

Я слышал эту историю от людей.

Примеч. Юньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Цзянси.

Внес просо — то есть заплатил за право поступления в государственное училище; форма практически узаконенной взятки.

Тайсюэ — столичное училище. Название это известно еще со времен Западной Чжоу (1066—771 до н. э.); при Хань, в 124 г. н. э., в Тайсюэ преподавали канонические конфуцианские сочинения — известно, что учащихся тогда было около пятидесяти человек, и именно этот год считается временем основания Тайсюэ. При Поздней Хань (25—220) Тайсюэ бурно развивалось: в лучшие времена студентов там насчитывалось до тридцати

тысяч человек. При сунской династии Тайсюэ имело статус высшего государственного училища. В 1044 г. двор положил для столичного училища Тайсюэ правило *саньшэ* 三舍, то есть трех ступеней обучения как для отпрысков служилого сословия, так и для талантливых юношей простого происхождения. Сначала студенты поступали в *вайшэ* 外舍, «внешнее подворье» (или, если угодно, «общежитие» — и то и другое верно: студенты жили в Тайсюэ, в специально отведенных для того помещениях), где в положенное время проходили испытания, в зависимости от результатов которых переходили или в *нэйшэ* 內舍, «внутреннее подворье», или, в самом удачном случае, в *шаншэ* 上舍, «высшее подворье». При императоре Хуэй-цзуне (на троне 1101—1125) училище было расширено: в *вайшэ* обучалось до трех тысяч человек одновременно, тогда как в *нэйшэ* было шесть сотен, а в *шаншэ* — две сотни студентов. Эти цифры до определенной степени говорят и о качестве отбора учащихся. Обучение и питание всех студентов Тайсюэ производилось за государственный счет; при Южной Сун (1127—1279) это положение было изменено: на государственном коште состояли лишь попавшие в *нэйшэ*, а обитатели *вайшэ* должны были заботиться о себе из личных средств. Попасть в число учащихся Тайсюэ было делом престижным, имела место сильная конкуренция, по причине которой и приходилось «вносить просо».

Не было ни *даня*, ни *ши* — иносказательно о крайней бедности. Дань и ши — меры веса.

Юэян — город, располагавшийся на берегу знаменитого озера Дунтинху в пров. Хунань.

Записки о красном листе

Госпожа Хань выходит замуж благодаря стихам,
написанным на листе

Сочинение вэйлинского Чжан Ши
по второму имени Цзы-цзин

Во времена [правления] танского Си-цзуна ученый-конфуцианец [по имени] Юй Ю 于祐 однажды вечером прогуливался по запретной улице. В природе уж царило увядание, печальный ветер дышал осенью, солнце клонилось к закату, и в груди рождались тоскливые чувства. [Юй] смотрел на листья, что плыли в императорском канале, — один за другим, непрерывным потоком. Подошел к воде, чтобы омыть руки, — и вдруг появился лист размером больше прочих, и издалека на нем виднелись следы туши. Плыл красный лист, тянулись непрерывно далекие мыс-

ли... [Юй] его выловил, взгляделся: действительно, тушью написано четверостишие. Вот оно:

Куда несется быстро так вода?
Дни напролет томлюсь во глубине дворца.
Ты потрудишься, любезный красный лист.
Плыви и окажись среди людей.

Юй взял листок [домой] и запер его в шкатулке для писем. Дни напролет [он] декламировал [эти стихи], удивляясь слогу, новизне и прелести мысли. Он не знал, кто сочинил эти строки и записал их на листке, а потому рассудил так: воды императорского канала текут из запретного дворца, значит, стихи написала непременно какая-нибудь дворцовая красавица. Юй очень дорожил [листочком], постоянно думал о нем и при случае рассказывал [эту историю] хорошим знакомым. Все помыслы Юя были заняты [листочком], потому душевные силы его истощились.

Однажды приятель при встрече спросил Юя:

— Почему вы так исхудали? Это неспроста. Расскажите-ка мне все!

— Уж несколько месяцев, как потерял я и аппетит и сон...

И тут Юй рассказал приятелю о строках на красном листе.

— Ну разве не глупо так себя вести! — громко расхохотался приятель. — Та, что писала эти [строки], и в мыслях не держала вас, вы наткнулись на [листочек] случайно, что же вы изводите себя? Мучаетесь от любовной тоски, но император охраняет запретные дворцы — и будь у вас крылья, все равно не посмели бы залететь [туда]. Ваша глупость поистине достойна осмеяния!

— Хоть небо и высоко, но меня, ничтожного, услышит! — отвечал ему Юй. — Небо всегда следует стремлениям человеческим. Вот слышал я о том, как Ню Сянь-кэ случайно повстречал У-шуан и в конце концов добился ее с помощью хитрого плана господина Гу! А если потерять уверенность, тогда чем кончится дело — неизвестно.

Юй так и не расстался со своими мечтаниями.

Он написал на листе две такие строки:

Случилось мне прочесть строки Вашей печали —
Те, что Вы на красном осеннем листке записали... —

и пустил его на волю вод императорского канала, надеясь, что вода донесет послание до дворцовых покоев. Над ним смеялись,

но люди понимающие считали, что Юй поступил верно. А некто преподнес [Юю] такие стихи:

Даже милостью Вашей, сударь,
не перестанет течь вода на восток.
Ведь именно этот поток из дворцов
позволил вырваться чувствам!

Впоследствии Юй несколько раз сдавал экзамены на должность, но успеха не имел, а потому поступил на службу домашним учителем в дом знатного человека — Хань Юна 韓泳 из Хэчжуна. [За службу Юй] получал деньги и шелк — на жизнь хватало только-только, и мыслей о чем-то большем у него не появлялось.

Спустя некоторое время Хань Юн [однажды] позвал к себе Юя и сказал:

— Более трех тысяч дворцовых служанок уличено в проступках, и [их] выдают замуж за простых людей. Одна [из них] — некая Хань, моя однофамилица, долго пребывала во дворце, а ныне вышла из запретных покоев и поселилась у меня. Вы до сих пор не женаты, а годы ваши уже зрелые. Горько жить одному да и успеха вы не добились — по-сиротски пусто одинокое [ваше] жилье, и я очень вам сочувствую. А у госпожи Хань в сундуках ныне не менее тысячи связок монет и сама она из хорошей семьи. Лет ей около тридцати, она удивительно красива. Что, если я поговорю с ней, сосватаю за вас?

Вскочив с циновки, Юй пал ниц:

— Я, бедный и нищий книжник, кормлюсь в вашем доме, днем я сыт, а ночью — в тепле. Давно уже пользуюсь я вашими милостями, но к печали моей мне нечем отблагодарить вас. С утра и до вечера я корю себя, стыжусь своего бессилия. Да как же сметь мне еще и на такое надеяться?!

Тогда Юн послал человека договориться со свахой и помог Юю, как говорят, поднести невесте ягненка и гуся, справить все шесть церемоний — и эти двое соединились. В тот счастливый вечер радости Юя не было предела, а наутро он увидел, что у госпожи Хань великое множество нарядов, и красоты она необычайной — ни о чем подобном Юй и мечтать не осмеливался! [Он] решил, что по ошибке оказался, что называется, у источника бессмертных, а душа его вылетела за пределы сущего!

Однажды госпожа Хань увидела у Юя в шкатулке для писем красный лист и в большом испуге сказала:

— Это ведь я написала! Как мои стихи у вас, господин, оказались?!

Юй обо всем ей откровенно рассказал.

— А я тоже однажды выловила из воды красный лист, но кто написал на нем — не знаю! — сказала тогда госпожа Хань, открыла шкатулку, достала: а это надпись, сделанная Юэм. Глядя друг на друга, [они] в удивлении долго вздыхали, лили слёзы.

— Неужели все это случайность? Наверняка все было predetermined заранее, — сказал [Юй].

Госпожа Хань отвечала:

— Когда я выловила лист, то написала еще одно стихотворение. Оно и сейчас хранится в моей шкатулке, — с этими словами она достала его и показала Юю.

По берегу канала бродила одиноко.
Увидела листок, к ногам моим приплывший.
Достоин нежных чувств тот человек далекий,
Что пару строк сложил, мне душу изменивших.

Никто из слышавших [эту историю] не мог удержаться от вздоха удивления.

Однажды Хань Юн устроил пир и пригласил Юя с госпожой Хань.

— Надо бы вам теперь и сваху поблагодарить, — сказал Юн.

— Это Небо соединило нас с господином Ю, — смеясь, отвечала госпожа Хань, — а совсем не усилия свахи!

— Почему вы так говорите? — спросил Юн.

Госпожа Хань взяла кисть и написала такое стихотворение:

Пару изящных строк водный поток подхватил.
Десятилетняя грусть мою переполнила грудь.
Ну а сегодня сошлись феникс с луанем навек.
Это все красный лист, лучшая сваха моя.

— Теперь я вижу, что в Поднебесной не бывает случайностей! — сказал Юн.

Когда Си-цзун осчастливил Шу, Хань Юн отправил Юя во главе сотни домашних слуг в помощь [прибывающим], а Хань, как дворцовая служанка, предстала перед императором и рассказала их с Юем историю.

— Да, я что-то слышал об этом, — промолвил император. Призвал Юя, улыбнулся и сказал:

— Так вы, оказывается, давний гость Нашего дома!

Юй простерся ниц, прося извинить его проступок. Когда император вернулся в западную столицу, [он] назначил Юя в свою свиту и дал пост в дворцовой гвардии.

Госпожа Хань родила пятерых сыновей и трех дочерей. Сыновья старательно учились и все стали чиновниками, а дочери вышли замуж в прославленные семейства. Госпожа Хань управляла домом со всей строгостью и всю жизнь слыла примерной женой.

Первый министр Чжан Цзюнь сложил [Юю] такие стихи:

В Чанъани множество великое домов.
И день за днем вода струится по каналу.
Но по волнам плывущий красный лист —
Вам одному достался лишь в награду!
В ответ Вы написали пару строк,
Послали их назад с листком осенним.
В покоях множество великое людей —
Но лист вернулся прямо в руки к Хань!
Изгнали из дворцов три тысячи прислуги
И среди них была и госпожа Хань.
Благодарила императора за милости,
А слезы сплошь текли — что сильный дождь.
И в знатном доме обретя приют,
Она внезапно повстречала Вас!
Позвали сваху, справили обряд —
И стали вы навеки муж с женой.
Детишек множество у вас родилось,
И знатное богатство в дом пришло.
Истории такой не знает древность —
Достойной, чтоб предстать в веках!

А я рассужу так. У текучей воды нет чувств. У красного листа нет чувств. Одно бесчувственное, встретив другое бесчувственное, отправилось на поиск обладающего чувствами — и в результате умеющий чувствовать подобрал [лист] и воссоединился с другой, тоже имеющей чувства. Можно верить, что о подобном раньше и не слышали! Ведь если по небесным законам положено быть вместе, то хоть [вы и] далеки [друг от друга], как Ху от Юэ — все равно соединитесь! А уж если по небесным законам этого нельзя, то хоть живите в соседних комнатах — соединения

не будет. Тем, кто тверд в упорстве и упорен в настойчивости, чтение этой [истории] должно стать поучением.

Примеч. Во времена... танского Си-цзуна — то есть с 874 по 888 г.

Ню Сянь-кэ... У-шуан... — Речь идет о новелле чуаньци танского Сюэ Дяо 薛調 «У-шуан чжуань» (無雙傳 «История У-шуан»), главные герои которой, книжник Ван Сянь-кэ 王仙客 (а не Ню 牛; видимо, в тексте Лю Фу ошибка) и девица У-шуан, помолвленные сызмала и любящие друг друга, оказались разлучены благодаря тому, что У-шуан взяли во дворцовые покои. Тогда Ван при содействии члена дворцовой гвардии Гу составил план похищения девушки, план оказался удачным и влюбленные в конце концов счастливо соединились.

Хэчжун — танское воеводство, располагалось на территории совр. пров. Шаньси.

Правили все шесть церемоний... — Свадьба и сопутствующие ей обряды в Китае издавна считались одними из наиважнейших. Указанные шесть церемоний включали в себя: а) посылку записки с предложением брака, что осуществлялось через сваху, и получение ответной записки; б) запрос, опять же через сваху, имени жениха (невесты), а также точной даты рождения, ибо чрезвычайно важным была совместимость молодых по гороскопу; в) определение счастливого дня для бракосочетания, для чего приглашался специальный геомант; г) отсылку подарков в дом невесты (шелк, украшения, утварь, два ягненка, вино, чай, пр.); д) сообщение даты предполагаемого бракосочетания семье невесты и получение от нее согласия; е) прибытие жениха в дом невесты, дабы забрать ее в свой дом. Конечно, сами церемонии были еще более изощренными и включали в себя подарки со стороны невесты, выставление приданого невесты в доме жениха за день до свадьбы, «подкуп» носильщиков паланкина невесты, целую серию мелких обрядов, сопровождавшую прибытие невесты в дом жениха, подарки молодоженам от гостей, представление невесты свекрови, и пр. Правильное, должное отправление такого сложного свадебного комплекса требовало, конечно, изрядных средств.

Си-цзун осчастливил Шу... — То есть императорский двор, попросту говоря, бежал в Сычуань, спасаясь от восставших под предводительством Хуан Чао (黃巢 ум. 884), когда они захватили столицу империи, Чанъань (ниже названную западной столицей).

Сошлись феникс с луанем — здесь: образно о счастливом воссоединении влюбленных. Феникс — мифическая, как правило, пятицветная птица невозможной красоты, с большим пышным хвостом, главная среди всех птиц, гнездящаяся исключительно на утуне (род платана), предвестник счастья и благополучия. Луань — еще более мифическая птица, поскольку регулярные ее описания отсутствуют; сколько нам известно, было поверье, будто бы стареющий феникс превращается в луаня. В лю-

бом случае, определенно известно, что феникс и луань — суть неразлучная пара.

Чжан Цзюнь (張濬 ?—904) — танский сановник и литератор. Человек обширных знаний и широкого круга знакомств. Сдать экзамены с первой попытки Чжану не удалось, и тогда он поселился уединенно, посвящая учению все время. Это принесло плоды: в 881 г. Чжан Цзюнь уже был ланчжуном в Военном департаменте и вошел в состав цензората. В 891 г. последовала отставка и высылка в провинцию — Чжан служил начальником области до 895 г., когда его возвратили ко двору и назначили главой Военного департамента. Сведениями о том, что Чжан Цзюнь был первым министром, мы не располагаем. Он был убит по приказанию Чжу Цюаньчжуна (朱全忠, 852—912) в собственном доме. До наших дней дошло всего два стихотворения Чжан Цзюня.

Сюжет о красном листе, который послала плыть по воде тоскующая в дворцовых покоях красавица, и связанной с ним любовной истории неоднократно встречается в старых китайских текстах. Впервые в истории китайской литературы история о красном листе возникает в десятой цзюани сборника «Юнь си ю и» (雲溪友議 «Дружеские суждения из Юньси»; в наши дни известен список этого сборника объемом в три цзюани) танского Фань Шу (范攄 IX в.). Однако же новелла из сборника Лю Фу не в пример объемнее, красочнее и художественнее и, по утверждению современного китайского исследователя Чэн И-чжуна 程毅中, именно она стала тем самым классическим образцом, на который ориентировались литераторы последующих эпох, создававшие собственные сочинения (новеллы, пьесы, рассказы) на данный сюжет (Чэн И-чжун. Сун Юань сяошо яньцзю. С. 76).

Записки о наставнике Люе Отшельник Хуэй шлифует зеркало и пишет стихи

Ланчжун Цзя Ши-жун 賈師容 в годы под девизом правления Чжи-пин был назначен на должность тунпаня в Шаочжоу. Некогда к нему попало древнее металлическое зеркало, очень большое по размеру, по всему судя — вещь необычайная. Очень дорожил им Цзя и давно уже хотел отшлифовать, да все не мог найти шлифовальщика.

— Тут поблизости живет ученый-отшельник [по фамилии] Хуэй, так он сам говорил, что искусен в шлифовке! — доложили приближенные.

Цзя приказал привести его.

Отшельник явился. Уселся вольно, вид у него был весьма напыщенный. Цзя весьма удивился, но потом решил, что это человек особенный, и вынул зеркало, чтобы показать Хуэю.

— И такое зеркало можно отшлифовать! — сказал тот.

Тогда Цзя приказал приближенным принести серебряный кувшин с молодым вином — в дар отшельнику. Хуэй, усевшись на ступеньках, осушил кувшин единым духом. Затем достал из бамбукового короба пилюлю и положил на зеркало.

— Снадобья мало, надо сходить домой, еще принести! — сказал он и ушел.

Долго не возвращался. Цзя послал выяснить, где тот живет. Оказалось — в квартале Тайпин.

На воротах нашли стихотворение:

Зеленая змея с руки средь бела дня слетела.
В пещере персики бессмертных пророчат вечную весну.
Так знайте: из-за предела дымки радужной я гость
И вовсе не шлифую в брэнном мире зеркала!

Цзя, увидав стихи, ахнул в изумлении. А пилюля, лежавшая на зеркале, — исчезла, лишь оттуда, где она лежала, исходило сияние: словно ледяной нефрит пробил весенний ледок! Все прочее было как прежде.

Цзя хранил это зеркало бережно, как драгоценность, и очень сожалел, что ему не удалось еще раз повидать отшельника.

Фамилия наставнику была Хуэй — это для того, чтобы скрыть следы, дабы люди не узнали. В иероглифе же «хуэй» — два «рта», а два «рта» значат — «люй».

Примеч. Годы... Чжи-пин — 1063—1067.

В иероглифе же «хуэй» — два «рта», а два «рта» значат — «люй». — Иными словами, ланчжун Цзя Ши-чжун имел дело не с кем-нибудь, а с одним из легендарных «восьми бессмертных» (八仙 *ба сянь*) Люй Дун-бинем 吕洞宾. Его фамилия действительно состоит из двух иероглифов «рот» 口, один над другим: 呂. А замаскировался бессмертный фамилией Хуэй, также состоящей из двух «ртов», только один в другом: 回. Про Люй Дун-биня известно, что родился он во время правления танского императора Дэ-цзуна, в 797 г., и его рождение сопровождалось благовещиными знамениями (комната наполнилась удивительным ароматом, небо покрылось пурпурными облаками, с небес спустился на журавле бессмертный). Свидетельствуют, что в юные годы Люй Дун-бинь превосходил умом

сверстников, умел в день прочитать и выучить до десяти тысяч слов. По-взрослев, Люй Дун-бинь женился на девице Цзинь, которая родила ему четверых сыновей. Известно также, что в годы правления под девизом Хуэйчан (841—846) он дважды ездил в столицу сдавать экзамены, но оба раза — безуспешно (а согласно другой легенде, попытки сдать экзамены заняли у Люя двадцать лет). После второй неудачи он познакомился в кабачке с бессмертным, который велел ему прилечь на волшебное изголовье, и тогда Люй Дун-бинь увидел удивительный сон, навсегда отвративший его от мирской карьеры и того, что китайцы называют «погоней за выгодой и славой». Став учеником другого бессмертного, Чжунли Цюаня 種離權, Люй Дун-бинь познал искусство бессмертных. Несколько лет, самосовершенствуясь, он прожил в пещере; тогда и сменил имя на Янь (岩 «Обрывистый»), а второе имя — на Дун-бинь («Пещерный гость»; имеются в виду так называемые «пещерные небеса» 洞天 дун тянь, одна из земных обителей бессмертных). Согласно легендам, став бессмертным, Люй Дун-бинь полвека странствовал по Китаю, сокрушая волшебным мечом разную нечисть. В 1111 г. был канонизирован. Храмы в его честь строились в Китае повсеместно.

Продолжение Святой старец Люй пишет «Весну в Циньских садах»

Цзуй Чжун 崔中, намереваясь сдавать экзамены на цзиньши, в поисках знаний по весне отправился на восток — вниз по Бяньшую и вскоре достиг Хубэя. Путешествуя по Юэяну, он решил нанести визит своему земляку, ланчжуну Ли (а в то время Ли управлял этой областью).

Едва приехав и еще не успев посетить начальника области [Ли], Чжун остановился на ночь на постоялом дворе и тут услышал, как приехавший до него путник напевает в винной лавке «Весну в Циньских садах». Там сидел еще человек в заплатанных туфлях — он очень долго слушал, а потом обернулся к Чжуну и спросил:

— Что это за мелодия? Звуки ее столь чисты и прекрасны!

— Это новая столичная мелодия, — отвечал Чжун.

— Сам я грамоте не знаю, не могли бы вы за меня записать слова, которые я сочиню на этот мотив?

Чжун изумился — ведь глаза и брови незнакомца были столь изящны и прекрасны! — но достал бумагу и кисть, приготовившись писать. А человек, совсем немного подумав, тут же

напел мелодию, одновременно легко подбирая слова, будто они давно уже были готовы. Вдумавшись в смысл, Чжун нашел его глубоким и совершенным и в восхищении пригласил незнакомца выпить с ним вина.

— Что-то я устал сегодня, не хочу пить! — ответил тот и стал прощаться. — Мы с вами живем рядом, завтра увидимся.

Но Чжун ухватил его за одежду:

— А не скажет ли отшельник мне свою фамилию? Про имя-то я и спрашивать не осмеливаюсь!

— Я родился в устье реки, вырос у горного пролома, теперь я — гость из охраняемого ущелья, а имени и фамилии не знаю! — ответил незнакомец и добавил: — Пойду спать. А как солнце встанет, тогда и поговорим.

Ушел и затворил дверь.

Ближе к вечеру [Чжун] встретился с начальником округа Ли и рассказал про этот случай, показав стихи.

— Это великий муж, удалившийся от мира! — сказал начальник и послал за ним человека.

Посыльный постучал в дверь и объявил волю начальника округа.

— Вы подождите, а я сейчас. Вот оденусь и выйду! — слышался ответ.

Долго никто не появлялся, а голос шел как будто издали. Посыльный снова окликнул, и услышал еще более тихий, далекий ответ. Вновь крикнул — уже вообще ничего не было слышно! Тут посыльный толкнул дверь, вошел, но никого не увидел — лишь на стене какая-то надпись. Посыльный скопировал иероглифы и принес начальнику области. Оказалось — стихотворение:

Хоть в утробе уж плод и созрел давно,
Но в торговых рядах, теща сердце, я жил.
Голодранец-книжник мне уста разомкнул,
В сердце белых туч я сокроюсь теперь.

Ли и Чжун сожалели, что бессмертный порвал связи с суетным миром, и это помешало им встретиться с ним.

— Я спросил его имя и фамилию, и он ответил, что родился в устье реки, а вырос у горного пролома, теперь же — гость из охраняемого ущелья, — рассказывал Чжун. — Что бы это значило?

Ли погрузился в раздумья и вскоре сказал:

— Я понял! «Родился в устье реки 河口, вырос у горного пролома 山口» — здесь два «рта» 口, значит, иероглиф «люй» 呂. А «охраняемое ущелье 守谷» — это «дун» 洞, «пещера». «Гость» 客 же означает «бинь» 賓. Теперь ясны имя и фамилия святого!

Ли с Чжуном снова вздохнули в досаде. А сочиненное святым старцем стихотворение — его нынче передают под названием «Весна в Циньских садах».

Примеч. Хоть в утробе уж плод и созрел давно — речь идет о конечной цели так называемой «внутренней даосской алхимии»: к созданию эликсира бессмертия в самом теле адепта из его соков, секретов и энергий с последующим преобразованием полученного «бессмертного зародыша» в новое, бессмертное, наделенное чудесными свойствами тело.

Цаньчжэн Оуян **Путешествуя по Суншани,** **видит Пещеру святой чистоты**

Оуян Юн-шу успешно выдержал экзамены и был назначен *туйгуанем* в управу *люшоу* Сило. А в то время Мэй Шэн-юй служил в Лояне уездным секретарем — они встретились и завязали дружбу.

Однажды они вместе отправились на Суншань, и Юн-шу всякий раз, едва приметив красивый вид, принимался декламировать стихи. Ближе к вечеру [он] увидел вдалеке, на обрывистой круче западной вершины, алеющие киноварью четыре знака — «Пещера святой чистоты». Указав на знаки рукой, Юн-шу спросил Шэн-юя:

— А видите вон ту надпись?

Проследив взглядом за рукою Юн-шу, Шэн-юй всмотрелся, но ничего не смог разглядеть, а Юн-шу ничего ему не стал объяснять.

Когда же [Юн-шу], что называется, подал доклад о старости и, как говорится, в покое возлег высоко у Иншуя, он, вспоминая о тех иероглифах, сложил такие строки:

Четыре знака киновари красной на высоте во много *жэней*.
В пещере чистоты святой сокрылись башни и террасы.

Густой туман росистый застит взор — людей здесь нет,
Лишь обезьяны с журавлями явления ждут моего.

Продекламировал стихи — и через несколько дней опочил.

Коли судить по талантливой учености, то господин [Юн-шу] определенно был человек из числа святых-бессмертных, но за всю жизнь он и словом об их делах не обмолвился — неужели же и сам не знал? Верно, потому, что господин был патриарх последователей учения Кун-цзы, и таков же наш путь.

Примеч. *Цаньчжэнь* Оуян — то есть сунский чиновник, политик, историк, литератор и поэт, один из «тан сун ба да цзя» — «восемью великих литераторов эпох Тан и Сун» Оуян Сю (歐陽修 1007—1072, второе имя Юн-шу 永叔). Рано осиротел, семья бедствовала, однако Оуян Сю, с самых юных лет отличавшийся большими способностями и тягой к знаниям, под руководством матери, женщины умной и образованной, выучился грамоте, вывода иероглифы палочкой на песке (в доме не было достаточно средств, чтобы в нужном количестве купить бумагу, тушь и кисти). Благодаря этому в 1030 г. Оуян Сю успешно выдержал высшие государственные экзамены и стал служить. Первой его должностью стала должность *туй-гуаня* (помощника начальника) в аппарате управления наместника западной сунской столицы г. Лояна (здесь названного Сило). Появившись в 1034 г. при дворе, Оуян Сю тут же с увлечением включился в политическую жизнь, в результате чего вскоре оказался в ссылке в Илине (в совр. пров. Хубэй). Проведя несколько лет вне столицы и на собственном опыте узнав, чем живет страна, вернувшись в 1043 г. ко двору, Оуян Сю развил энергичную деятельность. Убежденный в том, что может и должен помогать осуществлять разумное правление, он деятельно помогал реформаторам, в связи с чем по сфабрикованному обвинению вновь был выслан, на сей раз в Чучжоу (пров. Аньхой), где взял литературный псевдоним Цзуй-вэн (醉翁 «Пьяный старец»). Карьера Оуян Сю и дальше изобиловала взлетами и падениями: он был членом придворной академии Ханьлиньюань, составлял танскую династийную историю, ездил с посольством к киданям, был главным экзаменатором, а также управлял областями в провинциях. На пост *цаньчжи чжэньши* (помощник первого министра, здесь данный в сокращении — *цаньчжэнь*) Оуян Сю был назначен в 1061 г.

Мэй Шэн-юй — то есть сунский поэт и чиновник Мэй Яо-чэнь (梅堯臣 1002—1060), второе имя которого было Шэн-юй 聖俞. Довольно рано прославился своими стихами, но экзамены, несмотря на несколько попыток, сдать не сумел и попал на службу благодаря заслугам дяди — собственно, это и была должность уездного секретаря в Лояне, о которой идет речь в данном фрагменте. В Лояне Мэй Яо-чэнь познакомился и подружился с Оуян Сю, а также с некоторыми другими известными поэтами и литера-

торами. Однако же высоко подняться по службе Мэй Яо-чэню было не суждено: он служил на мелких провинциальных должностях и лишь в 1051 г. был удостоен звания цзиньши, а в 1056 г., благодаря протекции Оуян Сю, получил назначение лектором в столичное училище.

Суншань — одна из пяти священных гор Китая, расположена в северной части уезда Дэньфэнсянь в пров. Хэнань, неподалеку от Лояна. В течение долгих столетий — место паломничества для буддистов и приверженцев даосизма, для многих поколений поэтов и литераторов. С Суншани открываются потрясающие виды на Хуанхэ, на ее склонах — множество исторических памятников и храмов. Среди прочих достопримечательностей этой горы — знаменитый монастырь Шаолиньсы, основанный здесь в 495 г.; именно здесь в свое время проповедовал Бодхидхарма.

Алеющие киноварью четыре знака. — Дабы разрешить сомнения внимательного читателя, замечу, что в оригинале употреблено именно четыре иероглифа: 神清之洞 *шэнь цин чжи дун* — «Пещера святой чистоты».

Возлег высоко у Иншуйя... — Как известно, выйдя в отставку («подав доклад о старости»), Оуян Сю поселился («в покое возлег высоко») в загадая построенной усадьбе на берегу реки Жухэ в Инчжоу (совр. пров. Аньхой); здесь, видимо, — иносказательно о Жухэ.

Жэнь — мера длины, около двух с половиной метров.

Дополнения о Хэ Сянь-гу Возмездие жене Ли Чжэн-чэня, убившей служанку

Начальник области Даочжоу Чжоу Лянь-фу 周廉夫 возвращался в свою резиденцию и проезжал через Линлин. Видит — в покоях Хэ Сянь-гу гость. Вида весьма сурового, по сторонам смотрит высокомерно, [Чжоу] даже не поклонился! Лянь-фу выказал недовольство, и тот человек ушел.

— Да кто он такой, что так пренебрежительно себя ведет?! — спросил Чжоу.

— Это же святой старец Люй! — отвечала Сянь-гу.

Чжоу поспешно послал человека догнать [Люя], но тот уже исчез.

— Святой старец собирался [в одно место], так что он уже там, — сказала Сянь-гу. — И секунды не пройдет, а он уже за тысячу ли!

— А куда сегодня направился святой старец? — поинтересовался Лянь-фу. Сянь-гу огляделась и увидела старца в Наньяне. Лянь-фу только и оставалось, что досадовать.

[И еще:]

Ли Чжэн-чэнь 李正臣 из Таньчжоу много путешествовал по рекам и озерам с торговыми целями. Жена его заболела — в животе будто огромный ком появился. Временами [тот ком] шевелился в животе — боль была нестерпимая! Никакие снадобья облегчения не приносили.

Тогда Чжэн-чэнь пошел к Сянь-гу, и та объяснила:

— Ваша жена когда-то погубила беременную служанку. Нынешняя боль в животе — возмездие за ту обиду.

Чжэн-чэнь попросил ее излечить болезнь.

— Все происходит по воле небесной! — отвечала Сянь-гу. — Сегодня настало время возмездия. От этого нельзя спастись.

Ком в животе жены Ли становился все больше и больше, боль все сильнее, мученья — нестерпимее. Живот лопнул, и женщина умерла.

Чжэн-чэнь посмотрел в живот — глядь, а там мертвая девочка! И на теле все еще видны болезненные следы от ударов плетью.

Удивительно!

Примеч. Хэ Сянь-гу 何仙姑 — еще одна из так называемых «восьми бессмертных». Согласно легендам, она родилась при династии Тан, в возрасте пятнадцати лет увидела во сне божество, посоветовавшее ей, дабы обрести долголетие, есть слюду, которой изобиловали близлежащие горы. По другой версии, некий небожитель вручил ей персик бессмертия, который девочка и съела. Сунский Цзэн Минь-син (曾敏行 1118—1175) в своем сборнике бицзи «Ду син цза чжи» (獨醒雜誌 «Разные записи Ду-сина») пишет: «Хэ Сянь-гу — дочь простолюдина из области Юнчжоу. [Однажды, когда] она пасла скот в поле, ей повстречался человек, который дал ей финик. После этого [Сянь-гу] перестала принимать мирскую пищу и обрела способность предвидения. Она затворилась в тереме, и оказывавшиеся в тех местах ученые мужи выказывали ей свое крайнее почтение» (Цзэн Минь-син. Ду син цза чжи. С. 36). Так или иначе Хэ Сянь-гу стала вести уединенный образ жизни и на все попытки родителей выдать ее замуж отвечала решительным отказом. Потом, повстречав бессмертных Ли Тэ-гуая 李鐵拐 и Лань Цай-хэ 藍采和, она узнала от них секреты бессмертных. Вера в ее

сверхъестественные способности — главным образом, предсказание будущего — широко распространилась в танское и сунское время; в честь ее стали сооружать храмы. В сунское же время возникло поверье, согласно которому Хэ Сянь-гу родилась при Сун (а не при Тан) и была родом из области Юнчжоу (располагалась на территории совр. пров. Хунань) и в частности из Линлина.

Святой старец Люй — то есть Люй Дун-бинь.

Наньянь — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Таньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань.

Записки о Великой матушке Из-за съеденного драконьего мяса образовалось озеро Чаоху

Исследуя географию, [я обнаружил,] что нынешнее озеро Чаоху в древности называлось Чаочжоу. Позднее его переименовали в Чаои. Однажды воды реки разлились без удержу, еще немного — и затопили бы город. Когда же вода снова вошла в русло, в городском рве обнаружили огромную рыбу: длиною в несколько десятков чжанов, с кроваво-красными плавниками и золотой чешуей, глаза мечут молнии, вздымается багряный хвост! Рыба лежала не мелководье, и вся округа до одного человека сбегалась на нее посмотреть. Три дня спустя рыба уснула. Тогда люди порезали ее мясо на ломти, и, вернувшись домой, стали продавать это мясо на рынке. И все то мясо ели.

А один рыбак — он жил вместе с матерью — несколько цзиней мяса преподнес ей, да только мать есть не стала, а подвесила мясо на ворота.

Однажды появился старец, — как говорится, иней на висках, словно снег борода, — он шел и бормотал что-то странное.

— Все люди ели мясо. Почему же ты одна не ела? Почему подвесила на ворота? — спросил старец мать.

— Я слышала, что те рыбы, что весят несколько сотен цзиней, — существа необычайные, — отвечала та. — А эта рыба весила десять тысяч цзиней, вот я и боюсь, не дракон ли это был? Потому и есть не посмела!

— А ведь это мясо моего сына! — промолвил старец. — К несчастью, случилось великое горе! Стал он усладою для людских ртов и желудков! Страдал и мучился! Я поклялся не давать пощады тем, кто ел мясо моего сына. Ты одна не ела, и я щедро тебя отблагодарю. Я знаю, что ты всегда по мере своих сил помогаешь людям в нужде и голоде, поэтому как только у каменной черепахи, что у ворот восточного храма, покраснеют глаза, знай: скоро этот город скроется под водой. Когда ты увидишь это, убегай, не оставайся здесь! — сказал старец и ушел.

День за днем ходила мать смотреть [на черепаху]. Один юнец удивился [этому], стал расспрашивать, и женщина ему рассказала правду. Юнец решил подурачиться: покрасил глаза черепахе красным цветом. А мать увидела это и спешно покинула город.

Вдруг появился маленький мальчик в синем и говорит:

— Я — младший сын дракона! — И повел мать в горы.

Она оглянулась, а весь город уже скрылся в гигантских бурлящих волнах, и среди волн показались рыбы и драконы!

Дамумяо — Кумирня Великой матушки — и поныне сохранилась на берегу. И до наших дней все еще не смеют рыбаки ловить рыбу в озерных водах, не смеют играть здесь на флейтах и барабанах. Когда погода стоит ясная и солнечная, то можно услышать доносящиеся из-под воды звуки песен и голоса людей. А осенью, когда высокая вода спадает и озеро делается прозрачным, можно разглядеть на дне дома и улицы.

Все те, кто живет там, носят фамилию рода Лун («Дракон»), а прочим жить там нельзя. Вот удивительно!

Примеч. Ч а о х у — озеро в пров. Аньхой, на месте которого был уездный город Чаосянь области Лучжоу (первое известное поселение на этом месте называлось Наньчао, до Тан называлось Чаочжоу, а с 620 г. — Чаосянь). Город затопило и на его месте образовалось озеро. В этой же области расположены горы Дасяошань и Сяошань, куда, видимо, и отправились мать с сыном дракона, а что до вод, которые «разлились без удержу», то это могли быть воды реки Лошуй, берущей начало в горах Дасяошань: протекая на юго-восток, она впадает в Хуайхэ.

Продолжение записок Разбойники и злодеи не смеют пересекать Чаоху

В годы под девизом правления Чжи-пин некий Ван Цянь 王潛, нанявши лодку, переправлялся через озеро. Цянь, полупьяный, стал в удовольствии играть на маленькой флейте. Над озером дул легкий ветерок, и мелодия разносилась на несколько ли окрест. Все прочие лодки уже пристали к берегу, и лишь лодка Вана беспорядочно носилась по волнам. Цянь испугался, бросил флейту и вместе с лодочником, обратившись лицом к храму, принялся класть поклоны и творить молитвы, вымаливая прощение своему проступку. И с других лодок тоже стали молиться за Цяня. Только тогда удалось ему достичь берега.

Но не прошло и месяца, как у Цяня умерла жена, а самого его за провинность сослали в далекие края.

Пословица гласит: «Три шэна риса через озеро переплывут, но пересечь его пять ши зерна не в силах!» Пословица указывает на то, что прелестные девы и благородные мужи, верные государю, долгу, своему слову и гуманности, могут заслужить покровительство духов чистотою душевных качеств и в один день переправиться через озеро. Если же путник — обманщик, или в душе своей непочтителен к духам, то ему никогда не будет сопутствовать ветер, и лодка его несколько дней пристать не сможет. В этом смысл «пяти ши зерна».

Древние говорили: «Если ты разбойник стал — не селись на Чаоху!» Ведь разбойникам и злодеям ой как непросто пересечь границу, установленную духами. Так и в наши дни: будь то хоть мышь, хоть собака — но даже и тайком, по-воровски, не смеют они появляться у этого озера.

Сяньчи За убийство дракона Цао Эня постигает небесная кара

В описании области Чэньчжоу сказано: «В двух тысячах ли от областного города есть озеро Сяньчи. Некогда в старину там в одной семье убили сына дракона. И вот вечером поднялся ветер,

загремел гром, и всю эту семью затопило». А вот что говорят в народе: «Цао Энь 曹恩 из Чэньчжоу однажды ловил рыбу и поймал одну — три-четыре чи длиной. Решил сварить. Положил в котел, а котел тут же звонко лопнул, и все вывалилось на землю. Снова положил в другой котел, но и тот взорвался. Не усмотрев в этом ничего необычного, Энь тогда приготовил из рыбы фарш, сварил и съел. Вдруг явились странные облака — черные, словно густая тушь, они окутали вершины гор, тут же загрохотал гром. Вслед за этим пылающий огонь обрушился на дом Эня. Энь стремглав пустился бежать, а дом его затопило. Соседи видели чиновника, схватившего Эня и поволокшего его назад. А другой чиновник огласил указ: "Цао Энь по своей сущности оказался лютым волком, и сердце у него как у кровожадного тигра. Он не удивился тому, что испортились котлы, он уподобил душу святого душе человеческой и спокойно пустил в дело бесчеловечный и кровожадный нож! Никак нельзя его простить!" С этими словами чиновники поволокли Эня в озеро Сяньчи, и все соседи это видели».

Озеро Сяньчи не превышает одного му, но пучина его черна, и неослабевающие ключи бьют в глубине. Бывало, рыбаки спускали шелковую леску длиною в тысячу чжанов, но дна достать так и не могли. И до наших дней, когда стоит ясная погода, по-прежнему в озере слышится людской говор, кричат петухи и лают собаки. А в засушливые годы народ приносит у озера в жертву быка и вскоре после этого случается большая гроза. В народе ее называют: «Дождь, омывающий озеро».

Примеч. Чэньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хунань.

Суждения о живописи Об изображении камней, бамбука, деревьев, цветов и трав

В изображении гор и вод всего драгоценней — древние влажные камни, вода светлая и чистая, ключи, с высоты между скал струящиеся вниз, реки горные вблизи и далеко, извивы тропок горных, мимолетные облака в туманной дымке, когда на ты-

сячу ли окрест реки и горы как перед глазами стоят — вот мастерство!

В изображении сосен и бамбука всего драгоценней — прекрасный туманный закат, в холодном воздухе иней и снег, побеги бамбука, сухие лианы, прямых лес стволов, к небесам устремленных, изгибы причудливые драконам подобных ветвей, под тяжестью согнутых снега, будто хранящих ветры и дожди — вот мастерство!

В изображении драконов всего драгоценней — глаза, горящие силою грозной, красная грива в брызгах воды, чешуйчатый панцирь, таящий туманы, стремительно острые зубы и когти, в зрачках полета стремленье: вырвется лишь дракон из воды и тут же кипучая буря — вот мастерство!

В изображении теремов и палат всего драгоценней — из множества бревен строения высокие, бесчисленность крыш, блистающая черепицы чешуя, перила, дом взявшие в обхват, такие строения, что искуснейший мастер, не смея прикоснуться, лишь смотрит издали — вот мастерство!

В изображении трав и цветов всего драгоценней — природная прелесть небесных творений, как если четыре все времени года вдруг обратились в одну лишь весну — у флигеля в полной тиши, которую и Дух весенний не смог бы воссоздать — вот мастерство!

Лишь бес — вид его всеразличен, неясен, никто его не видел, и потому нарисовать его легко; а птицы и цветы да и деревья — весь век перед глазами, пойдика правильно суть ухвати!

Вот почему слоев все высших люди, и старые и новые мастера кисти, так были хороши, а я — в общих чертах да кратко — всего-то изложил тут суть.

Ди Фан

Владыка Ли посылает беса забрать знаменитую картину

Ди Фан 狄方 был из Сило. Очень ревностно он коллекционировал древности. У Фана была одна картина, с изображением быка, неизвестно какого века: пастушок, бык, сбоку травяной шалаш — ну совершенно ничего необычайного.

Как-то Фан повесил картину на стену, ночью же со свечой в руке проходил мимо, осветил — глядь: а мальчик уже спит в шалаше!

Фан испугался.

Днем осмотрел картину: мальчик вновь стоит рядом с быком. Поглядел ночью: опять спит в шалаше!

После этого-то Фан стал дорожить картиной. Коли мимо его дома проезжали знатоки живописи, он встречал их и показывал картину:

— В ней живет дух. Он не имеет себе равных.

В один прекрасный день к Фану постучался гость.

— Знаю, что у вас есть диковинная картина. Нельзя ли взглянуть? — попросил незнакомец.

Фан показал.

— Хочу предложить вам за нее сто золотых, — сказал гость.

— Да хоть десять тысяч давайте — не продам! Это чудесное сокровище моего дома, — отказался Фан.

— Она из кладовых цзяннаньского владыки Ли. Когда государство пало, картина исчезла неведомо куда, и владыка послал меня на поиски. Вот уже несколько лет провел я в разысканиях, — сказал тогда гость, — и пусть сейчас вы не соглашаетесь, впоследствии эту картину непременно потеряете!

Из-за этого случая Фан запер картину в ларец, и всех посещавших его провожал по дому лично, никому не позволяя взглянуть на картину — даже родственникам и друзьям.

Однажды Цянь Чунь 錢淳, приятель Фана, с которым они не виделись уже несколько лет, внезапно явился к Фану с визитом. Они долго сидели, а потом Цянь обратился к Фану с вопросом:

— Знаю, к вам попала исключительная картина, а я-то очень хорошо разбираюсь в живописи!

Фан тогда достал картину и показал Чуню. Тот осмотрел — и сунул за пазуху. Бросил на землю десяток золотых монет.

— Беру картину для владыки Ли, а золото — в уплату за нее!

Вышел за ворота и исчез.

Очень испугавшись, Фан долгое время лежал больной, пока ему не стало лучше.

Позже Фану рассказали, что Чунь давно уже умер.

Примеч. Владыка Ли — Ли Сы-юань (李嗣源 867—933), второй позднетанский император (на троне 926—933), храмовое имя Мин-цзун. Приемный сын Ли Кэ-юна (李克用 856—908), который и дал ему имя Сы-юань. После того, как во время солдатского мятежа в Лояне погиб основатель позднетанской династии, воцарился на троне. Многие сделал для укрепления Поздней Тан, однако, будучи простого происхождения, испытывал к знатым родам «классовую ненависть» и с легкостью казнил высокопоставленных чиновников (так, в 927 г. Мин-цзун повелел отрубить голову первому министру, то же случилось и в 931 г.), что привело к составлению придворного заговора и последующей гибели Мин-цзуна. Был известен своей страстью ко всяким диковинкам и вообще к роскоши.

Танский Мин-хуан На охоте становится винным командиром у чиновников

В то время, когда танский Мин-хуан жил в восточных дворцах, однажды он выехал на охоту и погнался за зайцем. Лошадь понесла [императора] в чьи-то сады и свита не могла догнать [Мин-хуана].

Мин-хуан увидел неподалеку пещеру с галереей — из пещеры доносились голоса и смех. Он спешил, привязал лошадь к старой акации и отправился дальше пешком. Смотрит — в пещере пять или шесть человек примерно одного возраста, в шапках и платье, пьют вино. Они не знали, что подошедший — сам Мин-хуан, но поднялись и поприветствовали его.

Император уселся на хозяйское место. Собравшиеся обиделись, что он занял главное место, и перестали смеяться и шутить. Потом один встал и сказал:

— Я, неотесанная деревенщина, хотел бы произнести, что называется, застольный приказ. Кто выполнит, тот и пьет!

— А что за приказ? — спросил император.

— Тот, чьи предки занимали самые высокие посты, пьет первым!

Император тогда собрался выпить и потребовал себе вина. Тот человек возразил:

— Сначала назовите титулы предков!

— Сначала выпью, а потом уж назову! — ответил император. Он осушил огромный кубок и продолжил: — Прадед мой был Сын Неба, дед был Сын Неба, отец был Сын Неба, а нынче я — тоже Сын Неба!

Вышел и сел на лошадь. Собравшиеся последовали за ним — и увидели драгоценную сбрую, расшитый парой драконов чепрак. Лошадь помчалась как полетела.

Все очень испугались.

Примеч. Танский Мин-хуан... — Речь идет о знаменитом страстной любовью к своей наложнице Ян гуйфэй 楊貴妃 танском императоре Сюань-цзуне (玄宗, 明皇 685—762, на троне 712—756), царствование которого стало периодом наивысшего подъема страны — небывалого расцвета столиц и городской жизни, а также императорского двора, отличавшегося в это время особой роскошью, а равно временем удивительных успехов литературы и искусства. Будучи поклонником даосизма, Сюань-цзун учредил даосскую академию, почетные титулы для даосов, а также экзамены на знание «Дао-Дэ цзина». Одновременно Сюань-цзун провел и ряд важных государственных реформ — например, восстановил государственную монополию на соль, отдав тем самым в руки казны доходы от этой важнейшей отрасли; добился стабилизации цен на зерно и усилил надзор за транспортировкой налогов, для чего ввел институт особых цензоров, напрямую подчинившихся императору; провел перестройку армии, поставив на границах профессиональные войска, а также учредил пограничные генерал-губернаторства, во главе которых стояли *цзедуши*. Последнее обстоятельство обратилось против Сюань-цзуна: один из таких цзедуши, Ань Лу-шань в 755 г. поднял восстание и во главе подчиненного ему 160-тысячного войска легко овладел столицей (г. Чанъань, ныне Сиань); Сюань-цзун был вынужден бежать в Сычуань, а с восстанием окончательно совладал лишь следующий танский император, Су-цзун (на троне 756—762). В «Высоких суждениях...» Сюань-цзуну и его наложнице посвящен целый ряд произведений, сосредоточенных в шестой цзюани первой части.

Когда жил... в восточных дворцах — т. е. был наследником престола, поскольку дворец наследника находился в восточной части императорского города.

Ван Цзин-гун Ученые при Цзин-гуне рассуждают об изящном слове

Ван Цзин-гун, второе имя Цзе-фу, подав в отставку, поселился в Цзиньлине. Однажды он, повязав головную повязку, взял

посох, обул сандалии и в одиночестве отправился в прогулку по горным буддийским храмам.

В одном увидел несколько человек, жарко спорящих о литературе и истории. Их речи были искусны и прекрасны. Господин сел промеж них, но никто не обращал на него внимания.

— Тоже понимаешь толк в книгах? — наконец спросил один.

Господин лишь почтительно кивнул.

Снова спросили: как зовут?

— Фамилия Ань-ши — Ван! — сложивши руки в приветствии, отвечал господин.

Собравшиеся испугались и, склонив от стыда головы, поспешно разошлись.

Примеч. Цзиньлин — старое название совр. г. Нанкин.

Ван Цзинь-гун — то есть сунский политик, министр, литератор, поэт, один из так называемых «тан сун ба да цзя» — «восемь великих литераторов эпох Тан и Сун» Ван Ань-ши (王安石 1021—1086), которому двор за заслуги даровал почетный титул Цзинго-гуна 荆國公, здесь указанный в сокращении. Уже в возрасте двадцати двух лет (в 1042 г.) выдержал столичный экзамен на право занятия вакантной чиновничьей должности, получил степень цзиньши и начал карьеру. В первую очередь известен проведенными им реформами, которые вкратце таковы: усиление ирригационных работ в стране; предоставление крестьянам льготных ссуд под будущий урожай; освобождение от трудовых повинностей путем внесения за это особого налога; полная ревизия земельных наделов в целях равномерного сбора налогов; организация торговли под государственным наблюдением; государственное регулирование цен и денежного обращения; учреждение сил местной самообороны (*баоцзя*); установление для всех, охваченных баоцзя, конной повинности; установление постоянных должностей командующих местными войсками; создание военных arsenалов. В области изящного слова Ван Ань-ши оставил весьма заметный след: широко известны его прозаические произведения — эссе, рассуждения, письма, путевые заметки; Ван Ань-ши достиг высот и в поэзии — его стихи в разных жанрах оказали заметное влияние как на сунских поэтов, так и на развитие китайского стихосложения в целом. В 1080 г. вышел в отставку и поселился в Цзиньлине.

Ли Тай-бо

Сидя на осле, въезжает в уезд Хуайинь

У танского Ли Бо второе имя было Тай-бо. Покинув Сад кистей, он уехал далеко к горе Хуашань.

Когда Ли Бо проезжал через уезд Хуаиньсянь, начальник уезда как раз открыл присутствие и начал разбирать тяжбы и дела. Ли Бо, будучи пьян, въехал в уездный город верхом на осле, а начальник, не зная, кто это, разгневался и приказал солдатам привести охальника пред его очи. Но, войдя в зал, Ли Бо не сказал ни слова.

— Кто ты такой и как смеешь быть непочтительным?! — вскричал начальник.

— Позвольте дать письменные показания! — попросил Ли Бо.

Ни имени, ни фамилии своих он не указал, а написал вот что: «Некогда был удостоен я того, что драконовым платком мне вытерли слюну, а рука Владыки размешивала мне суп! Ли-ши встряхивал мои носки, а гуйфэй подавала тушечницу. Мне пока еще дозволяется ездить на коне пред воротами Сына Неба! А в Хуаинь мне не разрешают ездить на осле!»

Прочитав это, начальник уезда очень перепугался и, исполненный раскаяния, вскочил с поклоном:

— Я не знал, что вы, член Ханьлинь, прибыли сюда! Потому и не встретил вас должным образом!

Хотел оставить Ли Бо у себя, но тот не пожелал, снова сел на осла и уехал прочь.

Примеч. Ли Бо (李白, Тай-бо 太白 701—762) — великий танский поэт, литературный псевдоним Цинлянь цзюйши 青蓮居士. С юных лет славился неутолимой тягой к знаниям, вспыльчивым характером и склонностью к военному делу. Часто и подолгу путешествовал по знаменитым местам и крупным городам Поднебесной, в результате чего свел знакомство со многими известными людьми своего времени, а также написал немало стихов. Наслышанный о поэте император Сюань-цзун призвал Ли Бо ко двору и удостоил места в придворной академии Ханьлиньюань (здесь иносказательно названной «С а д к и с т е й»), но вскоре Ли Бо был оклеветан и выслан из столицы за дерзкий язык и непреклонную прямоту суждений, после чего повел бродяжническую жизнь, ища удовольствий в прелести пейзажей и стремлении к постижению тайны бессмертия. Славился страстью к выпивке.

В своих «письменных показаниях» Ли Бо указывает на ряд обстоятельств своей жизни при дворе, где за великолепные стихи ему многое прощалось: так, император, желая скорее привести в чувство пьяного Ли Бо, якобы собственноручно помешивал отрезвляющий рыбный суп; могущественный евнух Гао Ли-ши (см. ниже) лично снимал с поэта обувь и вытря-

хивал его носки; а любимая наложница императора якобы держала его тушечницу.

История, описанная Лю Фу, в гораздо более подробной и красочной форме рассказана в одной из повестей сборника «Цзинь гу ци гуай» (今古奇怪 «Удивительные истории нашего времени и древности»); правда, там делается акцент на том, что Ли Бо устыдил жадного мздоимца, что был начальником уезда, чего нет у Лю Фу.

Хуашань — одна из пяти священных гор Китая, расположена в пров. Шэньси. Старое название — Западный пик. Название «Хуашань», то есть «Гора-Цветок», получила оттого, что считалось, будто издалека ее очертания напоминают бутон. Помимо собственно природных красот, на Хуашани много всяких достопримечательностей — храмов, беседок, курмирен.

Хуайиньсянь — уезд, располагался в нижнем течении реки Вэйхэ, в восточной части совр. пров. Шэньси. В южной части уезда находится гора Хуашань.

Лиши — то есть Гао Ли-ши (高力士 684—762), придворный евнух. Настоящая фамилия Фэн 馮. Попал во дворец в 698 г., где умом и сообразительностью пришелся по сердцу императрице У Цзэ-тянь (吳則天 624—705) и был ею приближен. Потом за провинность был изгнан из дворца; его взял в воспитанники евнух Гао Янь-фу 高延福, и тогда Ли-ши смелнил фамилию. Вскоре вернулся во дворец и попал в окружение будущего императора Сюань-цзуна. Пользовался его безграничным доверием. Когда Сюань-цзун вззошел на трон, получил множество весьма важных должностей и стал ближайшим советником Сына Неба. Император говорил даже, что, пока Гао Ли-ши рядом, он спит спокойно, а наследник престола называл Гао Ли-ши «вторым старшим братом», не говоря уже о прочих императорских родственниках (императорские зятья называли Гао Ли-ши отцом). Многие высшие государственные должности невозможно было занять без протекции Гао Ли-ши. В 742—756 г. Гао Ли-ши занимал должность главнокомандующего. Это был один из самых богатых и влиятельных людей своего времени.

Гуйфэй — имеется в виду любимая наложница императора Сюань-цзуна Ян гуйфэй (楊貴妃 719—756). Детское имя Юй-хуань 玉環. Славилась редкой красотой, а также умением петь и танцевать. Изначально была наложницей сына Сюань-цзуна, но потом отец отобрал девушку у своего отпрыска. Юй-хуань совершенно очаровала императора и уже в 745 г., когда ей исполнилось 27 лет, наложнице был пожалован высокий титул гуйфэй, ставший девушку почти вровень с императрицей, ее сестры также получили титулы и богатые дары, а Ян Го-чжун (楊國忠 ?—756), двоюродный брат Ян гуйфэй, стал первым министром.

Шиду Ли
За способность к выпивке
его прозывают Ли Фан-хуэй

Шиду Ли Чжун-жун был дюжий мужчина и большой любитель выпить. В обеих столицах его прозвали Ли Фан-хуэй.

Среди приближенных [императора] Чжэнь-цзуна не было равных ему по способности пить вино, и если [император] хотел достойного соперника, то посылал за Ли — часто они беседовали, совсем не помня о чем: под воздействием вина вопросы и ответы текли свободно.

Однажды вечером Чжэнь-цзун приказал принести огромный рог для вина и заставил Ли его осушить, желая проверить его способности. Уже сильно пьяный, Ли поднялся:

— Прошу и правителя-наследника принять большой кубок!

— А почему ты меня, Сына Неба, зовешь правителем-наследником? — спросил захмелевший Владыка.

— Ваш подданный читал, что у Цзян Цзи в «Вань цзи лунь» сказано: три владыки правили Поднебесной, а пять императоров наследовали Поднебесную друг за другом, — тут же отвечал Ли. — Поскольку вы объединяете в себе все их добродетели, я и назвал вас правителем-наследником!

Владыка очень обрадовался и пожаловал Ли еще несколько чаш вина.

— Верно говорят, что государь и подданный встречаются раз в тысячу лет! — сказал император.

— В моем сердце живет лишь верность государю и сыновняя почтительность! — тут же ответил Ли.

Мало что сравнится с этим случаем.

Примеч. Ли Чжун-жун (李仲容 XI в.) — сунский придворный, одно время служивший на посту *шиду сюэши* в придворной академии Хань-линьюань. Был известен исключительной способностью в больших количествах пить вино. Прозвище же его — Ли Фан-хуэй 李方回 — должно отсылать просвещенного читателя как минимум к двум персонажам китайской древности: жившему при легендарном древнем правителе Яо прославленному даосу Ли Фан-хуэю, который врачевал болезни с помощью пищи, куда добавлял измельченную слюду; а также к цзиньскому даосскому алхимику с таким же именем, добавлявшем в свою пищу киноварь.

Цзян Цзи (蔣濟 ?—249) — сановник времен Троецарствия. Известен в частности тем, что подал вэйскому императору Вэнь-ди (на троне 220—226) доклад «Вань цзи лунь» (萬機論 «Многообразные вопросы управления»).

Несгибаемая кисть Не меняет надпись на стеле из-за странного сновидения

Когда господин Вэнь-чжэн управлял Цинчжоу, некто попросил его составить эпитафию для стелы. Господин сочинил требуемое, отметив в эпитафии, что [тот] богач всеми средствами добивался продвижения, не забыв и о других его темных делах. Вскоре ночью богач явился к нему во сне и сказал:

— В вашей эпитафии подробно расписаны мои дела. Раньше о них никто ничего не знал, а теперь вы написали эпитафию, и все выплывет наружу. Я хочу, чтобы вы внесли изменения!

— Но если я скрою ваши дела, — отвечал Вэнь-чжэн, — то кто-то другой обретет дурное имя, и вам это хорошо известно! Я не угодничаю и ничего менять не стану.

— Ну, раз не хотите внести изменения, то непременно лишитесь своего старшего сына! — стал пугать Вэнь-чжэна богач.

Не прошло и года, как старший сын [Вэнь-чжэна] действительно заболел и умер. Во сне Вэнь-чжэну снова явился богач и спросил:

— Ну, так вы все еще не согласны переделать эпитафию? Если нет, то теперь потеряете и второго сына!

— Смерть и жизнь — это судьба! — отвечал Вэнь-чжэн.

Внезапно и последний его сын, Чунь-жэнь, тоже заболел. У богача же во сне был очень заносчивый вид, однако он откровенно признался:

— Дни вашего старшего сына были сочтены, неужто же я мог лишить вас его? Но теперь-то внесите изменения в эпитафию: через несколько дней ваш второй сын поправится.

Но Вэнь-чжэн готов был скорее умереть, чем переписать эпитафию. Через несколько дней [Фань] Чунь-жэнь действительно поправился, а впоследствии стал министром. Вот какой прямой и твердый человек был Вэнь-чжэн.

Примеч. Вэнь-чжэн — посмертное имя сунского сановника Фань Чжун-яня. Получить эпитафию, написанную знаменитым человеком или прославленным литератором, считалось весьма редкой удачей. Такой текст — а некоторые за составление эпитафии брали немалые деньги! — потом выбивался на стеле, устанавливавшейся у могилы усопшего.

Цинчжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Ганьсу.

Фань Чунь-жэнь (范純仁 1027—1110) — второй сын Фань Чжун-яня. Стал цзиньши в 1049 г., но на службу поступать не стал — из родственных соображений, опасаясь скомпрометировать отца, и сделался чиновником только после того, как Фань Чжун-янь вышел в отставку. Начинал с провинциальных должностей, потом был приближен ко двору. Читал лекции в столичном училище, был начальником Департамента чинов. Министерские должности занимал в 1088 г. и в 1093 г. К концу жизни ослеп, но продолжал служить.

Ван Цзин-гун **Не позволяет жене военачальника** **стать наложницей**

Когда Ван Цзин-гун (его имя Цзе-фу) был на посту чжи-чжигао, некая госпожа У продавала себя в наложницы. Увидев ее, Ван Цзин-гун спросил:

— Что это за девушка?

— Муж велел продать ее.

— Чья ты? — спросил женщину Ван.

— Я, ничтожная, — супруга военачальника. У нас пропали лодки с казенным рисом, все домашнее имущество уже распродано, но денег все еще не хватает, потому я продаю себя в наложницы, чтобы восполнить недостачу.

— И сколько же хочешь за тебя супруг? — с жалостью спросил Ван.

— Девятьсот тысяч монет.

Господин позвал ее мужа и велел взять жену в дом и жить как прежде, а те деньги сполна подарил им.

Примеч. Ван Цзин-гун. — Ван Ань-ши был назначен на пост чжи-чжигао (чиновник, ведающий составлением черновиков императорских бумаг) в 1058 г., но вскоре оставил эту должность из-за траура по матери.

Сыма Вэнь-гун
Не желает наложницы,
купленной женой начальника

Когда Сыма Вэнь-гун, сопровождая Ин-гуна, приехал в Тайюань и стал там *тунтанем*, у него еще не было детей. Супруга Ин-гуна стала говорить с Вэнь-гуном об этом, и даже купила для него наложницу, но господин решительно ее отверг. Супруга Ин-гуна удивилась, не понимая, в чем причина такого воздержания. Однажды она сказала одной наложнице:

— Я уйду, а ты нарумянься, надень украшения и ступай в библиотеку!

Так она надеялась пробудить в господине желание.

Наложница сделала так, как ей было велено.

— Хозяйка ушла, как же ты посмела прийти сюда?! — стал ругать ее господин. И тут же отослал наложницу во внутренние покои.

Я рассужу так. Так и в древности гуманные люди и благородные мужи держались подальше от развратной красоты, черпая силы в совершенном знании. О! Не посягнул на тайные покои, не посрамил ни единого уголка дома — вот что говорят о Вэнь-гуне!

Примеч. Сыма Вэнь-гун — крупный государственный деятель, литератор и выдающийся историк Сыма Гуан (司馬光 1019—1086), названный здесь по почетному титулу, дарованному ему двором — Вэньго-гун 溫國公, здесь в сокращении. Экзамен на степень цзиньши благополучно выдержал в 1038 г. и службу начал с должности областного судьи (*тун-ланя*). Вскоре Сыма Гуан получил назначение в столицу, на пост лектора в Гоцзыцзянь; в 1046 г. его назначили сверщиком текстов в императорское книгохранилище. Сыма Гуан много и успешно служил, занимал высокие посты (в частности, был директором цензората, а также членом придворной академии). Выступил против реформ Ван Ань-ши и в 1070 г. попросился на службу за пределами столицы, в провинцию. Будучи в Лояне, взялся за составление капитального исторического труда «Цзы чжи тун цзянь» (資治通鑑 «Зерцало всеобщее, управлению помогающее»). С приходом к власти императора Чжэ-цзуна, в 1086 г., стал первым министром и положил конец реформам Ван Ань-ши. Император пожаловал ему посты *шаниу цзотуе* (первый заместитель начальника Шаншушэна) и *мэнься шилана* (помощник начальника Мэньсяшэна, Императорской канцелярии), но в том же году Сыма Гуан умер. Посмертно ему был дарован пост *тайши* (наставник императора).

И н - г у н — по всей видимости, Пан Цзи (龐籍 988—1063), сунский чиновник, за заслуги перед двором пожалованный титулом Инго-гуна 穎國公, здесь в сокращении.

Чжан Гуай-яй
Выдает замуж служанок,
а они оказываются девственницами

После того, как Ван Юнь и Ли Шунь устроили мятеж в Шу, многие из посланных туда служить чиновников не брали с собою семей, и даже в области, где главным городом был Чэнду, это правило соблюдалось. Чжан Юн был назначен управлять Ичжоу и поехал к месту службы один. Чиновники подвластного Чжану управления, зная его суровый нрав, не осмеливались держать служанок и рабынь. Но Чжан, не желая вредить человеческим чувствам, тут же завел себе служанок сам, чтобы, как говорится, помогали при надевании шапки, и потому подчиненные его тоже понемногу стали заводить себе служанок и наложниц.

Чжан Юн пробыл в Сычуани четыре года и был отозван обратно ко двору. Он вызвал родителей своих служанок и дал им денег, чтоб выдали дочерей замуж. Все девушки оказались девственницами!

Примеч. Ч ж а н Г у а й - я й — второе имя сунского чиновника и литератора Чжан Юна, действительно дважды назначенного управлять Ичжоу.

В а н Ц з ю н ь 王筠 и Л и Ш у н ь 李順 — руководители восстания в Сычуани (Шу) в 993—997 гг. Во время правления императора Тайцзуна в Сычуани после введения монополии на торговлю чаем и тканями сложилось очень тяжелое положение, в результате чего в 993 г. в местечке Циншэнь вспыхнуло восстание под предводительством торговца чаем Ван Сяо-бо. Ван Сяо-бо погиб в двенадцатую луну того же года в сражении, и ему наследовал Ли Шунь, упоминаемый Лю Фу. В 994 г. Ли Шунь взял Чэнду и, провозгласив себя шуским ваном, даже начал чеканить собственную монету, но в том же году был пленен и убит. Войска его (несколько сотен человек) были рассеяны. После этого происходили мелкие столкновения правительственных войск и остатков повстанцев, пока наконец в 1000 г. в Ичжоу не поднял мятеж Ван Цзюнь. Он также взял Чэнду, но в девятую луну того же года был разгромлен и убит.

Таньиньсянь

Не сдав экзамены, проявляет мужество и убивает разбойников

Чжан Гуай-яй, [в те времена, когда он] еще не сдал экзамены, проезжал однажды через уезд Таньиньсянь, и уездный начальник одарил его штукой шелка и десятью тысячами монет. Чжан тут же погрузил все это на осла и вместе со слугой-подростком отправился домой.

Ему сказали:

— В таком путешествии ночи нужно проводить на постоялом дворе: впереди опасные топи, страшная глушь, там не сыщешь даже дыма человеческого жилья. А лучше всего подождать попугчиков.

— Осенью холодно, а моим старым родителям нечего надеть! — отвечал Чжан. — Как могу я промедлить даже самую малость?!

И, наточив короткий меч, он двинулся в путь.

Преодолея более тридцати ли, как солнце стало клониться к закату. Чжан остановился на одиноком постоялом дворе — там были лишь старик-хозяин да два его сына.

Увидев Чжана, старец обрадовался и шепнул сыновьям:

— Ну, сегодняшней ночью добудем себе пропитание!

Случайно услышав эти слова, Чжан пришел в волнение. Нарубил охапку ивовых ветвей, втащил в свою комнату и сложил грудой.

— Это вам зачем? — поинтересовался хозяин.

— Да вот, завтра утром рано тронусь в путь, а пока что займусь кое-какими приготовлениями, — отвечал Чжан.

Едва настала полночь, как старец велел сыновьям кричать:

— Петух уже пропел, сюдай может ехать!

Чжан не подавал голоса. Тогда сын хозяина толкнул его дверь, но Чжан заранее подпер скамейкой левую створку, а правую держал руками. Не получив ответа, молодой человек еще раз три налег на дверь, и тут Чжан вдруг отступил назад. Парень кубарем влетел в комнату, и Чжан отрубил ему голову. Убив его, Чжан оттащил тело в боковую дверь. Вскоре пришел и другой сын, и Чжан убил его так же, как и предыдущего.

Сжав в руке меч, Чжан пошел искать старца, а тот как раз в нетерпении разжигал огонь — тут Чжан и ему отсек голову. Так старик и его сыновья закончили жизнь в собственном доме.

Чжан кликнул слугу, тот навьючил осла и вывел за ворота, а сам Чжан поджег ивовые прутья и запалил постоялый двор.

Проехали двадцать ли, и занялась заря.

А люди потом говорили:

— У прежнего хозяина случился пожар.

Примеч. Танъиньсянь — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Чжан Ци-сянь

Вместе с бандой пьет вино и ест мясо

Когда Чжан Ци-сянь, как говорится, ходил еще в простом платье, то уже выделялся как человек незаурядный и великодушный.

Одиноким и бедным, скитался Чжан по белу свету без крова над головой и часто ночевал близ дороги.

Однажды вдруг видит — на постоялом дворе устроили пир десятка полтора разбойников, а постояльцы все в страхе разбежались. Ци-сянь подошел прямо к ним и, сложа руки в приветствии, сказал:

— Я, ничтожный, нищ и убог. Хочу просить вас, господа, накормить и напоить меня. Позвольте ли?

— Вы, сюцай, как говорится, сами вырыли себе нору — почему же нельзя? Да только мои товарищи люди грубые, боюсь, вы будете смеяться! — обрадованно отвечал Чжану главарь, приглашая садиться.

— Разбойники могут такое, на что не способны простые люди, разбойники — герои этого мира! — сказал тогда Ци-сянь. — Я, ваш слуга, тоже великодушный и щедрый муж, но куда мне с вами, господа, равняться!

И тут Ци-сянь взял большую чашу, наполнил вином, осушил одним глотком — и так проделал три раза. Потом ухватил свиную лопатку, руками разорвал ее на несколько кусков и мигом проглотил — точно волк или тигр!

Разбойники, увидав это, изумились и вскричали в восхищении:

— Ухватки настоящего министра! Иначе откуда бы взяться такому размаху? Когда-нибудь вы непременно будете полновластно управлять Поднебесной — так не забудьте нашу компанию, которая была вынуждена стать разбойной. Мы хотели бы заранее завести с вами дружбу.

Разбойники поднесли Ци-сяню в подарок шелк и золото, но Ци-сянь не принял, поскольку ему было бы тяжело все это нести, и ушел.

Примеч. Чжан Ци-сянь (張齊賢 943—1014) — сунский министр и книжник. Когда Чжану было три года, его семья, спасаясь от военных волнений, переехала в Лоян. Известен тем, что, еще не будучи на службе, остановил проезжавший через Лоян императорский выезд и коленопреклоненно поднес владыке проект реформ в десяти пунктах. Так Чжан был замечен при дворе: вернувшись в Кайфэн, Тай-цзу рассказал наследнику об этом происшествии и порекомендовал в будущем привлечь Чжана на службу. В 977 г. Чжан Ци-сянь успешно выдержал экзамен на степень цзиньши и был назначен начальником области Хэнчжоу, а в 981 г. стал эмиссаром по налоговым перевозкам на всех землях южнее Янцзы. В 986 г. начальствовал в Дайчжоу, а в 989 г. стал заместителем начальника Шумишэна. Неоднократно занимал посты министерского ранга, в том числе был *луе*, первым заместителем начальника Шаншушэна (но с последнего поста был удален за грубое нарушение этикета в присутствии августейшей особы: явился на аудиенцию пьяный). Конец жизни провел в Лояне.

Хань Вэй-гун **Не винит разбившего чаши и** **подпалившего бороду**

В те дни, когда Хань Вэй-гун жил в Дамине, некто преподнес ему две нефритовые чаши, сказав:

— Пахарь нашел — могилу разрушил. На чашах нет ни малейшего изъяна, это старинная драгоценность!

В знак благодарности господин Хань дал человеку сто золотых, а к чашам отнесся как к редкой драгоценности. Каждый раз, созывая гостей, он приготавливал особый столик, накрытый парчовой скатертью, и только туда ставил нефритовые чаши.

Однажды он позвал к себе начальника области и собрался было и те чаши тоже наполнить вином, как вдруг какой-то чиновник нечаянно опрокинул их наземь, и чаши разбились. Все гости замерли в испуге, а чиновник пал ниц в ожидании кары. Выражение лица Ханя не изменилось, и он обратился к гостям:

— Всеми существам положен свой срок! — Потом повернулся к чиновнику. — Ты ведь сделал это нечаянно, неумышленно, в чем же твоя вина?

Все гости были покорены великодушием хозяина.

Когда же господин был военачальником в Динъю, однажды ночью случилось ему писать письмо, и он приказал солдату взять свечу и встать с ним рядом, [светить]. Солдат же засмотрелся на что-то, и огонь свечи запалил бороду Ханя. Хань тут же рукавом халата сбил пламя с бороды и продолжил писать как ни в чем ни бывало. Потом огляделся: а солдата нет. Испугавшись, что того накажут, Хань позвал солдата обратно:

— Не уходи! Разве я уже освободил тебя от обязанности светить?

В войсках все восхищались великодушием Ханя.

Примеч. Да м и н — северная сунская столица. Здесь Хань Ци служил после 1067 г.

Ди н ь у — танская область Динчжоу, располагалась на территории совр. пров. Хэбэй.

Ши Бан-мэй

В вознаграждение за скрытые добродетели у отца рождается сын

Ши Бан-мэй был родом из Янью. Отец его был военным чиновником в Чжэнчжоу, когда его назначили на генеральскую должность и из Департамента чинов пришел указ ехать в Чэнду. В то время [будущему] отцу [Бан-мэя] исполнилось шестьдесят четыре года, да и матери перевалило за сорок, а сыновей у них все еще не было.

— У меня есть сотня белым золотом. Возьмите деньги с собой и поезжайте в Шу, — сказала мать отцу. — Купите там наложницу и возвращайтесь. Надеюсь, что будет сын, чтобы продолжить наш род!

Отец так и поступил.

Добрался до Шу, нашел посредника и растолковал, чего хочет. Посредник привел девушку, очень красивую и изящную. [Отец Бан-мэя] спросил, из какой она семьи, но девушка с безразличным лицом хранила молчание. Посредник ушел, а девушка стала причесываться, и он увидел, что прическа-то у нее детская! Очень удивившись, [отец Бан-мэя] принял за распросы. Девушка безудержно разрыдалась и наконец произнесла:

— Я из столицы. Отец мой был чиновником в Ячжоу и умер на своем посту. Мать и я до сих пор сохраняем гроб с его телом, но у нас нет средств, вот мы и решили продать меня, чтоб закончить похороны.

Отец [Бан-мэя] очень огорчился и исполнился жалости, а потом, взяв деньги и девушку, явился к ее матери и сказал:

— Не надо мне этой девушки! И возьмите, пожалуйста, деньги, чтоб выправить дело.

Жена чиновника громко зарыдала и стала кланяться в благодарность. А отец [Бан-мэя] составил план, как все устроить. На завтра он отправился в дорогу, надев траур, будто родственник, и взяв с собой жену чиновника в качестве служанки. Приехали в Чэнду, там он поселился в наемном доме, закончил дело с захоронением, а потом вернулся назад, в Яньу.

Жена спросила его, привез ли он наложницу, и отец все рассказал ей без утайки.

Вскоре она забеременела, и однажды ночью ей во сне явился человек в [шитом золотом] пурпурном платье — в сопровождении нескольких людей в простой одежде. Они прошли за дом, а человек в пурпурном остался в зале.

Наутро родился Бан-мэй. А за домом — сука оценилась девятью щенками. Потому-то детское имя Бан-мэя и было Ши-гоу 十狗 — «Десятая собака».

Впоследствии Бан-мэй первым выдержал экзамен на степень цзиньши, а позднее дослужился до должности начальника Военного департамента.

Это — убедительное свидетельство признания скрытых добродетелей его отца.

Примеч. Ши Бан-мэй — сунский чиновник Ши Янь (時彥 вт. пол XI в.—нач. XII в.), второе имя которого было Бан-мэй 邦美. В 1079 г. блестяще сдал экзамены на степень цзиньши и по списку выдержавших

прошел первым. Был губернатором Кайфэна, а наивысшим служебным достижением Ши стал пост начальника Военного департамента. Умер в годы под девизом правления Да-гуань (1107—1110).

Я н ь у — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Ч ж э н ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань.

Записки о Сяо-лянь

Лиса-оборотень Сяо-лянь пленяет ланчжуна

Ланчжун Ли — имя его я не помню — был столичным жителем и происходил из влиятельной семьи, из которой вышло несколько правителей областей. Ли был человеком редких достоинств и проявлял большую заботу о благосостоянии своей семьи.

В середине годов под девизом правления Цзя-ю ему посчастливилось приобрести служанку. Звали ее Сяо-лянь, а лет ей было как раз тринадцать. Ли обучал ее игре на музыкальных инструментах, но у нее ничего не выходило, поручал ей разные домашние дела, но Сяо-лянь выполняла их с неохотой. Прошло несколько дней, и Ли хотел было вернуть ее старой хозяйке, но Сяо-лянь, рыдая, сказала ему:

— Ах, если вы окажете мне покровительство сейчас и продолжите наставлять меня, то я обязательно отблагодарю вас в будущем!

Ли очень удивился ее словам.

Прошло несколько времени, и Сяо-лянь мало-помалу научилась петь и танцевать, а лицо ее день ото дня становилось все краше и краше. Ли охватило желание обладать ею, но Сяо-лянь противилась.

Однажды под предлогом тайного разговора Ли завлек девушку во внутренние покои, но Сяо-лянь приняла неприступный вид и решительно воспротивилась его намерениям обесчестить ее. Тогда Ли еще более возжелал добиться своего и однажды вечером, напоив Сяо-лянь допьяна, достиг своей цели.

На другой день Сяо-лянь, извиняясь, благодарила Ли:

— Ничтожная наложница, как осмеливалась я беречь себя?! Просто мне казалось, что я не смогу вполне угодить господину, — сказала и поклонилась.

С этого времени Ли очень полюбил ее. Жена же Ли, урожденная Сунь, была женщина мудрая и не препятствовала желаниям мужа.

Вечером в последний день луны Сяо-лянь прислуживала Ли в спальне, как вдруг в полночь пропала. Ли испугался, взял свечу и пошел искать Сяо-лянь. Но ни в кухне, ни в уборной, ни у колодца ее не было. Тогда Ли подумал, что у нее с кем-то тайная любовная связь и очень разгневался. Когда же она наконец появилась — уже светало. Гнев Ли стал еще сильнее. Он собрался было выпороть ее кнутом, чтобы выяснить, куда та ходила, но Сяо-лянь сказала:

— Хотела поспеть вовремя, да видно придется открыть вам то, что раньше скрывала!

Ли повел ее в уединенный кабинет и стал расспрашивать.

— Сегодня, к несчастью, вы узнали мою тайну. Теперь я уж не посмею скрывать, раз уж, как говорится, торчат руки и ноги! Я — не человек и не черт. Непросто поведать обо всех превратностях моей судьбы. Должно быть, вы меня прогоните, но если вы будете милосердны и не станете допытываться, то я сделаюсь вам верной опорой и вознагражу со всей искренностью, — сказала Сяо-лянь.

— Все я могу простить, но вот как ты могла уйти, не предупредив меня! — сердился Ли.

— Да я не посмела бы уйти далеко! — рыдая, отвечала Сяо-лянь. — Но только в последний день каждого месяца я должна предстать перед духом этой местности! А если я не явлюсь, то навлеку этим несчастье на вас и на вашу родню тоже. Это подобно тому, как если бы я была в списках крестьян — такая уж у меня судьба!

Но Ли не мог поверить в это до конца. Когда снова настал последний день месяца, он устроил пир и напоил Сяо-лянь допьяна крепким вином. Когда же она сладко заснула, Ли при ярко горящих свечах самолично сел ее стеречь. Перед рассветом она проснулась:

— Я-то думала, что вы меня искренне любите, а вы — не позволили мне уйти, и я совершила проступок!

На следующую ночь она опять исчезла и вернулась только к рассвету. Ли спросил ее об этом. Сяо-лянь сняла платье, и Ли увидал, что у нее вся спина в синих рубцах. Тогда он понял, что

действительно виноват. И больше Ли не удивлялся исчезновению Сяо-лянь в последний день каждого месяца.

Однажды Ли заболел, но Сяо-лянь сказала:

— Врач не нужен! Вы любите есть перченое, и потому у диафрагмы скопилась мокрота. Но ее может высушить лекарство из рога носорога, жэньшэня, румян, пудры и белых квасцов. Примите — и поправитесь.

И действительно, когда кто-то из домашних Ли заболел, все ее слова о лечении в точности сбывались. То же было и тогда, когда Сяо-лянь предсказывала счастье или несчастье. И не было таких людей, которые не убедились бы в правильности ее слов на собственном опыте.

Ли еще сильнее полюбил Сяо-лянь и стал ей доверять еще больше. Если она говорила, что в такой-то день кто-то из родственников умрет, то так и случалось. А однажды она сказала Ли:

— В такой-то день вас назначат управлять такой-то областью!

Вновь случилось так, как она говорила.

Когда же Ли собрался ехать, Сяо-лянь подошла к нему и, рыдая, сказала:

— Я не вольна распоряжаться собою и поэтому не могу вас сопровождать. Я помню ваше добро и ваши сильные ко мне чувства, поэтому мне стыдно, что я не могу поехать с вами! Вы, господин, не забывайте нашу старую связь и время от времени вспоминайте меня.

Ли настойчиво уговаривал ее поехать вместе с ним, но Сяо-лянь сказала:

— Если в нужный вечер меня не будет, то я понесу тяжкое наказание, а уж если уеду и пропущу месяцы и даже годы, то тогда смертной казни точно не избежать!

Ли понял, что нельзя ее заставлять.

В тот же день, когда Ли уезжал, Сяо-лянь вышла его провожать, взяла за руку и сказала:

— Как вступите в должность, пройдет год и умрет ваша жена. Потом у вас выйдут разногласия с податным инспектором, и вы, пав духом, решите вернуться назад, домой. Тут-то мы с вами и встретимся. Но только храните все в тайне!

Ли уехал к месту службы, прошел год, и у него умерла жена. Потом приехал инспектор и обвинил Ли в присваивании зе-

мельного налога и казенных денег, а также в затягивании казенных дел. Ли решительно оправдывался, но его и слушать не стали, а отстранили от службы. Так и кончилась его карьера правителя области.

Ли стал носить траур по жене, мысли о чиновничьей службе вовсе отбросил. Целыми днями, затворив окна и двери, сидел он в своем доме с потерянным видом.

Вдруг, однажды слышит — стук в дверь. Ли вышел, глядь — а это Сяо-лянь! Ли обрадовался, усадил ее и со слезами сказал:

— После нашей разлуки все случилось именно так, как ты и говорила!

Тут он приготовил вино и закуски, велел Сяо-лянь танцевать — буйное веселье продолжалось до конца дня. И с той ночи Сяо-лянь осталась в доме Ли.

Через месяц она, плача и отбивая поклоны, обратилась к Ли:

— У ничтожной вашей наложницы есть тайная просьба — хочу умереть в этом облике!

— Почему вдруг такие речи? — удивился Ли.

— На самом-то деле я не человек, а лиса с городской стены. Когда-то в прошлом рождении я была второю женою одного человека, вмешивалась во все домашние дела, клеветала на старшую жену, и моя клевета дошла до ушей мужа. С того времени он полюбил меня одну, а старшая жена тосковала и в конце концов умерла от горя. Она рассказала все чиновникам из мира мрака, и меня подвергли такому вот наказанию. Прошли годы и месяцы — и когда я приму свой истинный облик, меня тут же растерзают охотничьи собаки и соколы! Но если мои останки бросят в жертвенный треножник или жирное мое мясо станет усладой для людских желудков, то я не смогу возродиться снова. Поэтому вы, господин, в такой-то день выйдите за ворота столицы, там вы встретите охотника на лис. Дайте ему денег и скажите: «Хочу купить лису на лекарство». И та лиса, у которой в ухе вы увидите бордовый волосок в несколько цуней длиной, и будет ваша наложница. Тогда вы сделайте платье из бумаги, гробик из коры дерева и похороните меня на высоком холме, за это я потом очень щедро вас отблагодарю! — сказала Сяо-лянь, поклонилась и заплакала.

Потом вынула два слитка желтого золота, чтоб «как-нибудь похоронить, чтоб не думали, что у оборотней нет чувств». Ли ей все это обещал. Потом пригласил ее переночевать, но Сяо-лянь вскричала:

— Ах, теперь вы, господин, знаете о моих дурных поступках, и вы должны возненавидеть меня!

Ли настаивал на том, чтоб она осталась.

На следующий день Сяо-лянь поклонилась Ли и попрощалась с ним.

— Наступил предел срокам загробного мира. Будет день, и я получу перерождение. Только это не так просто! — сказала она и ушла в большой печали.

В назначенный день Ли вышел за ворота столицы, прошел несколько шагов на север и действительно увидел охотника, несущего убитых лис. Ли выбрал из них ту, у которой в ухе был бордовый волосок, купил и вернулся домой. В благоприятный день он похоронил ее. Ли собственноручно написал поминальную табличку и захоронил лису по всем правилам — к югу от городской стены. И до сих пор люди зовут то место Могилкой Лисы.

Примеч. Годы... Цзя-ю — 1056—1063.

Оуян Цзянь справедливо полагает, что данная новелла написана под непосредственным влиянием «Жэнь ши чжуань» (任氏傳 «История Жэнь») танского Шэнь Цзи-цзи (沈既濟 750—800?): «Произведения, описывающие романы между человеком и лисой, появились еще среди древней прозы, но наиболее выразительной является танская новелла "История Жэнь", и ее влияние отчетливо прослеживается в "Весенней прогулке по Западному пруду" и в "Записках о Сяо-лянь"» (Оуян Цзянь. Указ. соч. С. 58).

Записки об огромной рыбе **Убить огромную рыбу — плохой знак**

В годы под девизом правления Цзя-ю мой отец был назначен тюремным смотрителем в Тунчжоу и я отправился вместе с ним.

Стояла осень — семнадцатый день восьмой луны — и вдруг небо помрачнело, с моря налетел сильный ветер и вслед за этим хлынул дождь. В эту ночь прибой гремел словно десять ты-

сяч барабанов, с силою, подобной громыханию грома. Прилив захлестнул дамбу, а когда все кончилось — сквозь завывания северного ветра и плеск волн слышались рыдания, подобные плачу тысяч людей.

Рассвело, и у дамбы нашли огромную рыбу длиною больше чем в сто чжанов, издали она вздымалась как поперечная дамбе плотина. Поскольку рыба лежала в песке, она задыхалась и вот-вот должна была уснуть. Временами рыба изгибалась, и в результате образовалось болотце; или же фыркала, и тогда вода лилась потоками, а песок летел градом.

Прошло три дня, и рыба наконец издохла.

На лбу у нее проступили написанные красным знаки.

Никто их местных жителей не знал, что это за рыба. Мяса в ней было на несколько десятков тысяч цзиней, но никто не решался его есть, а вот жир использовали ночью в светильниках.

В тот год среди жителей Тунчжоу случился большой мор, и из каждых десяти человек умерло четверо-пятеро.

То, что издохла огромная рыба, — несчастливое знамение!

Примеч. Годы... Цзя-ю — 1056—1063.

Тунчжоу — область и областной центр, располагавшиеся на территории совр. пров. Цзянсу. Областной город стоял на реке, которая, видимо, и разлилась под воздействием непогоды.

Записки об удивительной рыбе

Дочь дракона преподносит

Цзян Цину жемчуг в благодарность

В годы под девизом правления Цзя-ю в Гуанчжоу одному рыбаку ночью в сети попала рыба весом в сто цзиней. Рыбак вытащил ее в лодку и привез на берег.

Когда рассвело, рассмотрел ее: человеческое лицо, а тело черепашьё, на брюхе несколько десятков ног, а у шеи две руки — совсем как у людей! На спине у рыбы было что-то вроде панциря, и если внимательно присмотреться, то можно было увидеть на затылке короткую, но очень густую шерсть, и — еще один глаз. Грудь и живот у рыбы были пестрые, а остальное — красивого черного с зеленоватым отливом цвета.

Поглазеть сбежалась целая толпа, встала кругом, но никто не знал, как такая рыба называется. Спрашивали рыбаков, но и те не знали.

Люди говорили, что рыбу надо убить, потому что она, мол, является дурным предзнаменованием. Но рыбак взвалил рыбу на плечо и отнес домой, думая найти все же сведущего человека. Положил ее во дворе и прикрыл рваной циновкой.

Вдруг среди ночи послышался жалобный звук. Рыбак поднялся с постели, стал искать, что такое? Оказалось, звук идет из-под циновки, едва слышен, но вполне различим: рыба! Рыбак подкрался ближе и прислушался. Вот что он услышал:

— Из-за ссоры пустяковой
 распрощалась я с небесной сферой.
Угодила к рыбаку я в сети,
 и рыбак сюда меня принес!

Рыбак от неожиданности вскрикнул, и рыба замолчала.

Поразившись услышанному, рыбак задумал выбросить рыбу, но перед этим рассказал людям [о ночном происшествии].

Городской воевода Цзян Цин 蔣慶, узнав об этом, попросил у рыбака диковину. Рыбак отдал. Цин положил ее в большую бамбуковую корзину, принес домой и поставил возле перил галереи, так же, как и рыбак, прикрыв циновкой. Ночью же тихонько подкрался и стал слушать. Рыба сказала:

— Не сдержавшись, праздные слова болтала.
Вот теперь и угодила в дом другой!

И до самого рассвета — больше ни слова.

На следующий день Цин вынес корзину во двор. Его домашцы окружили рыбу и принялись разглядывать. А рыба вдруг сказала:

— Жажда убьет меня!

Домашние прыснули в стороны, поспешили к Цину и рассказали ему [об этом]. А Цин ответил:

— Я положу ее в большой таз, а вы зачерпните воды из колодца!

Ближе к вечеру рыба снова сказала:

— Это мне не подходит!

Цин обратился к рыбакам за разъяснениями.

Оказалось, что рыба была поймана в море, а вода в море очень соленая. И Цин послал слугу за морской водой.

В эту ночь Цин с женой снова пришли слушать рыбу, и рыба сказала:

— Кто меня отпустит — будет жить.

Кто себе оставит — тот умрет.

— Выпусти ее поскорее, как бы не накликасть беды! — испугалась жена Цина.

— Я — не то, что другие. Чего бояться! — отвечал Цин.

И не отпустил.

Через два дня после этого Цин, будучи пьян, схватил нож и подошел к рыбе, ругаясь:

— Ты можешь говорить, значит — необыкновенная рыба. Если ты мне все внятно объяснишь, я тебя сразу отпущу обратно в море, а будешь молчать — вот этим ножом зарежу!

Тогда рыба сказала:

— Я молодая жена дракона. Мы с ним поссорились, я рассердилась и в гневе заплыла далеко от нашего жилища — почти к самому берегу. Я и не думала, что попаду в рыбацкие сети! Если ты меня убьешь, то тебе от этого не будет никакой пользы, а коли отпустишь — я щедро тебя отблагодарю.

Тогда Цин погрузил рыбу в лодку, вышел в море и в глубоком месте отпустил.

После этого прошло полгода.

Однажды Цин шел по рынку, и навстречу ему попался бродячий торговец с прекрасным жемчугом в руках. Цину жемчуг понравился, и он спросил торговца о цене. Тот отвечал:

— Пять сотен связок монет.

Цин решил, что это дешево, но с собой у него была только половина [суммы]. Торговец заметил:

— Я вас, господин, знаю, поэтому вы сейчас забирайте весь жемчуг и несите его домой, а завтра я приду в ваши покои за платой.

С этими словами он ушел.

В назначенный срок торговец не явился.

Цин подумал: «За этот жемчуг можно дать тысячи золотом, я же приобрел его так дешево, да еще и продавец не пришел за деньгами! Почему бы все это?»

На другой день он снова увидел того торговца и пригласил зайти, но торговец ответил:

— Меня послала молодая жена дракона, чтоб отблагодарить вас этим жемчугом за милость, которую вы явили, не убив ее!

Сказал и скрылся.

Эта история передается из поколения в поколение, я сам видел сына Цина, он мне обо всем подробно поведал, а я записал.

Записки о превращении в обезьяну Отец Цао Шана за убийство обезьян несет наказание

В годы под девизом правления Тянь-шэн в уезде Ланьшань, что в Гуйяне, жил простолюдин Цао Шан 曹尙, и был у него отец семидесяти лет. В один прекрасный день отец вышел из дому — и не вернулся. А уж сколько за воротами было высоких гор, непроходимых лесов, ключей, пещер, круч, пропастей — не счесть! Шан обшарил все камни, вскарабкался на все горы и добрался до покрытых туманом мхов. Несколько дней он искал — но безуспешно.

Однажды сын Шана вышел в горы набрать хворосту и увидел старую обезьяну, пившую из ручья. Он кинул в обезьяну камнем, та стремительно вскарабкалась на скалу и превратилась в человека.

— Ты ведь мой внук, — сказал человек. — Как же ты смеешь кидать в меня камни?!

Сын Шана узнал голос деда.

— Уже давно отец вас ищет, дедушка! — сказал внук, кланяясь. — Как вы здесь оказались?

— Мне очень стыдно! — заливаясь слезами, отвечал дед. — Но я стал существом необыкновенным и не смею попадаться на глаза домашним. Скажи Шану про меня. Завтра снова увидимся здесь.

Дождавшись срока, Шан пошел к отцу и был не в состоянии сдержать свое горе.

— Эту жизнь прожил я без печали, но в прошлом-то рождении частенько убивал обезьян! Это возмездие, — сказала Шану обезьяна. — Ты снова приходи. Я хочу знать, все ли в порядке дома.

Три года спустя обезьяна перестала появляться. Начальник Ланьшани самолично ходил в дом Шана и узнал это все в подробностях.

Примеч. Годы... Тянь-шэн — 1023—1031.

Гуйян — в сунское время: воеводство, располагалось на территории совр. пров. Гуандун.

Воздаяние за гибель кур Ма Цзи заболевает в наказание за убийство кур

В годы под девизом правления Цин-ли в окрестностях столицы жил Ма Цзи 馬吉 — он промышлял забоем кур. За каждую убитую курицу [Цзи] получал по десять медяков и так в день зарабатывал по несколько сотен монет. За свою жизнь он забил великое множество кур. Забивая курицу, [Цзи] сначала кулаком оглушал ее, потом загибал ей шею назад, и курица в муках издыхала.

Однажды его поразил недуг — голова [Цзи] загнулась к спине, и он стал дергаться как курица перед смертью. Тогда [Цзи] взял в рот веревку — на манер узды, и изо всех сил пытался удержать ее обеими руками, но веревка, если ее не держал кто-то другой, все равно вырывалась.

После этого [Цзи] сделался бродягой, выпрашивал подаяние, а через год с небольшим умер.

Примеч. Годы... Цин-ли — 1041—1048.

Записки о возмездии за кошек Убивал кошек, и родился сын без ног и рук

В третий год под девизом правления Чжи-пин в Сяньпине жил Чжу Пэй 朱沛. Семья его была из простых, но богатая. [Чжу] нравилось разводить голубей — он держал их в бамбуковых плетенках, и было [голубей у Чжу] несколько сотен.

Однажды кошка сожрала голубя, и Пэй отрубил ей все четыре лапы. Кошка [в муках] ползала по комнатам и издохла лишь через несколько дней.

На следующий день [другая] кошка снова сожрала голубя. [Пэй] и ей отрубил лапы — и так он убил более десятка кошек.

Впоследствии жена Пэя родила сразу двух мальчиков, и оба оказались без рук и без ног. Все чурались этих детей, а Пэй так ничего и не понял.

А жаль!

Примеч. Третий год... Чжи-пин — 1065.

Сяньпин — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Ли Юнь-нян

Цзе Пу несет наказание за убийство девицы

В первый год под девизом правления Цин-ли была в столице певичка по имени Ли Юнь-нян 李雲娘. Семья ее жила у большой дамбы, что на Суйхэ, и в доме было полным-полно золота и шелка. У Юнь-нян была старая связь с неким Цзе Пу 解普, а Пу в то время ждал при дворце назначения на должность. Он прожил в столице целый год, в кошеле его не было уже ни кусочка золота, и он занял у Юнь-нян на расходы много денег.

— Вот получу назначение, вернусь и возьму тебя в жены! — говорил он Юнь-нян. И чтобы поддержать Пу, девушка полностью истратила все, что было у нее в сундуках.

«Дома-то у меня уже есть жена, — думал Пу. — И с этой Юнь-нян ничего быть не может!»

В один прекрасный день Пу пригласил Юнь-нян с матерью в винную лавку в городе. Ночью они возвращались домой по берегу Бяньхэ. Юнь-нян была сильно пьяна, и Пу столкнул ее в воду, а сам с притворным испугом стал кричать, лил слезы без конца. А утром он ловкими речами запутал мать Юнь-нян.

Тут как раз Пу получил письмо из дома, и к письму было приложено пятьдесят связок монет. Пу передал десять связок матери Юнь-нян. А очень скоро его назначили служить в город Цинлун, что в Сючжоу, и Пу отправился с семьей к месту службы.

Однажды Пу сидел в кругу домашних, как вдруг поднялся полог, и кто-то вошел. Пу внимательно взгляделся — а это Юнь-нян!

— Я вам все отдала, чтобы помочь! — стала она укорять Пу. — Но вы не пошли по пути добродетели. Да еще при помощи тайной хитрости лишили меня жизни! Теперь ясно, что вы — негуманный человек. Но я уже добилась того, чтобы вы получили по заслугам!

— Да что ты за оборотень?! — закричал на нее Пу. — И как смеешь являться сюда и трещать без умолку?!

Тут он выхватил меч и ударил Юнь-нян. Она вдруг исчезла с глаз, а в лицо Пу ударил сильный порыв ледяного ветра — все домашние пришли в ужас.

Спустя несколько дней пришло сообщение, что объявились разбойники, и Пу, желая лично изловить их, сел в лодку. Они плыли уже полдня, как вдруг Пу плюнул на воду и сказал:

— А, опять ты пришла!

И тут из воды высунулась рука, ухватила Пу и потянула в воду — все сидевшие в лодках это видели. Присутствовавшие при этом чиновники бросились в воду, желая спасти Пу, но безуспешно. А на другой день нашли труп. Все тело и лицо Пу были изранены.

Я рассужу так. Если нельзя безнаказанно присвоить состояние человека, так что же говорить о тайном нанесении вреда его жизни? Это ясно из того, как Юнь-нян отомстила Пу. Имеющие чувства должны остерегаться подобного.

Примеч. Годы... Цин-ли — 1041—1048.

С уй хэ — приток р. Бяньхэ, протекавшей через сунскую столицу г. Бяньцзин (совр. Кайфэн)..

С ю ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Хэ-нань.

Записки о пастушке Мальчик является, чтобы отомстить злодею, погубившему невинного

Однажды, когда малолетний сын из семьи У Дэ 吳德, что жил в селе Фусунь на востоке уезда Фэнцзю, пас в поле овец, его кто-то убил и забрал одежду — [убийцу] никто не видел.

Семья убитого стала справлять положенные траурные церемонии, как вдруг появился маленький мальчик — уселся на ал-

тарь и стал есть жертвенные продукты. Домашние испуганно стали его расспрашивать, и тот сказал в ответ:

— Мальчик из вашей семьи часто играл со мною. «Сегодня все мои домашние собрались дома, пойдем вместе!» — предложил он мне, мы пришли, и только начали есть, как снаружи раздался рыдания, и кто-то вошел. Ваш мальчик указал на вошедшего и сказал: «Это он меня убил. Я его боюсь, не хочу, чтоб он меня увидел!» — и исчез.

Стали спрашивать, на кого он указал, и выяснилось, что это дядя убитого.

Тогда У Дэ подал жалобу властям с просьбой устроить убийце дознание, и преступник был покаран.

Примеч. Фэнцю — уезд, располагался на территории совр. пров. Хэнань.

Чэнь Шу-вэнь **Шу-вэнь сталкивает в воду Лань-ин**

Чэнь Шу-вэнь 陳叔文 был родом из столицы. Изучив канонические книги, он принял участие в экзаменах, выдержал их и получил назначение секретарем в город Исин, что в области Чанжоу. Семья Шу-вэня очень нуждалась: не хватало денег даже на нужды ближайших нескольких дней, и тем более не на что было выехать к месту службы.

А Чэнь Шу-вэнь был прекрасно сложен, красив и изящен. Однажды в сильной тоске он зашел в дом певички Цуй Лань-ин 崔蘭英 и рассказал ей, что получил назначение, но по бедности не может вступить в должность.

— Хоть между нами и нет ничего серьезного, — начала Лань-ин, — но я давно уже думаю о замужестве. И в мошне своей наберу около тысячи связок монет. Если у вас еще нет жены, то я согласна выйти замуж за вас!

— Я не женат, — слукавил Шу-вэнь. — На том и поладим!

И они тут же составили договор.

Вернувшись домой, Шу-вэнь обманул жену:

— По бедности я не могу оплатить дорожные расходы, а обстоятельства таковы, что вместе нам ехать нельзя. Поэтому я

один отправлюсь сейчас к месту службы, а как поднакоплю денег — и ты приедешь.

Жена согласилась.

И Шу-вэнь с Лань-ин поехали вниз по Бяньхэ. Они очень полюбили друг друга. Временами Шу-вэнь посылал кое-что жене.

Прошло три года.

Шу-вэня сменили в должности, он нанял лодку и поплыл назад.

«В сундуках у Лань-ин уже не наберется тысячи связок монет, — думал про себя Шу-вэнь. — Но она так добра ко мне! Однако она не знает, что я давно женат, а жена моя не знает про Лань-ин. Они не подозревают друг о друге. Я вернусь, и они встретятся — этого нельзя допустить! Так можно и под суд попасть!»

Днем и ночью Шу-вэнь измышлял хитрости и строил замыслы, как избавиться от напасти, но никакого выхода найти не мог: коли не убить Лань-ин, то все может закончиться плохо. И тогда он устроил пир. Они с Лань-ин много выпили, а после первой стражи Шу-вэнь столкнул женщину в воду. И тут же за нею отправил ее служанку.

— Ах, моя жена случайно упала в Бяньшуй! — стал причитать-рыдать Шу-вэнь. — А служанка, желая ей помочь, кинулась в воду следом!

Как раз стемнело, и Бяньшуй несся, точно стрела. Плывшие на лодках пристали к берегу, чтоб помочь вытащить женщин, но те канули бесследно...

Шу-вэнь же добрался до столицы, встретился с женой, и они стали обсуждать свои дела.

— Хоть в доме нашем и крайняя нужда, — сказал жене Шу-вэнь, — но, к счастью, в сундуках моих есть две-три тысячи связок монет, так что пока не надо ехать за должностью!

Он устроил кладовые, чтоб брать вещи под залог. Прошел год, и в доме сделался большой достаток.

В день зимнего солнцестояния Шу-вэнь с женой отправились в храм и дошли до Сянгосы. В храме среди людей были две женщины — они шли за Шу-вэнем следом. Шу-вэнь оглянулся: как будто Лань-ин со служанкой! Тут Лань-ин сделала Шу-вэню знак пройти вперед, тот придумал какую-то причину и оставил жену. Шу-вэнь и Лань-ин уселись на ступени террасы, и он спросил:

— Так ты жива?!

— Когда вы задумали свою хитрость и сбросили нас в воду, — отвечала Лань-ин, — мы, держась друг за друга, проплыли ли или два, а потом ухватились за ствол дерева — только потому не пошли ко дну. Потом мы стали кричать, и нас спасли: так мы и остались живы!

— Ты была очень пьяна, стояла на носу лодки, как вдруг ноги у тебя подкосились, и ты упала в воду, а твоя служанка бросилась следом тебе на помощь! — покраснев от стыда, стал плакать Шу-вэнь.

— Не стоит снова о минувшем! — отвечала Лань-ин. — Это заставляет вас испытывать стыд. Но я не умерла, и вовсе не держу на вас зла, господин! Уже давно я живу здесь — в переулке рыбаков у стен города. Завтра, не откладывая, вы непременно должны нанести мне визит. А коли не придете, я подам жалобу властям, и вам уж точно присудят строжайшее наказание, сотрут в порошок!

Шу-вэнь сделал вид, что согласен, и они расстались.

Шу-вэнь вернулся домой в сильном испуге. А в начале их переулка жил некий Вэн Чжэнь-чэнь 王震臣, учил детишек грамоте. Шу-вэнь рассказал ему свою историю и спросил совета.

— Если вы не пойдете, — сказал ему Чжэнь-жэнь, — то будет судебное разбирательство, и оно кончится для вас плачевно!

Тогда Шу-вэнь купил на рынке баранины, фруктов, чайник вина и, опасаясь, как бы домашние ничего не узнали, нанял в соседнем переулке мальчика, чтоб нес за ним все это.

Дошли до переулка рыбаков, — а Лань-ин со служанкой уже стоят перед воротами дома, встречая Шу-вэня. Он вошел в дом, и до самого захода солнца не показывался. Его носильщик, не получив никаких распоряжений, все стоял у ворот, пока наконец его не спросили:

— Что вы так долго здесь стоите? Ведь уже вечер. Почему же не уходите?

— Да меня нанял один человек, а его знакомые живут здесь, — отвечал тот. — Господин до сих пор не выходил, вот я его и ожидаю!

— Это же пустой дом! — удивился сосед.

И, взявши свечу, вместе с носильщиком вошел внутрь. На земле были расставлены кубки и тарелки, а сам Шу-вэнь лежал

навзничь с руками, связанными за спиной, и вид у него был такой, какой бывает у только что казненного человека.

Разбирая это дело, чиновники призвали жену Шу-вэня опознать тело и, не тратя лишнего времени, приказали отвезти покойного на родину и похоронить.

Я рассужу так. Все столичные жители слышали эту историю. Несправедливая обида, нанесенная человеком, не была наказана по закону, зато была отомщена духом! Это понятно, но и удивительно.

Примеч. Ч а н ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Цзянсу.

Шу-вэня сменили в должности... — Обычно чиновник получал должность сроком на три года, после чего мог получить продление полномочий, но, как правило, возвращался за новым назначением в столицу и переходил в разряд ожидающих должность.

С я н г о с ы — буддийский храм в Кайфэне, один из самых крупных в сунском Китае. В период Борющихся царств (475—221 до н. э.) в нем располагалась княжеская резиденция, а в 555 г. на ее месте начали возводить храм, который в 712 г. по распоряжению танского двора получил название «Сянгосы». Храмовый комплекс предназначался для проведения ритуалов императорской семьи и высшей знати, в XI в. в своем составе насчитывал шестьдесят четыре строения, в том числе постоянные дворы для приезжих купцов. Это был одним из самых крупных и пышных торговых центров Кайфэна, где несколько раз в месяц с большим размахом проводились торги, а также народные праздники и гуляния. Сянгосы был полностью разрушен в конце династии Мин (1368—1644) — из-за разлива Хуанхэ, затопившей Кайфэн, но к 1766 г. его отстроили заново. Территория нынешнего храма — более 380 гектаров. Среди его главных достопримечательностей — семиметровая статуя тысячерукой и тысячеликой бодхисаттвы Гуаньинь, вырезанная, согласно преданию, из цельного ствола старого абрикосового дерева; а также огромный цинский колокол на колокольной башне, высотой более четырех метров, одна из восьми главных диковинок Кайфэна.

История Бу Ци

Замыслив завладеть женой брата, младший брат убивает Бу Ци

Бу Ци 卜起, житель восточной столицы, снискав покровительство властей предрежащих и не останавливаясь перед трудностями, многолетней учебной пробил себе дорогу к службе, вы-

держал экзамен и получил наконец назначение *взем* в Гаоань, что в области Дуаньчжоу.

Исполняясь сочувствия к своему сводному младшему брату Дэ-чэну 德成, у которого и дома-то не было, Ци пригласил его ехать с собой. Они побывали в Цзи и Цянь, переехали через Даюйлин, пересекли Шаочжоу и поплыли вниз по реке Ицзян.

Дэ-чэн стал испытывать влечение к жене Ци, госпоже Бо, изящной красавице. Дни и ночи он думал о Бо, но не мог найти способа ее добиться. «Лодка ведь плывет по реке. Так что можно убить Ци», — решил про себя Дэ-чэн.

Однажды вечером Дэ-чэн и Ци стояли вместе на носу лодки и болтали. Дэ-чэн улучил момент и, когда Ци не ожидал того, столкнул его в воду. А сам принялся испуганно звать на помощь.

Когда рассвело, нашли труп Ци.

— Не надо убиваться! — сказал Дэ-чэн госпоже Бо. — Ныне уже мы уплыли за десять тысяч ли, а старший брат утонул. Прибавить к тому путевые издержки... Не стоит, чтоб люди знали. Я воспользуюсь именем брата, вступлю в должность и буду получать содержание, а когда срок службы кончится — можно будет и вернуться.

Госпожа Бо громко зарыдала. Тогда Дэ-чэн достал меч, показал его госпоже и прибавил:

— Если вы не подчинитесь, придется мне загубить вашу душу!

Госпожа Бо затаила неприязнь и лишь по ночам тихонько плакала. Вскоре Дэ-чэн сделал ее своею женою, и госпожа Бо не осмелилась дать ему отпор. Она лелеяла мысль о мести Дэ-чэну, но не знала как ее осуществить. А в то время сыну Ци как раз исполнилось семь лет, и Дэ-чэн полюбил его, как родного.

Вскоре закончился срок службы, и Дэ-чэн взял госпожу Бо с собою в столицу, а семью оставил на Даюйлине. Он получил новое назначение — на пост секретаря в Шаньяне, что в области Чучжоу, и вместе с госпожой переправился через Даюйлин. Дэ-чэн просил госпожу Бо не вспоминать о том, что было, а сыну ее помог поступить в государственное училище.

Получив новый пост, Дэ-чэн перевез домашних в Чучжоу.

Потом он уехал в столицу, долго не возвращался.

Однажды сын внезапно спросил о своем отце, и госпожа Бо, роняя слезы, промолчивла в ответ:

— Он не твой отец!

— Что вы такое говорите?! — в испуге воскликнул юноша.

— Этот Дэ-чэн — твой враг, именно он убил твоего отца! А твой отец, господин Ци, был чиновником за хребтом Даюйлин. Мы шли вниз по стремительным водам: Дэ-чэн столкнул твоего отца с лодки и тот утонул. Обманом занял Дэ-чэн его пост, ныне уж семь или восемь лет прошло! Душа моя переполнилась страданием! Все это время я хотела отплатить Дэ-чэну, но поскольку я слыла его женой, могла лишь мечтать о подобном: ведь дело может легко получить огласку, а результата не даст — и не удастся отомстить врагу твоего отца! Но теперь тебе уже пятнадцать, и ты можешь сам вершить большие дела. Ты сумеешь отомстить ему, и я умру без сожаления!

И сын вместе с матерью отправились в присутствие, а там рассказали о своей обиде с начала и до конца. Чиновники устремились по следам Дэ-чэна в столицу и, арестовав его, вернулись. Дэ-чэн во всем признался. Дело завершилось, и был подан доклад владыке. Тай-цзун издал повеление, и Дэ-чэна казнили в Чучжоу, а сына Ци назначили на его должность. Мать же была привлечена к ответственности за то, что не доложила сразу, но дело разобрал ее сын, и она была оправдана.

Примеч. *Вэ й* — мелкий военно-полицейский чиновник, что-то вроде пристава.

Дуаньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Гуандун.

Цзи и Цянь — то есть области Цзичжоу и Цяньчжоу, располагавшиеся на территории совр. пров. Цзянси.

Даюйлин — горный хребет, расположенный на юге уезда Даюйсянь пров. Цзянси. Горы эти выходят также на территорию Гуандуна, в уезд Наньсюнсянь. Другие названия — Тайлин, Юйлин, Мэйлин (за обилие мэйхуа, растущих у подножья и на склонах). В танское время через хребет был проложен путь, по пути были сооружены почтовые станции, а при Сун на перевале построили заставу Мэйгуань, и те, кто ехал из Гуандуна в Цзянси и обратно, пользовались обычно этой дорогой.

Шаочжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Гуандун.

Чучжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Цзянси, а Шаньян был ее административным центром.

Записки о Гун Цю

Украв золото, Гун Цю умирает от болезни

Гун Цю 龔球 был родом из столицы. Отец его получил чиновничий пост за пределами хребта, но заразился лихорадкой и умер, потому Цю долго носился, так сказать, по воле волн и скитался по югу.

В годы под девизом правления Чжи-пин Цю наконец вернулся в столицу. Он носил грубую одежду, страдал от холода, и ему не на кого было опереться. Нищенствуя, коротал Цю свои дни.

Однажды — время близилось к закату — какой-то родственник Цю по материнской линии встретил его на дороге, пожалел, подарил десять тысяч монет, помог одеждой и утварью. И Цю стал жить не нуждаясь.

А тут как раз настал праздник фонарей, запылали огни светильников, заскрипели телеги, загрохотали барабаны. Цю празднично шел следом за повозкой, крытой синим войлоком. В повозке была женщина. Вдруг она вышла и поспешно куда-то направилась, а в руках у нее был синий кошель. Цю последовал за нею и они оказались в уединенном месте.

— Я служанка из дома императорского попечителя Ли. Срок, на который я себя продала, уже истек, но Ли не хочет меня отпускать. Поэтому я сегодня вечером улучила момент и попросту убежала. И если вы позволите мне войти в ваш дом, то я хотела бы стать вашей наложницей! — сказала Цю дева.

Цю обрадовался и согласился. Они взялись за руки, дева подала Цю синий кошель, и дальше они пошли уже вместе.

Но Цю задумал обман и пошел на хитрость. Он наугад указал на какой-то переулок и сказал деве:

— Там рынок, и на рынке мой дом. Ты посиди здесь, у входа в переулок, я же пойду сказать домашним, а потом и тебя позову!

Дева не знала, что помыслы Цю полны коварства.

Цю вошел в переулок, а вышел совсем в другом месте. Потихоньку глянул он в кошелечек, а там — сплошь драгоценные жемчужины! Не смея продавать их в столице, Цю уехал в район Цзяна и Хуая и, продав одну жемчужину, получил тысячу связок монет.

Путешествуя с бродячими торговцами, Цю день ото дня богател все больше и больше. Он женился и взял служанку.

Однажды вечером Цю причалил к берегу в Чучжоу у дамбы Бэйшэнь. Стояла яркая прекрасная луна, и Цю с домашними сел пировать в лодке. Вдруг появилась маленькая лодочка — причалила рядом с лодкой Цю. Цю окликнул, не рыбаки ли, потом взгляделся — а в лодке женщина. Лицо ее Цю вроде когда-то видел, но где — никак не мог вспомнить.

— Я побывала на краю небес, во всех уголках земли, опустилась к девяти источникам, и нигде не могла найти вас — а вы тут! — сказала женщина.

«Чего это она меня искала и зачем нашла?» — подумал Цю, а женщина продолжала:

— Я та наложница, которая бежала из повозки. Вы скрылись с моим кошельком, а я до самого вечера сидела и ждала вас! А потом меня забрал начальник рынка. В доме хозяина обо всем узнали и подали жалобу в присутствие. Чиновники стали расследовать, где же жемчуг, что лежал в синем кошельке, а я не знала, что и сказать. Меня заковали в колодки, били плетьюми и батогами с утра до вечера — так, что мясо летело клочьями, а руки и ноги висели как плети! Не выдержав страданий, я в конце концов испустила дух в тюрьме. Обо всем я доложила в загробном судилище, а сегодня явилась, чтоб вы держали ответ!

— Может, ты отпустишь меня? — попросил Цю.

— Когда я вспоминаю о страданиях в тюрьме, то готова от ненависти разрубить вас на десять тысяч кусков! — отвечала ему дева.

Цю пытался смягчить ее уговорами. Но дева в гневе поднялась на лодку и плюнула в Цю. Домашние в испуге вскрикнули, дева же исчезла. Цю свалился ничком, словно пьяный, а в середине ночи вдруг очнулся и сказал жене:

— Ах, как же могут люди совершать некрасивые поступки! Ведь загробное возмездие так очевидно! Чиновник приволок меня в загробное судилище, и я увидел князя, сидевшего в огромном зале. Он был одет в пурпурные одежды и просматривал дела. «Почему ты украл жемчужины у женщины по фамилии Ван? — спросил князь. — Ты сейчас же должен признать свою вину!» И он кликнул чиновника: «Срок жизни Цю уже закончился, но поскольку госпожа Ван претерпела из-за него жестокие муки, необ-

ходимо ему за них ответить. Приказываю вернуть его в мир людей, пусть ответит за страдания!» И князь приказал чиновнику отвести меня обратно...

И вот все туловище Цю покрылось нарывами, мало-помалу нарывы покрыли и руки и ноги. Кровавая жижа из нарывов залила тюфяки и циновки. Стоял разгар лета — и вонь сделалась такая, что приблизиться было нельзя! Жена и служанка чурались Цю, муки его были нестерпимы, день и ночь Цю кричал. Наконец, руки и ноги у него обвисли как плети, и Цю умер.

Я же рассужу так. Нельзя наносить обиду — вот ведь какво загробное возмездие. Прочитавшие должны остерегаться вести себя так!

Примеч. За пределами хребта — то есть на юге сунского Китая, традиционно считавшемся гиблым местом с нездоровым климатом.

Годы... Чжи-пин — 1064—1067.

Девять источников — иносказательно о царстве мертвых.

Чэнь Гуй убивает быков За убийство быков Чэнь Гуй получает в наказание бычий облик

В местечке Таньдянь, что в уезде Фэнцю, жил некто Чэнь Гуй 陳貴, по профессии коновал. Он забил великое множество быков.

Однажды его поразил недуг. Несколько дней Гуй, как помешанный, выходил в поле и ел там траву. Домашние силой уводили его домой. Но с тех пор Чэнь ел только сено. Прошел месяц, и он умер.

А перед смертью несколько дней подряд Гуй ревел по-коровьему. А когда умирал, у него вырос хвост.

После этого прошел год, и в доме у соседа Гуя, некоего Чжана, отелилась корова. У теленка на брюхе были тонкие-тонкие белые волоски, образующие знаки «Чэнь Гуй». Все были очень удивлены. Жена Гуя хотела было выкупить того теленка и привести домой, но ночью к ней во сне явился чиновник и сказал:

— Если ты купишь того теленка, то примешь страдания от того, что придется стегать его плетью. Да и как ты смеешь перечить воле духов?! Ты будешь убита!

Жена тогда отбросила всякую мысль об этом.

Фэньян-ван Го Цзы-и Два беса из-под лежанки охраняют коня господина Го

Когда Фэньян-ван еще не был знатен, он однажды отправился по делам и заночевал в предместье столицы на крестьянском дворе.

Луна неясно мелькала в тумане, бамбуковая изгородь у дома старика-крестьянина была редкая, да и поломанная к тому же, поэтому господин [Го] стреножил коня перед хижиной.

Он лежал одиноко, не будучи в силах уснуть, как вдруг слышит: подле лампы кто-то кашлянул, но кто — не видно. Тут из-под лежанки послышалось:

— Мы вдвоем дежури́м — каждый по страже!

На исходе ночи вор украл лошадь [господина Го] — повел ее в пролом стены, и господин хотел было уже кликнуть хозяина [дома], как вдруг выползли те двое — из-под лежанки и от лампы — и схватили злодея:

— Кто ты такой и как посмел украсть лошадь у Фэньяна-вана!

И отвели лошадь обратно.

Всю ночь господин [Го] не сомкнул глаз и, едва рассвело, уехал.

Впоследствии господин покрыл себя славой, по службе дошел до высших постов, дочери его все повыходили замуж в знатные семьи, сыновья же взяли в жены принцесс. У ворот [Го] среди чиновников были только вельможи, семья его насчитывала три сотни человек, и двадцать лет [Го] не приходилось облачаться в траур.

При династии Тан [Го] был первейшим человеком.

Примеч. Го Цзы-и 郭子儀 (697—781) — прославленный танский военачальник. Происходил из семьи военных. Принял решающее участие в подавлении мятежа Ань Лу-шаня, был губернатором обеих танских

столиц — Лояна и Чанъани, а также занимал другие высокие придворные должности. За заслуги перед троном ему был пожалован титул Фэньян-вана 汾陽王, и в Фэньяне (Шэньси) полководец выстроил себе усадьбу. Из Фэньяна, кстати, происходили предки Го Цзы-и.

Два министра одного ведомства Люй и Цзя — два министра одного ведомства

Первый министр нынешней династии, покойный господин Люй Мэн-чжэн и первый министр [Люй] И-цзянь двадцать лет находились у кормила власти в одном министерстве, сменяя друг друга, сплотили вокруг себя подчиненных; управляя народом, привели в боязливое подчинение всех варваров. В Поднебесной воцарились единение и вечный праздник, а нравственность была непоколебима. У ворот домов министров сновали люди в синих и пурпурных одеждах. О, сколь славно!

Министр нынешней династии Цзя Хуан-чжун и министр [Цзя] Чан-чао последовательно занимали пост в одном и том же ведомстве, и, едва оказавшись у власти, сразу привели в порядок все запущенные дела, а сановники и служилые люди из высших слоев общества стали исправно исполнять свои обязанности. В Поднебесной этих министров звали мудрыми. Прекрасно!

Примеч. Люй Мэн-чжэн (呂蒙正 944/946—1011) — сунский сановник. Успешно сдал в 977 г. экзамены на степень цзиньши (он был первым в списке выдержавших), Люй сразу получил назначение на пост тунпая в Шэнчжоу. В 980 г. стал императорским секретарем, занял пост в придворной академии Ханьлиньюань, а в 982 г. стал каньчжи чжэнши. Высокие посты при дворе, в том числе министерского ранга, занимал неоднократно: в 988 г., в 993 г., а также в 1001 г. По отзывам современников, прекрасно разбирался в людях.

Люй И-цзянь (呂夷簡 979—1044) впервые занял министерский пост в 1028 г.; он действительно находился у власти более двадцати лет.

Цзя Хуан-чжун (賈黃中 941—996) — сунский сановник и литератор. В возрасте шести лет выдержал экзамен для способных мальчиков. Экзамен на цзиньши сдал в пятнадцатилетнем возрасте, при правлении династии Поздняя Чжоу. Служил по исторической части, в начале сунского времени управлял областью Сюаньчжоу, был чжичжигао, вошел в число членов академии Ханьлиньюань, управлял Департаментом чинов, был главным экзаменатором на столичных экзаменах. В 991 г. был назначен кань-

чжи чжэнши. Всегда проявлял внимание к талантливым людям и всячески их поддерживал.

Цзя Чан-чао (賈昌朝 998—1065) — сунский сановник и эрудит, второе имя Цзы-мин 子明. В 1017 г. получил звание цзиньши без экзаменов, за заслуги отца. Преподавал в Гоцзыцзянь, считался превосходным лектором. В 1043 г. был назначен на пост цаньчжи чжэнши, а на следующий год — начальником Шумиюаня (высший военный орган страны). Славился знаниями и острым умом.

Новое слово о крокодиле **Господин Хань пишет послание крокодилу**

Как-то читал я жизнеописание Хань Вэнь-гуна в «Танской истории». Вот что там говорилось: «На четырнадцатый год под девизом правления Юань-хэ господин был переведен на должность начальника области Чаочжоу. Прибыв на место, он обнаружил, что крокодилы там причиняют вред людям. Господин написал бумагу и вместе с жертвенным животным бросил в воды Эси — Злобного затона. На другой день вся стая крокодилов уплыла в море и остановилась, лишь преодолев тридцать ли».

Я этому очень удивлялся. В древности совершенные правители управляли так, что, случалось, тигры покидали их области, да и саранча не пересекала границ. Из бумаг господина Ханя по делам управления ясно, что он прогнал крокодилов прочь, но вот в том, что он отогнал их за тридцать ли, и крокодилы так и не смогли вернуться назад, — я сомневался.

На второй год под девизом правления Си-нин я по делам отправился к морю и стал наводить справки об этой истории: хотел знать, как выглядели те крокодилы. И один старый рыбак подробно рассказал мне всю правду:

— Крокодилы были и огромные, весом в несколько тысяч цзиней, и маленькие — но тоже не легче нескольких сотен цзиней. Плавали в воде, на суше спаривались и вылупляли из яиц потомство. Вид их — крабьи глаза, драконьи рога и тела, черепаший ноги! Хвостом могли хватать, а из носа, как слоны, выбрасывали фонтаны воды. Цвета были самого разного — от буро-желтого до темно-фиолетового. Самые маленькие крокодильчики жили в лабиринтах скал на склонах гор; яиц же крокодилы откладыва-

ли более сотни, больших и маленьких, но крокодилов из них вылуплялось два-три, а прочие — большие и малые черепахи. В воде, где обитали крокодилы, рыба не показывалась, и вниз по течению, кроме них, никого другого не было. Если же овцы, свиньи или собаки появлялись на берегу, крокодилы под водой подкрадывались к ним, хвостом сбивали в воду и пожирали. Люди очень от них страдали!

Я снова спросил старика:

— Когда господин Хань прогнал крокодилов, они уплыли, но правда ли то, что они остановились только через тридцать ли?

— Вот что я точно слышал от деда, — отвечал старец. — Господин Хань собственноручно написал бумагу и послал служащего управы [по фамилии] Ци подойти к берегу Эси, принести жертву и зачитать бумагу. Вскоре у берега появился огромный крокодил. Ци испугался и столкнул жертвенное животное вместе с бумагой в воду, а сам поспешно удалился. Оглянувшись на крокодила — а тот взял бумагу в пасть и поплыл прочь! В ту ночь был сильный гром и фиолетовые облака окутали Эси. Жители после того дня больше не терпели бед. И если в истории сказано, что крокодилы проплыли тридцать ли, значит, были сведения об этом!

Однажды рыбаки поймали на морском берегу самку крокодила — длиной не больше трех чи, и вид у нее был как раз такой, как рассказывал старец. Между чешуйками у нее торчали колючки — не дотронешься. Вида она была самого устрашающего — каковы же тогда были крупные [крокодилы]?!

Примеч. Вот что там сказано... — Оставив в стороне необычный внешний вид и диковинные повадки описанной Лю Фу популяции крокодилов, отметим, что в 819 г. Хань Юя за дерзкий доклад, в котором он порицал намерение императора ввезти в столицу мощи Будды и заодно проходилась по буддизму, объявляя его крайне вредным учением, сослали на крайний юг тогдашнего Китая, в Чаочжоу (совр. Гуандун), заменив этой ссылкой смертную казнь. И вот что сказано по этому поводу в «Новой истории [династии] Тан»: «Едва прибыв в Чао[чжоу], Юй расспросил народ о бедах и несчастьях, и ему рассказали: "В Эси водятся крокодилы, они без остатка пожрали выращенный нами скот, мы, люди, через это очень страдаем". Через несколько дней Юй лично отправился взглянуть [на крокодилов] и приказал своему подчиненному Цинь Ци бросить в воду в качестве жерт-

вы барана и свинью и зачитать молитвенное обращение <...> (Далее приводится обращение Хань Юя к крокодилам, см. ниже. — *И. А.*) В вечер после этого лютый ветер и ослепительные молнии долго бесновались в затоне, а когда спустя несколько дней вода успокоилась, [оказалось, что крокодилы] бежали на шестьдесят ли на запад, и с той поры в Чао[чжоу] нет больше крокодильской напасти» (Синь Тан шу. Т. 17. С. 5262—5263).

Г о с п о д и н н а п и с а л б у м а г у... — Читателю будет любопытно узнать, что же такое написал Хань Юй, вызвав подобную реакцию у так называемых крокодилов. А написал он следующее (привожу с сокращениями перевод акад. В. М. Алексеева): «...Я, губернатор, получил веление от Сына Неба хранить и лично опекать вот эту землю, управлять живущим здесь ее народом. А ты, о рыба-крокодил! Глаза свои выпуча, ты сидеть не умеешь спокойно в этом водном затоне и вот захватил все эти места и тут пребываешь, поедая у жителей местных их скот и дальше медведей, кабанов, оленей и ланей, чтоб на этом жиреть, чтоб на этом плодить и детей и внучат. Ты вздумал губернатору сих мест сопротивляться, оспаривать его значение и силу. Я, губернатор, хоть и слаб и даже немощен кажусь, но как могу я согласиться пред тобою, рыбой-крокодилом, поникнув головой, с упавшей вниз душой, весь в страхе, с зрачком, остановившимся внезапно, конфузом стать для всех — и для чинов, и для народа, и вообще, чтоб кое-как снискать себе здесь жизнь и хлеб?! Притом же я, приняв от Сына Неба повеленье, пришел сюда как губернатор, и ясно, что уже по положенью я не могу не спорить здесь с тобой, о рыба-крокодил! И если ты, о крокодил, способен что-либо понять, ты слушайся тех слов, что губернатор говорит. Смотри, вот область Чаочжоу: большой океан расположен на юге, большие киты и чудовища-грифы, и мелочь ракушек, креветок — все это вмещает в себя океан, не исключая ничего. Всему дает он жизнь и пропитанье. Ты, рыба-крокодил, отправишься туда поутру рано, а к вечеру, гляди, и доплывешь. И вот теперь с тобой я, рыба-крокодил, здесь заключу условие такое: к концу трех дней ты забирай с собой свое поганое отродье и убирайся в океан, на юг, чтоб с глаз долой от мандарина, здесь правящего именем царя и Сына Неба. Но если ты в три дня не сможешь, дойдем и до пяти. А ежели и в пять не сможешь дней, пойду и до семи. А ежели и в семь ты не сумеешь, то это будет означать, что ты не собираешься уйти. И будет означать, что для тебя совсем не существует губернатор, к словам которого прислушиваться должно. <...> Тогда я, губернатор этих мест, сейчас же наберу искуснейших людей из служащих моих или народа, которые возьмут по луку в руки, а с ним отравленные стрелы и с крокодилом этаким расправятся, да так, что останутся не раньше, чем тебя и все отродье истребят. Тогда не кайся, не пеняй!» (цит. по: *Алексеев В. М.* Труды по китайской литературе. М., 2006. Кн. 2. С. 118).

Второй год... Си-нин — 1069.

Записки о красной змейке Ли Бо-шэн спасает змейку и сдает экзамены

Живший при Великой Сун Ли Юань 李元, второе имя Байшань 百善, был из Гуаньчэна, что в области Чжэньчжоу. В годы под девизом правления Цин-ли его отец был назначен чиновником в уезд Цяньтансянь, и Юань поехал вместе с ним.

После праздника фонарей [Юань] отправился на экзамены: [присоединился к] плывущим на лодке по Уцзяну.

[Однажды] он одиноко прогуливался пешком по берегу, как вдруг увидел маленькую красную змейку — длиной не более чи, с багряной чешуей, узорчатым брюшком, медного цвета спинкой и пурпурным хвостом. Издали она прелестно сверкала в лучах солнца. Змейку мучил пастушок, и Юань, исполнившись жалости, купил ее за сто монет. Завернул змейку в полу халата, вернулся домой, окунул ее в ароматную воду и смыл с ран кровь, а поздно ночью отпустил в заросли травы. Сам же на следующий день продолжил путь.

На другой год Юань опять ехал на восток по Великому каналу и миновал Уцзян. Он прогуливался по длинному мосту, и тут какой-то мальчик в темном платье, подойдя к нему с поклоном, доложил:

— Сюцай Чжу желает нанести вам визит!

Юань взглянул на визитную карточку, а там написано: «Цзиньши Чжу Цюань». Тогда он поступил как полагается: надел шапку, пояс, вышел навстречу, смотрит — молодой человек, манера держаться чистая и возвышенная, походка быстрая, свободная и изящная.

— Отец велел мне пригласить вас, благородный муж, для беседы! — молвил юноша. — Наш дом всего-то в нескольких сотнях шагов от моста.

— Да, но с вашим уважаемым отцом мы раньше не были знакомы, так отчего же он зовет меня? — удивился Юань.

— Отец так сказал: «У меня старая дружба с вашим дедом». Потому и послал за вами. Отец мой уже стар и давно не выходит из дома, надеюсь, вы извините, что он сидит сиднем!

Тон приглашения был очень любезен, и Юань никак не мог отказать юноше. Они вместе перешли мост, а там у берега уже

стоит расписная лодка. Сели в нее, поднялась пара весел из коричного дерева, и лодка заскользила по волнам — как полетела. Подплыли к горе. На берегу ожидало несколько десятков людей, похожих на государственных служащих. Юань сел в паланкин и скоро оказался у красочных створчатых ворот, что возле высоких палат, охраняемых очень свирепого вида стражей. Тянулись прямые галереи, огромные дворцы достигали облаков, пурпурные терема высились в пустоте, у самой воды стояли беседки, драгоценные украшения заполняли пространство потолочных балок, ступени были выложены ледяным нефритом, ниспадающие пологи унизаны жемчужинами, окна выложены плитками шлифованной яшмы — в мире людей даже у самых знатных такого не найдется!

Вдруг видит Юань: в зале сидит старик в высокой шапке и даосском платье, а вокруг него вьются красавицы.

— Это наш господин, — сказали Юаню.

Юноша ввел Юаня в зал, Юань поклонился старику, старик поклонился ему в ответ, усадил и молвил:

— Давно уже я оставил мирские дела и потому не мог нанести вам визит лично. Я остался дома, а за вами прислал лодку — надеюсь, вы не сочли мой поступок слишком дерзким. Теперь сын привел вас, и мы можем поговорить с глазу на глаз... Когда сын мой был еще маленьким, однажды гулял он по берегу Уцзяна, и с ним случилось несчастье: его оскорбил невежественный мальчишка, и если бы вы, благородный муж, не обладали гуманной, исполненной чувства долга душой и, заплатив сто монет, не спасли ничтожную жизнь моего сына, сейчас останки его покоились бы в земле на берегу реки!

Тут Юань вспомнил, что однажды спас красную змейку.

— Этот господин, — обернулся старик к юноше, — тот человек, который вернул тебя к жизни. Ты сто раз должен ему поклониться!

Юань вскочил, желая отдать ответные поклоны, но старик самолично поднялся и удержал его.

— Вы должны сидя принимать изъявления вежливости! Да и этого недостаточно, чтобы отблагодарить вас за щедрую милость!

Тут он приказал внести вино и устроил большой пир. Утварь там была вся из золота и нефрита. И — всевозможные изысканнейшие яства. Потом вошли девушки, певшие изумительные

песни и чудесно танцевавшие, заиграла небесная музыка бессмертных — все такое, чего не встретишь в мире людей!

Вино обошло несколько кругов, Юань поднялся и сказал:

— Я — ничтожный книжник, и никаких особых талантов у меня нет, но я удостоился столь щедрой милости хозяев, что не могу сдержать огромной радости. Только вот я опасаюсь, как бы лодка, на которой я плыву, не задержалась из-за моего отсутствия. К тому же я хотел бы поскорее увидеться с отцом и матерью!

— Вы оказали моей семье такое благодеяние! — сказал старик. — И я надеюсь, что вы не покинете нас, пока наша любезная беседа не закончится.

— Тогда я хотел бы узнать поподробнее о том, как вы, князь, здесь живете, — спросил Юань.

— Вообще-то, я — дракон южного моря. В мире людей у меня были незначительные заслуги, вот Небесный владыка и послал меня жить сюда, да еще пожаловал титулом Аньлювана — Князя-усмирителя потоков. К счастью, тут реки широкие и озера глубокие, так что можно найти приют. Вода благодатная и ключи чистые — достаточно, чтобы поддержать мою старость!.. Знаю я, что вы ищете выгод от службы, чтобы покрыть почетом своих родителей, и потому хочу воздать вам ничтожной благодарностью за щедрую милость. Позвольте ли?

— Дважды уже ходил я на экзамены, но еще не был облагодетельствован высочайшим благоволением, — отвечал Юань. — Если бы я удостоился покровительства, то живой или мертвый, но добился бы славы!

— У меня есть дочь, — сказал тогда ему старик. — Лет ей еще не столько, чтобы укладывать волосы в прическу, но я хотел бы подарить вам ее, как говорится, в услужение с совком и метлою. Возьмите ее, и она поможет вам.

Еще он дал Юаню в подарок сто цзиней серебра.

— На вещи вроде жемчуга я не смею скупиться, но ведь серебро легче продать! — объяснил старик.

Тут они с Юанем распрощались, Юань вышел за ворота и снова сел в лодку, а вместе с ним села девушка, и они поплыли вместе. Вскоре пристали к берегу, чиновник донес серебро до лодки Юаня и удалился.

Юань взгляделся внимательнее в девушку — изысканно-нежная, лицо чисто-прекрасное. Спросил ее о возрасте, и она отвечала:

— Тринадцать! — И сама уже назвала свое детское имя: Юнь-цзе. Говорила и улыбалась умно, и Юань всей душою ее полюбил.

Три года спустя огласили указ об очередных экзаменах.

— Я тайком проберусь в экзаменационный двор и посмотрю, какие темы будут на экзамене, — предложила девушка.

Юань обрадовался.

Юнь-цзе вышла за ворота и вскоре вернулась, вызвав темы. Юань проверил, как говорится, легкость пера.

А на другой день, явившись на экзаменационный двор, Юань блистательно добился цели и одержал победу, заранее зная свою тему. После того, как его рекомендовали, на провинциальных экзаменах Юнь-цзе проделала то же самое — и Юань не менее блистательно выдержал экзамен. Он был назначен на должность секретаря в Даньту, что в области Жуньчжоу.

Однажды Юнь-цзе сказала, что ей пора уходить. Юань, плача, пытался удержать ее. Но та не соглашалась:

— Я получила веление князя, как же можно медлить!

Тогда Юань устроил прощальный пир, провожая ее, и Юнь-цзе сочинила стихи:

Шесть лет я здесь была в благодарность за щедрую милость,
Но в водное царство, на родину рыб пришел возвратиться мне срок.
Кто мог знать, что, поженившись, нам расстаться придется?
Но продолжится ваша старая любовь скоро с новой женой.

(Вскоре Юань женился. Но когда глядел на это стихотворение, то не мог сдержать слез.)

Юнь-цзе, вся в слезах, снова поклонилась, встала с циновки — глядь, а ее уже нет! Много раз Юань рассказывал об этом своим родственникам. Он и по сей день еще жив.

Я рассужу так. Рыбы и змеи — существа волшебные. Если увидишь их — убивать нельзя. А уж если спасешь, непременно отблагодарят. Хорошо известны рассказы о том, как в древности змеи и черепахи воздавали благодарность людям, обладавшим чувством долга, и не стоит снова пересказывать их. Но они не похожи на происшествие с Юанем — оно современно и исполнено подробностей, поэтому я и сделал из него рассказ.

Примеч. Чжэньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хэнань.

Цяньтансянь — уезд, получивший название от реки, которая здесь протекает и на которой стоит г. Ханчжоу. В пров. Чжэцзян.

Уцзян — река в пров. Чжэцзян. Берет начало рядом с г. Сучжоу в озере Тайху.

Великий канал — строительство его было начато в 605, а закончено в 611 г. при династии Суй (581—618) и оттого канал еще называют Суйским. Канал связывал север и юг страны: на севере он был доведен до совр. Пекина, а на юге — до Ханчжоу.

Мальчик в темном платье — то есть слуга.

Услужение с совком и метлою — иносказательно о жене, наложнице.

Жуньчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Цзянсу.

Юань Юань

Бессмертный старец, одушевляя мертвое тело, спасает Ли

Наставник Юань Юань 袁元 — откуда он родом, неизвестно — в грубом халате и соломенных туфлях обошел всю Поднебесную. И всегда и везде был сильно пьян.

В один прекрасный день он появился в уезде Чанцин, что в области Цичжоу. А в городе жил некий Ли, превосходивший всех своим достоянием. Проходя мимо его ворот, наставник указал пальцем на Ли и молвил:

— Подари мне на вино сотню золотом!

Ли не отказал ему в просьбе и даже на время оставил у себя. С того дня минул целый год, но Ли не выказывал ни малейшего неудовольствия.

— Уже давно я стесняю вас! — в один прекрасный день Юань стал прощаться с Ли. — Теперь собираюсь в дальний путь и, если вы на прощание угостите меня вином, то это будет верхом хозяйского гостеприимства! А я тоже вас кое-чему научу.

— Ладно! — отвечал Ли и вместе с наставником направился в винную лавку. Когда пир был в самом разгаре, наставник сказал:

— Вас ожидает большая беда. Сможете быть осмотрительным, тогда избежите ее, а если нет — стороной не обойдет.

— Как посмею я послушаться драгоценного вашего наставления! — отвечал Ли.

Тогда наставник достал кисть и написал на ладони Ли иероглиф «осмотрительность».

— Остерегайтесь вступать в драку. Если станете биться, противник умрет. Месяц не выходите за ворота — тогда все будет в порядке.

Вернувшись домой, Ли неотступно день и ночь соблюдал слова наставника и не смел перешагнуть порог.

Минуло полных десять дней, и однажды Ли услышал за воротами громкие крики. Забыв про наставника, Ли вышел взглянуть, в чем дело. Смотрит — какой-то хромой нищий, стоя перед закладной лавкой Ли, поливает ее хозяина непристойной руганью. Ли пришел в гнев и ударил его. Хромой упал на землю и головой ударился о дверной порог — замер, не дышит! Прошло уже много времени, а нищий так и не подал признаков жизни.

В великом горе зарыдал Ли.

— Не послушался я совета наставника, — сказал он матери. — Вот и случилась большая беда! И бежать мне нельзя — как покинуть вас, матушка?!

Ли очень переживал: ведь по характеру своему он был в высшей степени почтителен к родителям.

— Если сейчас бежать, то еще можно спастись! — возразила мать. — Не сиди и не жди, пока свяжут!

Тогда Ли вышел из дома через заднюю дверь и бросился прочь. Глядь — наставник! Ли, рыдая, стал кланяться.

— После того, как мы расстались, прошло десять дней, я беспечно отнесся к вашим советам, и сегодня все случилось так, как вы говорили, наставник! Что же теперь делать?

— Возвращайтесь, я что-нибудь придумаю! — был ответ.

Уединившись с Ли в тихой комнате, наставник сказал:

— Выйдите и дайте себя схватить, а я что-нибудь придумаю!

Наставник закрыл двери и смежил веки.

Ли вышел из ворот — любопытные запрудили всю улицу, и чиновники тут же связали его.

Вдруг хромой поднялся и сел, а вскоре пошел и стремительно скрылся из глаз. Тогда чиновники отпустили Ли и велели ему возвращаться домой.

Войдя в комнату, Ли увидел, что наставник все также чинно сидит с закрытыми глазами — будто погруженный в созерцание. Только на другой день наставник, наконец, открыл глаза и сказал:

— Поскольку хромой, конечно же, умер, я ввел свой дух в его тело и заставил идти. Я отогнал его прямо на берег ручья в пещеру на горе Линьяньшань, в место, куда еще не ступала нога человека... Вы очень почтительный сын, за это вам полагалось хорошее воздаяние — срок вашей жизни составлял семьдесят четыре года. Но сегодня, убив человека, вы на четыре года сократили его!

И наставник собрался уходить.

— В благодарность за ваше благодеяние — возрождение мертвого к жизни — недостаточно всего того, что есть в моем доме! — воскликнул Ли. — Представить даже не могу, чего вы желаете, наставник?

— Да ведь я то исчезаю, то появляюсь вместе со звездами, я долговечен, как небо и земля, — улыбаясь, отвечал Юань. — На что же мне земные ценности?

И ушел.

Примеч. Ци ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Хубэй.

Линьяньшань — гора в провинции Цзянсу, недалеко от г. Сучжоу. Наивысшая ее точка находится на высоте 182 м над уровнем моря. Гора славится камнями причудливой формы, среди которых наибольшей известностью пользуется так называемый «камень-личжи» (легендарный гриб бессмертия), стоящий перед пагодой Линьяньта. На самой горе и в ее окрестностях расположено несколько буддийских храмов. По преданию, здесь Су Ши встречался со своими друзьями-буддистами.

Записки о встрече с мертвым После смерти Шэн-цзинь выходит замуж за Сун Лана

Ху Фу 胡輔 был родом из столицы. И дед, и отец, и братья его — все, как говорится, заполнили имена в управлениях и министерствах, и в свое время [Фу] весьма успешно последовал их примеру.

Жена Фу родила девочку, и ее назвали Шэн-цзинь 勝金.

Девочке исполнилось четырнадцать, и она была очаровательна и привлекательна, а поведения — строгого и добропорядочного. Родители Шэн-цзинь души в ней не чаяли и выделяли ее среди прочих детей.

Однажды дети и мать сидели за едой, и вдруг Шэн-цзинь ушла в комнаты — было слышно, как она там с кем-то разговаривает. Мать окликнула ее и спросила, в чем дело, но Шэн-цзинь не отвечала, лишь улыбалась. У матери зародились подозрения.

В эту ночь Шэн-цзинь заболела, а в полночь вновь с кем-то заговорила! Мать подкралась потихоньку, стала подслушивать, но слов так и не разобрала.

Днем дочери стало лучше. Мать пристала с расспросами.

Шэн-цзинь, покраснев от стыда, отвечала:

— Прошлой ночью приходила Пятая госпожа, корила меня, приказывала выйти замуж за Сун Эр-лана!

(А Пятая госпожа была кормилицей Шэн-цзинь и уже несколько лет как умерла. Эр-лан же был одногодок Шэн-цзинь, умер маленьким.)

Мать очень перепугалась.

На другой день Шэн-цзинь вышивала по шелку, как вдруг быстро встала и ушла в дом. Мать окликнула ее несколько раз, и Шэн-цзинь отвечала:

— Пятая госпожа уже привела Сун Эр-лана!

Шэн-цзинь снова слегла.

Позвали мага-шамана совладать с нечистью, тот перепробовал множество способов, но облегчения все не было.

Долго Шэн-цзинь лежала ничком на подушке, днем и ночью, живая еле-еле — будто спит, и лишь чуть слышно что-то бормотала про себя. Она вовсе не ела, пила один бульон — остались от нее кожа да кости, и все это вызывало большое беспокойство у родных.

Однажды Шэн-цзинь поднялась и села. Позвала мать и сказала:

— На рассвете Сун Эр-лан встретит меня, пришел срок взойти в паланкин. Я очень приглянулась Сун Эр-лану!

Домашние сделали ей прическу. Шэн-цзинь потребовала себе новую одежду, потом повалилась на спину и — умерла!

Вся семья лила слезы, а пуще всех — отец с матерью. Отец похоронил тело Шэн-цзинь за городской стеною. Множество могил высилось там — никто не знал им числа — и одна была неподалеку от Шэн-цзинь. Пошли посмотреть — а это захоронение семьи Сун!

Все дивились этому.

А я рассужу так. Вот уж воистину видно здесь, на что способны призраки! Что же удивительного в том, что даже днем они пугают людей и в конце концов могут довести человека до эдакого? Прочитав историю про Цзян Дао, про останки девы из Юэ и про Шэн-цзинь, благородные мужи все без исключения вздыхают в изумлении — потому-то такие истории и сохраняются.

Примеч. История про Цзян Дао... — Речь идет о предшествующем рассказе «История Цзян Дао» 蔣道傳 сборника Лю Фу, сюжет которого пересказан мною в предисловии к этим переводам. Что же до истории про останки девы из Юэ, то это довольно обширная новелла чуаньци, она также содержится в сборнике Лю Фу и называется «Записки о деве из Юэ» 越娘記. Содержание ее сводится к следующему. Путешествуя, книжник по имени Ян Шунь-юй однажды ночью в хмельной отваге заехал в места, о которых шли дурные слухи, и, потеряв в темноте дорогу, попросился на ночлег в единственную попавшуюся ему на пути хижину, чрезвычайно бедную на вид, где одиноко жила некая женщина. Ян пристал к ней с расспросами и она призналась: «Я не человек, жила я во времена молодого государя Поздней Тан. Мой муж получил приказ отправиться в Юэ и там взяться, что называется, за лук и стрелы. А я должна была возвращаться домой. Но муж мой был груб с подчиненными, и его убили взбунтовавшиеся солдаты. В то время в Поднебесной случилась большая смута. Один солдат захватил меня и сделал своей женой. Но его тоже убили. Я остригла волосы и испачкала лицо грязью, чтобы скрыть свою красоту. Решила потихоньку бежать на родину. Днем пряталась, а ночью шла. Дошла сюда, но здесь меня схватили разбойники и силой затащили в леса — готовить им еду и чинить одежду. Не стерпев издевательств разбойников, через несколько дней я повесилась на древнем дереве». Во время беседы Ян разглядел, что, несмотря на лохмотья, женщина весьма красива, и предложил ей не ограничиваться беседой, но развить отношения гораздо более близкого характера, что женщина отвергла, в свою очередь обратившись с просьбой: «Мои кости похоронены в неизвестности, и никто не знает, когда и где. Но если вы, господин, однажды вернетесь сюда и, как полагается, захороните мои останки, то успокоенная моя душа будет вечно перед вами в долгу». Ян выполнил просимое, и женщина ответила ему взаимностью, однако же через несколько месяцев Ян слег в болезни — сексуальное взаимодействие с душой умершей сводило на нет его жизненные силы. Женщина, любя его,

ушла, прервав связь, а Ян обратился к даосу — чтобы вернуть ее. Вышло плохо: оказалось, что, прознав о том уроне, который женщина причинила Яну, ее подвергли загробному наказанию. Мораль Лю Фу: «О, как глуп Шунь-юй! Сначала он совершил доброе дело, перезахоронив брошенные кости, даже не помышляя о разврате, — разве не прекрасно? Но потом, сблизившись с девой, Шунь-юй изменил своей добродетели, да так, что мог и умереть — столь велико было его сладкое омрачение! Подобным образом погибали многие, кто столкнулся со сладким омрачением, и живым надо бы об этом помнить. Потомки должны остерегаться таких вещей».

Как видно, все три рассказа повествуют о взаимодействии с душами умерших и о важнейшем для этих душ деле: правильном захоронении их бренных останков.

Дун Гоу **Ночью проезжает через горный храм и** **слышит лис-оборотней**

Дун Гоу 董邁, второе имя Ци-дао 濟道, был из Силю. Он хорошо учился и был талантлив.

Однажды, направляясь в Ичжоу, Дун остановился на ночь в горном буддийском храме на границе области. В храме жил только один монах.

Ночь выдалась глухая и темная. Дун зажег свечу и уселся. Вдруг слышит — за окном смех, шаги в галерее, кто-то перекликается и разговаривает, кто-то дерется и плачет! Тут в окно просунулась чья-то рука, а в ворота принялись колотить камнем. На кухне бесы дрались за еду, в лесу злобно ухали филины, но вот прокричал петух, и все затихло. Гоу за всю ночь так и не сомкнул глаз.

Когда рассвело, он принялся расспрашивать монаха и тот отвечал:

— Очень много тут оборотней, бесов и удивительных тварей! Другие монахи, бывает, забредают сюда, но ночевать опасаются, случалось — даже умирали [от страха]. Лишь я, старый монах, уже несколько лет живу здесь один. Сначала мне тоже было очень страшно, но шли дни, а вреда мне никто не причинял... Недавно тут останавливался на ночь один путник, так он едва отворил дверь, собравшись по малой нужде, — как тут же его нечисть и уволокла!

— Ну, а вы, учитель, наверное знаете какие-то заклинания, раз можете жить здесь? — спросил тогда Дун.

— Ничего такого, — отвечал монах. — Просто днем я читаю по несколько цзюаней из «Алмазной сутры». И все. Тому, у кого на сердце нет страха, нечисть ничего не сможет сделать!

Тогда Дун написал на стене в храме стихи. Вот они:

Терновник в храмовом дворе вонзил колючки в облака.
Поблизости здесь нет жилья — лишь дикий и дремучий лес.
Средь бела дня в глухой степи снуют лисицы взад-вперед,
И призраки встают во тьме поблизости от мрачных вод,
И бесы гор друг друга кличут — мрак ложится на луну,
И ветер мутный длит звериный злобный крик.
С зажженной свечой рассвета жду, ну разве можно спать?
Пусть накрепко я запер двери, ночь дрожу от страха!

Я рассужу так. В глухих горах, в глубоких ущельях, в густых лесах, среди спутанных трав необычайные таятся существа. Что же удивляться, коли Гоу заночевал в горном храме и был столь напуган, что всю ночь не сомкнул глаз!

Примеч. Ичжоу — область, располагалась на территории совр. Пров. Сычуань.

«Алмазная сутра» (金剛經 «Цзинь ган цзин») — один из самых популярных в старом Китае текстов махаянского буддизма — «Ваджраччхедика Праджня-парамита сутра» («Сутра о запредельной премудрости, отсекающей заблуждения алмазным скипетром»), кратко излагающая суть доктрины *праджняпарамиты* (великого просветления). Была переведена на китайский язык Кумарадживой на рубеже IV и V вв.

Господин министр Чжан Хуа С помощью резного столба разоблачает лиса-оборотня

Во времена Цзинь некий путник, проплывая по императорскому каналу, причалил к берегу. Дело шло к полуночи, как вдруг путник услышал звуки тихой беседы. Вгляделся — а это лис сидит у резного столба!

— Мне ныне уже сто лет от роду! — говорил лис. — Я много слышал и видел. Пойду-ка нанесу визит господину министру Чжану.

— Господин министр Чжан Хуа — человек обширнейших познаний, тебе вовсе не следует к нему ходить! — вдруг раздался голос из столба.

— Нет, я уже решил! — отвечал лис.

— Иди, только потом не впутывай в свои делишки старшего брата! — отвечал столб.

И лис ушел. А путник не разобрался и подумал, что этот «господин министр» — какая-то родня [резного] столба.

В один прекрасный день путник стал свидетелем того, как какой-то человек, с виду ученый муж, явился с визитом к господину Чжану. Они уселись, завязалась оживленная беседа. Гость часто произносил разные удивительные слова, что называется, выходявшие за пределы смысла.

Министр пришел в восторг, но про себя подумал: «Какой одаренный человек! Но как же я никогда не слышал его имени, коли он живет в пределах Поднебесной? Наверняка оборотень!»

И позвал чиновника.

— Приказываю доставить сюда, ко мне, недостойному, резной столб сухого дерева, что находится к юго-востоку от переправы.

При этих словах ученый изменился в лице.

Вскоре столб принесли. Господин Чжан приказал его [зажечь] и осветить ученого. Ученый в ужасе поскакал вниз по ступеням, превратился в старого лиса и удрал прочь.

Тут путник вышел вперед и доложил:

— Однажды ночью я ночевал у моста и слышал, как этот лис <...>¹ но почему, когда подожгли столб, лис принял [свой истинный] облик и сбежал?

— Только духи знают духов, и только оборотни знают оборотней, а этому уже сто лет! Когда же зажгли столб, то лис <...>² его слова, устыдился и бежал, — отвечал министр.

Известно, что лисы могут быть оборотнями, так же бывает и в наши дни.

Мое же суждение таково. Уже одних подобных разговоров о превращениях оборотней вполне достаточно, чтобы расстроить

¹ В китайском тексте утрачено пять иероглифов.

² В китайском тексте утрачен один иероглиф.

человека. И если бы не благородный муж обширных познаний, то как тогда распознали бы лиса?!

Примеч. Цзинь — государственное образование, существовавшее в период с 265 по 420 г.

Резной столб — в данном случае речь идет о столбе, устанавливавшемся у почтовой станции с целью, с одной стороны, обозначить наличие и статус этой самой станции, а с другой — для разных записей и объявлений.

Чжан Хуа (張華 232—300) — эрудит, литератор и государственный деятель при цзиньском дворе. Рано осиротел и очень нуждался, потом выдвинулся и принял участие в покорении царства У, за что двор пожаловал ему титул Гуань-хоу 廣武侯. Был наставником наследника трона, министром. Славился изяществом и легкостью литературного слога, а также мудрой прозорливостью. Талантливый полководец. До нас дошли некоторые его произведения, в том числе «Бо у чжи» (博物志 «Обширное описание вещей»), а также 32 стихотворения. Легендарная личность, с именем которой связано множество рассказов.

Данный текст представляет собой вариант более обширного и, надо признать, гораздо более вразумительного рассказа, содержащегося в сборнике «Соу шэнь цзи» (搜神記 «Записки о поисках духов», цз. 18, № 421) Гань Бао (干寶 VI в.). У Гань Бао мотивация визита лиса-оборотня (кстати, не столетнего, а тысячелетнего) к Чжан Хуа состоит в том, что лис хочет испытать обретенные им волшебные возможности на мудром человеке, прозревающем суть вещей, и уверен, что разоблачить его подлинную сущность тому не удастся; резной же столб (тоже тысячелетний, оттого-то в нем и обитает дух) предостерегает товарища от опрометчивого поступка; лис не слушает, идет к прославленному министру и вступает с ним в беседу. Чжан Хуа видит, что перед ним существо необычайное, и не дает ему уйти, а напротив, решает испытать собаками; лис этого не боится — и министр утверждает во мнении, что перед ним нечисть матерая: «Если осветить его огнем тысячелетнего дерева, да еще сухого, он вмиг предстанет в своем истинном облике!» Отправляют людей срубить резной столб, у столба посланцам является мальчик в синем: «Этот старый лис лишился ума, он не послушался совета, и вот сегодня до меня дошла беда, и мне от нее никуда не убежать». Столб срубили, подожгли, осветили гостя: и правда, пестрый лис. «Эти две твари недооценили меня, — заявил Хуа, — больше таких тысячелетних оборотней не будет» (в русском переводе Л. Н. Меньшикова этот рассказ см. в кн.: *Гань Бао. Записки о поисках духов. С. 418—421*). Вообще же мотив обретения волшебных свойств древним предметом (камнем, зеркалом, пр.) в старой китайской прозе, а равно и в повседневном сознании китайцев — был довольно распространенным.

Записки о шаншу Сюэ

Записки об оборотнях-обезьянках в очаге

Шаншу Сюэ Фан 薛放 был назначен начальником области в Хэнань, а выйдя в отставку, поселился в столице. Сюэ весьма внимательно относился к домашнему хозяйству, утром и вечером непременно обходил весь дом с проверкой, опираясь на посох.

Поднявшись однажды утром, он пришел в кухню и заметил в очаге какое-то подозрительное свечение. Сюэ разгневался на кухарку — почему она не погасила лампу и зачем поставила в очаг?

Подошел поближе, пригляделся. Видит — маленькая обезьянка, ростом шесть-семь цуней! Перед обезьянкой — крошечный стол, в окружности чи с небольшим, [на столе] еда в блюдах, совсем мелкая, но искусно приготовленная. Тут вдруг появилась еще одна лампа, а с ней — вторая обезьянка! Уселась есть напротив первой.

Сюэ очень удивился и ткнул в обезьянок посохом, но конец посоха до обезьянок не достал, хотя очаг был и неглубокий. Тогда шаншу позвал жену, детей и слуг. Все были в недоумении.

Вдруг обезьянки поставили лампы в блюда, блюда себе на макушки и, неся их на голове, совсем как люди, вышли из очага. Дойдя до входа в зал, они снова поставили лампы и тарелки и стали есть — будто рядом никого не было!

Сюэ в ужасе послал детей на поиски знахаря-мага, чтоб тот отвел беду. Только вышли за ворота, как лицом к лицу столкнулись с ехавшим на лошади даосом. Даос спросил сына Сюэ:

— Вы, молодой господин, в явном замешательстве — верно, что-то случилось? Тот-то я смотрю: в этом доме очень-очень силен нечистый дух! всю жизнь я посвятил даосскому искусству, и хотя отвести грозящую беду бывает трудно, если у вас действительно что-то случилось, то я вам, молодой господин, помогу!

Обрадовавшись, сын Сюэ пригласил даоса в дом. Сюэ вышел его встречать в парадном облачении, а домашние кланялись даосу в ноги. Усадили гостя в главном зале.

Обезьянки при виде даоса ни малейшего страха не выказали.

— <...>¹ несколько поколений, нанесших глубокие несправедливые обиды, — сказал даос. — То, что они сюда сегодня явились — малая беда!

Сюэ с женой и детьми рыдали от горя, долго просили даоса помочь.

— Вам повезло, что мы встретились. Я спасу вас от напасти. И хотя эти существа и были когда-то несправедливо замучены, но вы можете от них избавиться! — ответил наконец даос.

— Явите милость! <...>² только бы отделаться от них! — взмолился Сюэ.

— Обезьянки должны поставить свои блюда вам <...>³ на голову и там поесть. Тогда уйдут. Вы согласны? — спросил даос.

Сюэ не рискнул согласиться на подобное. А домашние сказали:

— Да это же оборотни! Как можно, чтобы они залезли на голову?! Просим, придумайте, наставник, какой-нибудь другой способ!

— Ну, а что вы скажете, если они сначала поставят вам блюдо на голову, а потом залезут в него и так поедят? — спросил даос.

— Нет, нет, и это невозможно! — ответили домашние.

— Увы, другого способа нет! — сказал даос.

Сюэ снова долго слезно его умолял.

— В вашем доме есть кухонный сундук? Тогда вы, господин, войдите в него, а обезьянки поедят сверху. Как вы на такое посмотрите?

Все согласились. Тут же принесли деревянный сундук, постелили внутрь одеяло, Сюэ влез в него, и дверцы закрыли. Обезьянки забрались на сундук, расставили блюда и лампы. Домашние <...>⁴ со слезами окружили сундук. А тут и даос исчез неведомо куда. <...>⁵ испугались <...>⁶ искали повсюду. Тут и

¹ В китайском тексте утрачено три иероглифа.

² В китайском тексте утрачен один иероглиф.

³ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

⁴ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

⁵ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

⁶ В китайском тексте утрачено два иероглифа.

обезьянки вместе с едой и лампами пропали. <...>¹ открыли сундук, а там — никого! Второпях бросились искать — ни следа!

Тогда [домашние Сюэ] облачились в траурное платье, выбрали благоприятный день и похоронили тот сундук.

Примеч. Сундук. — Как известно, в X—XI вв. китайцы еще не знали мебели с вертикально расположенными створками; до широкого проникновения в их традиционный повседневный быт стульев и столов на высоких ножках вся домашняя жизнь была сосредоточена на полу, на который по мере необходимости выставлялись, а потом убирались предметы обихода (как это принято до наших дней в традиционном японском жилище); хранилища для вещей тогда представляли собой невысокие, сантиметров в пятьдесят, сундуки с открывающимся верхом; с течением времени и распространением мебели в нынешнем понимании этого слова подобные «хранилища» также стали выше — некоторые были даже выше человеческого роста, однако же открывались они по-прежнему сверху, так что иногда для проникновения внутрь приходилось даже вставать на невысокую скамеечку.

Ма Фу

Оседлав во сне дракона и змею, одерживает победу на экзаменах

В годы правления под девизом правления Тянь-шэн Ма Фу 馬輔, собираясь на императорские экзамены, увидел во сне себя летящим на драконе и счел это весьма дурным предзнаменованием.

В тот год он победил в округе и выдержал экзамены в провинции.

Ночью Фу во сне снова оседлал огромную змею и взмыл в небо, и полет был очень стремительный.

Фу испуганно сказал:

— Раньше во сне я сидел на драконе, а сидеть на драконе — очень плохо. Сегодня же я оседлал змею, теперь уж ясно — дело дрянь!

Когда же на императорском дворе стали выкликать победителей, то сначала назвали Лун Ци, следующим — Шэ Ци, а потом уж — Ма Фу. Эти три человека непрерывно следовали друг за другом.

¹ В китайском тексте утрачен один иероглиф.

Удивительно! Знатность свою он за несколько лет до этого видел во сне!

Примеч. Годы... Тянь - шэн — 1023—1031.

Лун Ци... — Здесь, собственно, и раскрывается пророчество сна: Лун Ци 龍起 — дословно «взмывает дракон», а Шэ Ци 蛇起 — «взмывает змея». То есть, если бы Ма Фу истолковал сны правильно, то ему нечего было бы волноваться, поскольку тогда он бы понял, что пройдет на экзаменах третьим, первым же будет человек по фамилии Лун («Дракон»), а вторым Шэ («Змея»).

Белый дракон-старик Нэйхань Чжэн превращается в дракона

Когда Чжэн Се еще не был знатен, однажды охватила его болезнь и несколько дней подряд все не было улучшения. Се очень страдал. Вдруг во сне оказался в некоем месте — вылитые дворцовые палаты! Некий чиновник очень почтительно его встретил.

— О, как утомил меня мой недуг, весь так и горю! Мечтаю только о прохладе! Остудить бы тело! — сказал ему Чжэн.

— Купальня для вас уже готова! — отвечал ему чиновник.

Он отвел Чжэна в комнату и там посреди был бассейн шириною в несколько чи, выложенный плитками из светлой яшмы. Вода блестела прелестно и была на удивление чиста и холодна. Чжэн сел на плиты и омочил тело водою. Тут видит — на плечах у него появились белые чешуйки, а тень сделалась такая, будто на голове вырос рог! Испугавшись, Чжэн кинулся бежать.

— Это пруд нефритового дракона! — объяснил ему чиновник. — О, как жаль, что вы, господин, не вошли в воду. Ведь тогда вы непременно стали бы очень знатны! Но вы лишь омочили себя водою, и теперь я не знаю, будет ли высок ваш взлет. Но, к счастью, вашему сами вы — белый дракон. Значит, знатны будете, хотя наивысшей знатности и не достигнете.

Тут Чжэн очнулся, прошло самое малое время, и его прошиб пот.

Впоследствии он сдал экзамены и стал неипервейшим в Поднебесной. Чжэн сочинил стихотворение и подарил его другу. Вот оно:

Я бывал на экзаменах — выдержал наипервейшим.
 В чередѣ превращений я облик свой прежний прозрел.
 Грянет гром — подымаюсь я в небо высоко:
 В поднебесье парит белый старец-дракон.

Всю свою жизнь Чжэн славился как первый в Поднебесной по литературным талантам и всегда выдвигал способных людей!

Примеч. Чжэн Се (鄭解 1022—1072) — сунский ученый, эрудит, сановник. Довольно рано снискал себе славу литературным талантом. Получив степень цзиньши в 1053 г., много и успешно служил как при дворе, так и в провинциях. В 1068 г. Чжэн Се стал членом придворной академии Ханьлиньюань (здесь об этом сказано *нэйхань*), а также был назначен управлять столицей — Кайфэном. Но на следующий год из-за несогласия с реформами Ван Ань-ши был услан из столицы служить в провинцию. В изящной словесности Чжэн Се ориентировался на Хань Юя и Лю Цзунюя. В его поэзии звучат темы социальной несправедливости и народных бедствий. Известна и его пейзажная лирика.

Записки о глиняном ребенке

Стражник по имени Цянь Цянь 錢千 шел однажды по берегу реки. Вдруг видит — на поверхности воды глиняный ребенок! Блестит чистыми красками. Цянь [его] выловил и принес домой жене.

— Вы принесли мне это потому, наверное, что у нас нет детей! — сказала жена. Сшила [для глиняного ребеночка] шелковую одежду, днем не спускала с рук, а на ночь укладывала в спальне.

Однажды вечером глиняный мальчик обмочил циновки, и Цянь выбросил его в канаву.

Среди ночи мальчик вернулся — вошел в ворота и, рыдая, стал просить жену Цяня дать ему грудь, а потом забрался на кровать и спрятался под одеяло.

Цянь испугался и пошел к некоему Кану погадать, [что все это значит].

Раскинув гадальные бирки, Кан сказал:

— Дело имеет отношение к судьбе всех нас троих!

Цянь рассердился, потребовал применить заклинания.

— Как вернетесь домой, — отвечал Кан, — возьмите нож и рубите его. Должно помочь избавиться от наваждения.

Цянь наточил меч, подождал, пока морок появится, ударил — услышал крик. Взял свечу, смотрит — а оборотня нет! Его собственная жена лежит в луже крови...

Назавтра Цяня по приказу властей схватили, и он показал, что его подучил Кан. Послали за Каном, чтобы тот дал показания, но оказалось, что Кан повесился. Так и не смог Цянь оправдаться, и его казнили в восточной столице.

Примеч. С этого места начинаются восстановленные Чэн И-чжуном фрагменты, данные в издании 1983 г. в приложении.

У Да меняет имя

У Да 吳大 — торговал туфлями на мосту Хунфэйцяо. А сосед его Ван Эр-шу 王二叔 зарабатывал на жизнь шитьем обуви, и оба они трудились ко взаимной выгоде.

— У меня есть дочь, — сказал однажды Ван, — хочу с вами породниться.

— Согласен! — отвечал У.

Заклучили брак, а потом Ван умер.

Прошел год.

Как-то вечером У возвращался домой. Пройдя сотню шагов, он вдруг увидел приближающегося к нему с востока Вана. Они приветствовали друг друга, и Ван пригласил У в винную лавку.

— Да ведь вы уже умерли! — воскликнул У. — Отчего же явились мне?

— Правда ваша, — отвечал Ван. — Моя дочь удостоилась вашего милостивого расположения, и я в загробном мире испытываю глубокую благодарность. Поэтому сегодня я и пришел с вами повидаться. Ведь я теперь назначен управлять мостом [Хунфэйцяо]. Так вот: очень скоро под ним погибнут пятьдесят три человека, в том числе и вы, господин! Поменяйте имя и фамилию и в ближайшее время на мост не подымайтесь! Запомните!

Вышел за ворота и пропал.

Вскоре, когда У торговал рядом с мостом, аккуратно после полудня мост обвалился, и задавленных действительно оказалось пятьдесят три человека. Ну не удивительно ли?

Примеч. Как мы видим, Ван Эр-шу, в загробном мире назначенный на должность управляющего мостом, использовал служебное положение, дабы уберечь У Да от беды. Правда, данная ситуация вступает в некоторое противоречие с идеей предопределенности срока жизни, весьма популярной в старом Китае: ведь если У Да уже попал в список тех, кому суждено было погибнуть под мостом, ничто не могло изменить его участи. С другой стороны, если У Да поменял имя, а под мостом все равно погибли пятьдесят три человека, то кто заменил У Да и как в таком случае звали погибшего? Воистину — удивительно! Интересно сравнить эту историю с «Серебром сюцая Ли» (см. ниже), где Яо, который, в силу своего загробного статуса, легко мог бы помочь нуждающемуся приятелю, заявил, что не пойдет на злоупотребление. Очевидно: то, на что может решиться простолюдин, неприемлемо для истинного цзюньцзы и ученого мужа как в земной, так и в загробной жизни.

Серебро сюцая Ли

Сюцай Ли был из Лянчжоу. Жил бедно и, [чтобы прокормиться], устроил начальную школу для ребятишек. В день к нему приходило не больше десятка учеников, и того, что они платили за учение, часто не хватало.

Однажды Ли свалила болезнь, и он в мучениях скончался, а на другой день вдруг ожил.

— После смерти под землей я встретил чжуаньюаня Яо, — рассказал он жене. — Он там ведает записями положенной живым одежды и пищи. В былые дни мы с Яо вместе служили и ладили. «Вы так бедны, а потому пока возвращайтесь! — сказал мне Яо. — Хотя в моем ведении пребывают одежда и пища, на злоупотребления я не пойду, однако дарую вам, сударь, еще десяток учеников и серебряную пластинку — вот все, что я могу для вас сделать».

После этого крестьяне вдруг стали присылать к Ли детей учиться — и, по сравнению с прошлым, учеников действительно стало на десять человек больше! А когда Ли однажды стал убираться в комнате, нашел серебряную пластинку.

Увы! Если даже количество учеников — и то предопределено загробными властями, неужели имеет смысл загадывать, как сложится карьера, сколько лет отпущено прожить на свете и каким будет жалованье на службе!

Примеч. Ля н ч ж о у — район совр. Гуйчжоу.

Ч ж у а н ь ю а н ь — почетное звание для победителя на высших государственных экзаменах: дворцовых испытаниях в присутствии императора.

Министр Коу рушит храм

Когда министру Коу Чжуню было девятнадцать лет, чжуаньюань Су И-цзянь на экзаменах в столице прошел третьим и был назначен управлять уездом Бадунсянь.

В пределах уезда издревле был храм, как назывался — [никто] не знал.

Однажды к старому начальнику уезда во сне явился рыдающий дух и сказал: «Скоро приедет первый министр, и я не смею тут оставаться! Хоть насильно оставляй — все равно прогонит!» «А кто этот министр?» — спросил у него [Су]. «Скоро сами узнаете, а я не смею открыть вам этого!» — отвечал дух. Тут Су проснулся и обо всем рассказал сослуживцам.

Вскоре прибыл правительственный вестник с указом о том, что Коу должен сменить [Су].

И поскольку у того храма не было названия и на плане уезда он обозначен не был, его разрушили.

Да! Действительно, дух заранее знал, что его храм снесут и что Коу станет впоследствии министром! Жалуюсь, что остаться здесь ему никак невозможно, дух, конечно, имел в виду прямоту и решительность Коу.

Примеч. Су И-цзянь (蘇易簡 958—997) — сунский сановник, в 980 г. действительно держал экзамены в столице, однако по списку выдержавших прошел не третьим, а первым. Много служил в столице и провинциях.

Б а д у н с я н ь — уезд, располагался на территории совр. пров. Хубэй.
К с т а р о м у н а ч а л ь н и к у у е з д а... — То есть к Су.

Красное сияние Чжан Ю

Цзиньши Чжан И приехал из Эчжоу в столицу сдавать экзамены. Испытания закончились, но списки выдержавших еще не

были вывешены, и Чжан с компанией однокашников бродил по винным лавкам.

Вдруг навстречу им — какой-то человек. Поклонился Чжану и говорит:

— Вы, сударь, непременно будете в списках, но вам следует держаться двух красных сияний. Пока они горят над вашей головой, беспокоиться не о чем, а померкнут — и вы не уберетесь. Опасайтесь!

Сказал и исчез.

Чжан действительно выдержал экзамен, был назначен на должность и отправился к месту службы. Его начальником оказался человек по имени Хэлянь Ли — те самые «два красных сияния».

Вскоре Хэлянь умер, и Чжану тоже дали отставку от должности. Видно, все predetermined заранее, и избежать этого даже мудрому нельзя!

Примеч. Чж а н И 張誼 — чиновник времен правления династии Поздняя Тан (923—936). В годы под девизом правления Чан-син (930—934) действительно выдержал экзамен на цзиньши.

Э ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Хубэй.

Х э л я н ь Л и. — Простая игра иероглифов: первый иероглиф фамилии «Хэлянь» пишется 赫, что составляет пару иероглифов *чи* 赤, «красный», т. е. — два «красных», на что и намекал Чжану незнакомец.

Цзиннаньский господин Чэнь

В год под девизом правления Цянь-син, когда Чжан Цзюньфан стал помощником правителя Цзянлина, начальник области Ли Тань 李坦 занемог, и дела в управе пришли в упадок. В столицу был послан чиновник, но никаких известий о замещении должности больного еще не поступило.

А в это время *либу* Чэнь Цун-и пожаловали должностью налогового эмиссара в провинции Цзинхунаньлу. Чэнь выехал из Хэн[чжоу] в Шао[чжоу] и там задержался, разбирая весьма запутанное дело. Покинув Шао[чжоу] и проделав два конных перехода, он пересел на лодку. Заночевал в буддийском храме. Около полуночи проснулся: одна из служанок стала метаться во сне с

криками, словно в бреду. [Чэнь] поднялся, окликнул ее, девушка очнулась и вот что рассказала:

— Только что во сне я видела человека в белых одеждах, в шапке, очень внушительного и грозного с виду. Почтительно прижав руки к груди, он сказал: «Господин сюэши получил в управление Цзиннань. Я, пятый господин из Цзиннани, пришел сообщить ему об этом. Надеюсь, он найдет время разобраться».

Чэнь очень удивился.

А после того, как он приехал к месту службы, действительно прибыл с курьером указ о его назначении [в Цзиннань] — все, как во сне!

Чэнь прибыл в [Цзянлинское] управление и направился с визитом вежливости в храм [духа местности].

Он рассказал [об этом происшествии Чжан] Цзюнь-фану, и оказалось, что некогда по вине [Ли] Таня был разрушен храм Утунмяо. Тогда Чэнь восстановил храм — все, как было раньше.

Ну не удивительно ли?!

Примеч. Год... Цянь-син — 1022.

Чжан Цзюнь-фан (張君房 конец X—перв. пол. XI в.) — сунский эрудит, чиновник, последователь даосизма. В годы под девизом правления Цзин-дэ (1004—1007) стал цзиньши, в 1012—1019 гг. по высочайшему распоряжению трудился над составлением критического текста даосского канона «Дао цзан», для чего была проведена сверка трех самых авторитетных списков памятника; в результате двору был представлен «Да сун тянь гун бао цзан» (大宋天宮寶藏 «Драгоценная сокровищница Небесного Дворца, [законченная при] Великой Сун») в 4565 цзюанях. До наших дней этот вариант «Дао цзана» не дошел. Также Чжан Цзюнь-фан сделал компендиум этого собрания — самое лучшее и сокровенное, всего 122 цзюани, — назвав его «Юнь цзи ци цянь» (雲 «Семь грамот из облачного хранилища»).

Чэнь Цун-и (陳從易 XI в.) — сунский сановник и поэт, при императоре Жэнь-цзуне занимал высокие посты, в том числе был *чжуншун шэ-жэнь* (чиновник Чжуншуншэна, Государственной канцелярии, ведающий делопроизводством и составлением черновиков императорских бумаг).

Цзянлин — область, административный центр Цзиннани, военного округа, располагавшегося на северном берегу Янцзы.

Хэнчжоу, Шаочжоу — области, располагались на территории совр. пров. Шаньси.

Цзинхунаньлу — сунская провинция, занимала территорию южной части совр. пров. Хунань и Хэбэй.

Утунмяо — храм злого духа, духа блуда и разврата Утуна 五通, он же Усянь лингун 五顯靈公, Уланшэнь 五郎神, Дуцзяо утун 獨腳五通. Культ Утуна известен в Китае начиная с танского времени; к концу Тан и началу Сун относятся упоминания имени Утуна в письменных памятниках — так, о кумирне Утуна в Лючжоу упоминает Лю Цзун-юань (в «Лун чэн лу» 龍城錄); у Хун Мая сказано: «К югу от Великой реки (Янцзыцзян. — И. А.) много гор, а в долинах полно злых духов. Их проявления чудесны и крайне удивительны, и многим устроены кумирни — среди подходящих камней и деревьев. В каждой деревне есть. В двух Чжэ к востоку от реки (территория совр. пров. Чжэцзян. — И. А.) этих духов зовут Утун, а к западу от реки — Муся саньлан (Третий молодой господин из-под деревьев), еще — Мужэ (Гость из дерева). Одноногих зовут Дуцзяо утун (Одноногий Утун), и хотя названия разные — это все один и тот же дух». Подробнее см.: Хун Май. И-цзянь чжи. Т. 2. С. 695—697. Не следует путать этого духа с «Пятью проникшими» (пишутся так же: 五通, они же «Пять мудрых» 五聖 или «Пять прославленных божественных господ» 五顯靈公, их культ был также распространен в Чжэцзяне и Цзянсу), упоминания о которых тоже встречаются начиная с танского времени, — на различие между такими духами и Утуном указывает Хун Май; в более позднее время эти божества в народных верованиях окончательно перемешались, сохранив однако общие признаки, то есть враждебность к живым и склонность насылать мороки (благодарю А. Г. Сторожука за предоставленные материалы).

И-су выдерживает экзамен

Дугуань юаньвайлан Се И-су однажды рассказал следующее.

В свое время он был на столичных экзаменах, и когда они закончились, Се в одиночестве отправился в храм Сянгосы к гадале, желая узнать свою дальнейшую судьбу. Тот бросил гадательные бирки, посмотрел и сказал:

— Господин непременно выдержит экзамен!

— Вчера на дворцовых экзаменах, — возразил Се, — я в оде использовал всего лишь семь рифм, а про восьмую забыл! Непременно провалюсь.

— Судя по биркам, — отвечал гадалец, — годы вашей, господин, жизни связаны с успехом на экзаменах, а больше я вам ничего не могу сказать.

Потом и правда выяснилось, что Се выдержал экзамены вторым — после чжуаньюаня Цай Ци. Совершенно непонятно, как это могло случиться. Ну разве не судьба?

Примеч. Се И-су (謝頤素 XI в.) — сунский чиновник, о котором известно только, что он занимал должность *дугуань юаньвайлана* (что-то вроде внештатного помощника в Департаменте наказаний; реальной власти должность не давала).

Цай Ци (蔡齊 988—1039) — сунский чиновник, действительно выдержавший в 1008—1016 гг. экзамен на степень цзиньши и по списку прошедший первым. Занимал ряд крупных постов при дворе.

Люй Фан меняет имя

Люй Фан 呂防 некогда должен был ехать в столицу на экзамены.

Там он познакомился с Лю Шэнь-шанем 劉神善, на городском рынке [гадавшем по] «И [цзину]» и весьма с ним сдружился.

Однажды они сидели в винной лавке, и Люй спросил:

— Как сложится моя судьба в этом году?

— Сначала выпьем, а потом скажу, — ответил Лю.

Прошло время, и [Люй] продолжил:

— В списке выдержавших весенний экзамен будет только Люй Сянь, а Люй Фана не будет. Измените имя, господин!

Это было еще до экзаменов в цензorate.

Последовав [совету Лю], Люй Фан изменил имя на Сянь 憲, и действительно — в списке выдержавших это имя оказалось после имени Ли Ди.

Примеч. «И цзин» 易經 — «Книга перемен» («Чжоу и» 周易), самый древний памятник китайской философской мысли, восходящий непосредственно к древнейшей китайской гадательной практике (на костях и стеблях тысячелистника), основу которого составляют 64 гексаграммы, состоящие из шести расположенных друг над другом целых и прерванных линий во всех возможных комбинациях. Считается, что гексаграммы существуют на все случаи жизни, т. е. обнимают всю совокупность жизненных ситуаций, логично вытекают друг из друга и полностью объясняют как общественные процессы, так и индивидуальные человеческие судьбы. Необходимо только правильно понять смысл и значение гексаграмм. Такие попытки, собственно, и составляют основное содержание «И цзина». Сочинение со-

стоит из канонической части, включающей в себя два раздела и относящейся, по всей видимости, к VIII—VII вв. до н. э., а также комментаторской части «И чжуань», куда входят так называемые «Десять крыльев» (VI—IV вв. до н. э.) — семь комментариев-чжуань, три из которых имеют по два раздела. Подробнее об этом памятнике см.: *Щуцкий Ю. К.* Китайская классическая «Книга перемен».

Ли Ди (李迪 971—1047) — сунский сановник, действительно выдержал экзамен первым в 1005 г. Занимал посты министерского ранга. В начале 1020 г. Ли Ди дали отставку с поста министра и выслали управлять областью в провинцию. Службу закончил на посту наставника наследника престола.

Цун-чжэн получает продление жизни

В начале годов под девизом правления Чжи-пин некий Хуан Цзин-го 黃靖國, секретарь управления уезда Басянь, что в области Юйчжоу, был пожалован назначением на пост военного инспектора в Хуайхуа.

Как-то один солдат из пограничных войск обругал своего начальника.

— Обругать начальника — преступник заслуживает смерти! — сказал Хуан *цзюньцзяо*. — Однако, если мы закуем его, как положено, в кандалы и будем производить дознание, выйдет очень много мороки. Поэтому примем к преступнику свои меры.

[Каждый солдат] гарнизона ударил [виноватого] палкой — забили до смерти.

А на пятый год под девизом правления Син-нин, когда Хуан служил в Ичжоу, пришел официальный вызов прибыть в столицу. В пути Хуан вдруг заболел и умер.

А через двадцать два дня он ожил.

Вот что Хуан рассказал близким:

— Сначала я увидел, что за мной явились двое в желтом платье. Вышли мы за западные ворота, и через десять с чем-то ли показался дворцовый город, а вокруг великое множество охраны. Меня повели на аудиенцию к вану. Я дважды поклонился. «Как ты смел безвинно убить человека!» — вскричал ван. Тут ввели человека, и тот громко завопил: «Немедленно верни мне мою

жизнь!» Я взгляделся, а это тот самый солдат из Хуайхуа! Тогда я рассказал от начала и до конца, как все было. «Раз так, то разве эта казнь была незаслуженной?» — рассудил ван. Солдат замолчал, и его увели. И тогда один из чиновников вывел меня за ворота. Там я увидел ровные ряды дверей, и у каждой — охрана. Я обратился к чиновнику с расспросами, и тот, указав на одну дверь, сказал: «Это узилище танской императрицы У-хоу». Указал на другую: «А тут — танские продажные чиновники». [И еще:] «Вот здесь — танские клеветники». «А долго ли подобные им пребывают здесь?» — спросил я. «После смерти такие люди обречены на бесчисленные страдания, для них не предусмотрено освобождения», — был ответ. Потом я снова предстал перед ваном. «Вы служили в Ичжоу, знаете ли лекаря Не Цун-чжэна 聶從政?» — спросил он. «Знаю». «Хочу, чтобы в мире кое чего опасались», — сказал князь, и тут ввезли женщину лет двадцати с чем-то. Воин вспорол ей живот и стал колоть внутренности ножом. Кровь залила весь пол, а стенания женщины переполнили слух! «Это — госпожа Ли, жена хуатинского уездного секретаря — некоего Вана. Она возымела желание сблудить с Не [Цун-чжэном], но тот не посмел. Теперь женщина принимает здесь муки. Не [Цун-чжэну] же срок жизни продлен еще на двенадцать лет. В заgrabном управлении к подобным делам относятся с наибольшим вниманием. В мире живых слишком много соблазнов, ради которых можно пойти на всякие ухищрения, но в заgrabном царстве закон строг и уклониться [от кары] трудно! Таких проступков следует избегать, сообщите об этом, господин!» После князь меня отпустил.

Хуан навел справки о Не Цун-чжэне, и оказалось, что [с тех пор] прошло уже пятнадцать лет! [Об этой истории] давно забыли.

Как не трепетать перед заgrabным возмездием!

Примеч. Годы... Чжи-пин — 1064—1067.

Юйчжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Сычуань.

Хуайхуа — военный округ, располагался на территории совр. пров. Хунань.

Цзюньцзяо — военный чин, что-то вроде капитана.

Пятый год... Син-нин — 1072.

И ч ж о у — область, располагалась на территории совр. пров. Хэ-нань.

В а н — один из высших титулов знати; здесь, по всей вероятности, имеется в виду владыка подземного царства Яньло-ван.

У - х о у — танская императрица У Цзэ-тянь (吳則天 624—705).

История второй дочери Чжана

Дочь Чжан Луаня 張鑾 из уезда Цзаньхуансянь области Чжаочжоу умерла на седьмой день второй луны четвертого года под девизом правления Чжи-пин. Прошло три дня — и она ожила! Выговор у [девушки] странно изменился — стал как у хэдунцев.

— Я — Ван Лянь-чжи 王璉姪 из уезда Лэпинсянь, семнадцати лет меня отдали за господина Куня. Муж оказался злым, жестоким человеком, и я повесилась. Два духа препроводили меня в большой город: там были княжеские палаты, называвшиеся «[Палаты] Цинь-гуан-вана». Князь стал спрашивать, как вышло, что я умерла, приближенные внесли огромное, размером с колесо от телеги зеркало и велели мне взглянуть в него. «Когда-то эта женщина срезала кусок мяса с собственной ноги, чтобы вылечить мать, а потом — на собственном плече возжигала ароматные свечи, молясь об облегчении болезни свекрови. За эти два поступка ей можно продлить жизнь на двенадцать лет. Немедленно верните ее назад!» — приказал чиновнику князь и велел отправить меня домой. Но тело мое уже было безнадежно испорчено веревкой, и мы вернулись к князю. Тогда князь разрешил мне вселиться в какое-нибудь другое тело, и так я оказалась здесь!

И еще девушка рассказала, что в подземном аду все точно такое, как и в мире людей. Сделаешь хорошее или плохое — и воздаяние получишь соответствующее. Как не страшиться!

Примеч. Чжаочжоу — область, располагалась на территории совр. пров. Хэбэй.

Четвертый год... Чжи-пин — 1067.

Хэдунцы — то есть жители земель, расположенных к востоку от р. Хуанхэ.

Лэпинсянь — уезд, располагался на территории совр. пров. Шаньси.

Цинь-гуан-ван 秦廣王 — один из помощников владыки ада Яньло-вана, управляющий первым из десяти залов (адов) загробного мира, куда души совершивших самоубийство попадают сразу после смерти и где определяется первичная степень их вины (в первую очередь — с помощью упомянутого в тексте огромного зеркала, отражающего все дурные и хорошие дела, которые человек совершил при жизни), а также перспектива посмертного наказания. По китайским народным верованиям, в первом зале есть два отделения: Цзичан, Двор голода, и Кэчан, Двор жажды, где грешникам соответственно не дают есть и пить. Помещенные в эти дворы грешники раз в месяц снова совершают самоубийство тем же способом, а через некоторое время их души переправляют во второй зал, к Чу-цзя-вану, где проверяют, исправились они или нет, и в зависимости от этого или оставляют в покое, или назначают новую порцию вразумляющих наказаний. День рождения Цинь-гуан-вана отмечался в первый день второй луны.

История Сянь Цзи-цзюня

Однажды Сянь Цзи-цзюнь 賢雞君, [второе имя] Лу-гань 魯敢, будучи в западной части города, встретил служанку в синем платье.

— В восточном кабинете господина давно ожидает гость! — доложила она.

Сянь направился домой, вошел во двор, видит — прекрасная дева, что называется, блистает красотой в тени цветов! Сянь подумал: лиса-оборотень! — и с неприступным лицом отошел подальше. Тогда дева медленными шагами ушла.

Прошел месяц с небольшим.

Вдруг дева прилетела к Сяню прямо по воздуху.

— Я, ничтожная, — дальняя родственница Сиванму, — сказала она. — Живу в тереме Сичжэньгэ, у пруда Яочи.

И вот, будто во сне, она подхватила Сяня, и они сели на блестящих красками цилиней-единорогов, понеслись в холодной сверкающей бирюзовой пустоте и скоро оказались рядом с отвесным обрывом высотой во много чжанов. Поднялись на гору, где росли персики бессмертия, и слева показался чудесный парк, блистающий словно золото или серебро!

— Это Яочи! — объяснила дева.

Лазурные воды плескались в туманной дымке, далеко кругом поверхность воды сверкала мелкой рябью. Высились жемчужные башни, яшмовые чертоги, далеко окрест разносился нежный нефритовый звон. Среди красного сияния и изумрудных облаков словно повисла радуга, но тут они коснулись земли ногами и дева велела Сяню подниматься в терем Сичжэньгэ.

— Я слышала однажды, как Цзыюнь-нян (Пурпурная дева) декламировала ваши стихи! — заметила дева.

Только сказала — и разлилось во все стороны красное сияние, зазвенели жемчужные украшения и появилась женщина: глаза как звезды, прекрасное лицо словно подкрашено киноварью, пурпурные одежды.

— Это и есть Сиванму! — сказала дева.

Прошло время, и прибыла Цзыюнь-нян.

— А это — Сянь Цзи-цзюнь! — познакомила их дева.

Вскоре они подняли винные кубки, и прислужницы запели «Пением вторят друг другу феникс с луанем» и «Раньше времени празднуют дождик и тучка».

Потом вошли в пещеру, а там — бирюзовые персики, абрикосы, а аромат густой, как туман.

— Мы еще встретимся с вами в мире людей! — сказала дева. — А потом поселимся тут вместе.

Сянь распрощался и отправился домой.

Примеч. С и в а н м у 西王母 — «Владычица Запада», женское божество, хозяйка Запада и обладательница снадобья бессмертия. В древности Сиванму, по всей вероятности, была богиней царства мертвых, но с течением времени ее образ трансформировался. Считалось, что Сиванму вместе со свитой обитает в горах Куньлунь, где растут персики бессмертия и где на берегу пруда Яочи стоит ее дворец; она — хозяйка своеобразного рая бессмертных (в распоряжении этого божества находятся списки всех бессмертных, и она может оказывать существенное влияние на их судьбы), для которых устраивает регулярные пиры.

Нищий из Лунхэцзя

Ли У-цзин 李五經 отправился в столицу за новым назначением. Путь его лежал через местечко Чжунтинчжэнь. Там Ли по-

встречал двух нищих-попрошак, которые спорили у обочины дороги. Одна из них, ветхая старуха, голосила:

— Я всю жизнь прошу милостыню и вот скопила несколько сотен золотом, ты взял у меня займы, а теперь и половины не возвращаешь!

У-цзин достал несколько связок монет и протянул должавшему, чтобы тот вернул.

— Я действительно должен ей деньги! — с благодарностью сказал другой нищий. — А вы, господин, просто прохожий, но все же нашли несколько монет, чтобы разрешить наш спор!.. Я живу в местечке Лунхэцой и, если вы, господин, соизволите посетить меня, непременно отблагодарю вас со всей щедростью.

У-цзин удивился его словам.

Впоследствии, когда он проезжал через Лунхэ, то действительно нашел там указанный дом. Вошел в ворота, видит — несколько нищих сидят рядом у огня земляного очага. Пройдя в дом, У-цзин увидел спящего на возвышении человека в официальной шапке и поясе — тот самый нищий-попрошайка!

Нищий пригласил У-цзина садиться и сказал:

— Выпейте, чтобы согреться, немного вина!

У-цзин, исполненный подозрений, смолчал. Нищий принялся очень усердно за ним ухаживать, но У-цзин вежливо отказывался и так ни глотка и не выпил, лишь коснулся вина губами. Стоял сильный мороз, но на тарелках были все летние фрукты. У-цзин украдкой сунул за пазуху три персика.

Тогда нищий сложил такие стихи:

Подозрения в душе зря вы затаили:

Жить нельзя среди людей, им не доверяя.

Путь понятен мой и прост, как точильный камень.

Почему страшитесь вы на него ступить?

Вернувшись домой, У-цзин сунул руку за пазуху, а там вместо персиков — три кусочка золота! У-цзин исполнился еще больших подозрений и на другой день снова направился к нищему с визитом, но не нашел даже дома, и сколько бы ни спрашивал, никто про того нищего ничего не знал.

Из золота У-цзин распорядился отлить чашу для питья. Ему было уже больше семидесяти лет, а лицо у него оставалось как у юноши. Не действие ли это вина, которого У-цзин лишь коснулся губами?